

Жерар Клейн Звездный гамбит

Жаку Бержье

Гамбит — партия, где в дебюте один из противников жертвует пешку, с целью добиться позиционного перевеса или перехватить инициативу в игре.

Пьер Мора. Шахматы

1. ВЕРБОВЩИКИ

Ему было тридцать два года, и звали его Жерг Алган. Всю свою недолгую жизнь он провел на Даркии, оказываясь то в одном, то в другом ее уголке: пересекал моря на сомнительного вида глассерах, летал над континентами на борту древних самолетов, реликвий прошлых веков, жарился под горячим солнцем экваториальных пляжей, ему даже довелось участвовать в охоте на последнего хищника, до того как часть Центрального континента ушла под воду.

Он не сделал в своей жизни почти ничего дельного. Он никогда не покидал родной планеты и никогда не выходил за пределы ее атмосферы. Между периодами бродяжничества он жил в Дарке, занимаясь чем придется в этом мегаполисе Даркии.

Дарк с его тридцатью миллионами жителей был в Галактике почти единственным прибежищем для людей подобного сорта. Если они вели себя тихо, полиция не трогала их. Дарк считался одним из важнейших космопортов в этом секторе Галактики, и в нем процветала подпольная торговля самыми разными товарами. Здесь можно было купить любое животное, даже то, продажа которого запрещена из-за его особой опасности. В Дарке вы могли отведать любое лакомство, приготовленное на вкус жителя любой планеты. Кое-кто утверждал, что здесь торгуют даже рабами. Дарк издавна снискал себе самую скандальную репутацию во всей Галактике.

Алган знал и лучшие, и худшие дни. Он не занимался ни одним делом более трех месяцев кряду. Он ни разу не продал одной и той же вещи дважды. Пока он сумел избежать серьезных столкновений с полицией, но вряд ли это зависело только от него.

Сейчас он искал удобного случая отправиться куда-то, где еще не удалось побывать. В каждом древнем космопорте, который занимается лишь перегрузкой товаров для ближайших планет, существуют места, где можно «ухватить удачу». Например, подцепить какого-нибудь старого дурака, впервые ступившего на древнюю планету, чтобы осмотреть живописные развалины, или заядлого охотника, мечтающего присоединить редкую зверюшку к своей коллекции трофеев, но лучше всего встретить загулявшего участника какой-нибудь экспедиции, который, угостив парой стаканчиков, попросит познакомить его с нравами древнепланетян.

Алган давно облюбовал для своих делишек «Меч Ориона». Всякий, кто впервые прилетал в Дарк с какой-то из десяти планет пуритан и случайно забредал сюда, содрогался от одного названия этого бара, но страхи его были лишены оснований.

Алган пробрался в самый темный угол и заказал выпить. Он с удовольствием развалился в кресле, не отрывая взгляда от двери. Над самым входом висел меч с Ориона — символ заведения. Этот стальной стержень, заточенный как игла, украшала странная сверкающая гравировка. Быть может, миллионы лет назад он на самом деле служил оружием в каком-то другом мире. Кто это знал? Меч мог быть и произведением искусства.

Зал был почти пуст. В нем царила необычная тишина.

Алган постучал монетой по столу.

— Чего-нибудь покрепче! — крикнул он.

Зал постепенно наполнялся. Сюда обычно стекались люди со всех концов Вселенной: торговцы с Ригеля, в тонких металлических одеяниях; высокие тощие звездоплаватели с Ультара — в условиях иной гравитации движения их были на удивление неловкими; крохотные ксьены, светловолосые люди с монголоидным разрезом глаз; зеленокожие жители Аро, чьи глаза без зрачков казались бездонными — у них были громадные лбы и лысые головы.

Одежды и краски не повторялись, как и виды оружия у пояса. Украшения на одежде ярко пылали. Словом, «Меч Ориона» в миниатюре отражал всю карнавальную многоликость Дарка, когда в его порт опускалась флотилия торговых кораблей.

У каждого посетителя был свой акцент, но все говорили на древнем космическом языке.

В кресло рядом с Алганом уселся здоровенный мужчина, кожа его задубела не иначе как под лучами тысяч солнц, а брюхо округлилось от снеди, которую готовят во всех концах Галактики.

— Послушай, приятель, не хочешь ли посмотреть новые места? — спросил этот человек, повернувшись к Алгану.

— Смотря какие, — нехотя буркнул Алган.

— Какие хочешь. Выпьем?

— Не откажусь, — кивнул Алган.

Они выпили и несколько минут сидели молча.

— В космосе есть немало прекрасных миров, — мечтательно протянул толстяк. — На любой вкус.

— Не сомневаюсь, — ответил Алган.

— Молодой человек, в ваши лета я уже успел побывать на доброй полусотне планет. Хотя уверен, и вам довелось попутешествовать. Наверно, отдыхаете между экспедициями? Увы, космос стал обычным делом. Еще по стаканчику?

— Я ни разу не покидал Даркии, — медленно процедил Алган. — И пока у меня нет желания расставаться с нею. Ничто не может мне заменить этот зеленый мир. За выпивку — спасибо. Как говорится, одна порция солнца не погасит.

— Еще бы, — поддакнул собеседник.

Они опять замолчали. Алган внимательно посмотрел в заплывшие жиром глазки толстяка. Ему не понравился сверкнувший в них хитрый огонек.

— Вы, наверно, торговец? — спросил он.

Человек громко расхохотался.

— Если хотите, юноша. Можете называть меня торговцем.

— Ну, и как нынче идут дела?

Вежливость в космосе совершенно необходима, а в космопорте в особенности. Жерг Алган хорошо знал это и потому никогда не задавал прямых вопросов.

— Что-то товару стало меньше.

Торговец снова расхохотался. Жерг присоединился к нему, что еще больше развеселило его собеседника. Глазки толстяка совсем скрылись в жирных складках. Алган резко оборвал смех.

— Вы что-нибудь ищете на Даркии? Я знаю ее как свои пять пальцев, и не исключено, что смогу вам помочь.

— Очень даже, малыш! Еще порцию?

Алгану пришлось не по вкусу фамильярность собеседника, но он сдержал себя ради даровой выпивки. Они пили еще и еще...

— Конечно, ты мне можешь помочь, малыш, — очнувшись, услышал Алган слова толстяка. — Подпиши вот это — и увидишь новые миры.

— А куда вы направляетесь? — растягивая слова, спросил Алган.

— Туда, куда велит мне долг, — колыхнулась гора жира.

Что-то влажное коснулось пальцев Алгана, а затем их прижали к твердой поверхности.

— Ну и набрался! — послышался незнакомый голос.

Он открыл глаза. Кто-то сунул ему в руки какой-то цилиндр. Он не знал, что это такое. Он все еще парил среди серых скал под низким зеленым небом.

— Пиши свое имя, старина, — послышался снисходительный голос. — Ты же хочешь путешествовать. Ты просто рвешься путешествовать! Пиши свое имя.

Он силился удержать крохотную ручку в пальцах. Начал было писать, но буквы расплывались перед глазами.

— Еще одно усилие.

От усердия он высунул язык. Кто-то взял его за руку и сказал:

— Нормально.

Алган уронил руку, ощущая, что она вот-вот оторвется под собственной тяжестью. Рука увлекла его за собой, и он утонул в бесконечности, кружась среди жемчужных скал. В ушах гремела пронзительная музыка. Он летел вниз, в колодец с жемчужными стенками, навстречу зеленой воде и зеленому небу, зажатому в серый цилиндр, навстречу зеленому полу и зеленому потолку, которые все быстрее и быстрее сближались друг с другом. Жемчужные стенки превратились в узкую полоску между двумя зелеными кругами, затем стали ниточкой. Колодец взорвался.

Алган выпрямился. Он не сразу понял, где находится, и инстинктивно пощупал, на месте ли пистолет, затем встряхнулся, словно вылез из воды.

Рядом никого не было. Толстяк с жирными пальцами мог и присниться.

Алган поднял руку и щелкнул пальцами.

— Чего-нибудь освежающего, — крикнул он.

Он выпил одним глотком содержимое стакана и сразу почувствовал себя лучше. Он поднялся и хотел было идти. Но в ногах «бегали мурашки», словно он сутки пролежал за столом. Видно, он слишком много выпил. Алган пошарил в карманах и бросил на стол несколько монет. Затем направился к двери. Кто-то поздоровался с ним, и он в ответ лениво махнул рукой. Споткнувшись о порожек, Алган едва сумел устоять на ногах.

На улице его словно мокрым саваном облепил тяжелый влажный воздух Дарка. Алган несколько раз зажмурился, стараясь привыкнуть к темноте.

Он с трудом ковылял по плохо освещенной улице. Его ноги разъезжались на скользкой

мостовой, истертой тысячами сапог. Но тренированный взгляд впивался в каждый сгусток тьмы. Дарк был безопасным городом, но относительно безопасным. И меру этой относительности лучше было не знать.

Ему некуда было идти. Он надеялся провести ночь где-нибудь в старом городе. Подремать вполглаза, прижавшись спиной к стене и не выпуская рукоятки пистолета.

Ориентируясь по огням космопорта, он нырял в ворота, проскальзывал во тьме между старинными домами, ровесниками порта, старался обходить освещенные места. Иногда он спотыкался, останавливался в нерешительности, и тогда всполохи от стартующих кораблей помогали ему разглядеть дорогу.

Вдруг он насторожился:

— Пора, — крикнул кто-то.

И тут же на него набросились сразу несколько человек. Он не видел, откуда они появились, пригнулся, стараясь увернуться от рук, и проскользнул меж ног нападавших. Затем бросился бежать, иногда оборачиваясь, чтобы рассмотреть преследователей.

Топот его сапог гулко раздавался в темноте. Он не надеялся удрать. Ворваться в открытые двери в этой части города было не менее опасно, чем оказаться в руках напавших. Единственным спасением мог быть полицейский патруль. Но в ночное время полиция — редкий гость в кварталах старого города. Полицейским здесь нечего бояться, просто в их присутствии не было особой необходимости. Жители старого города не требовали от полиции защиты, а полиция старалась по возможности не беспокоить их. Это было частью древнего негласного уговора и позволяло жителям десяти пуританских планет критиковать пороки Даркии. Правая рука Алгана скользнула к кобуре с лучевым пистолетом. Убийство было тяжким преступлением, и он не мог решиться на него с легким сердцем. Полиция никогда не верила версии о самообороне.

Он оглянулся — преследователи были совсем рядом. Они бежали почти бесшумно. Он различил четыре силуэта. Быть может, позади них были и другие. Исход борьбы был предрешен, если только он не перестреляет всех.

Он резко свернул в боковую улочку, которая заканчивалась громадной лестницей, спускавшейся к космопорту, но почувствовал, что не успеет добежать до бронзовых ворот. За спиной раздался раскатистый смех. Это разозлило Алгана и придало ему сил. Какие-то мгновения он надеялся уйти от погони в этом извилистом каменном коридоре. Прыгая через ступени, он несясь между глухими стенами, позволявшими видеть только узкую полоску звездного неба над головой. Он не знал, кто его преследователи, зачем гонятся за ним и где находятся теперь.

Он задыхался. Правая ладонь сжимала рукоятку лучевого пистолета. Может, пора остановиться и вступить в бой? Или он ближе к порту, чем кажется? Преследователи не оставили времени для выбора. Они открыли огонь первыми. Но они не собирались его убивать. Тяжелый липкий предмет ткнулся ему в затылок, а ноги оплели прочные, словно стальные тросы, веревки. Он упал вниз лицом, выставив вперед руки. Он хотел было, сжавшись в комок, скатиться вниз по ступеням и постараться выхватить пистолет, но ощутил новый толчок в затылок, и новые веревки опутали ему руки. И все же он успел выхватить пистолет и нажать на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Теряя сознание, он ощупал рукоять — магазина не было.

Он отбросил бесполезное оружие, и пистолет застучал по ступеням. Преследователи схватили Алгана.

— Это он.

— Усыпи его.

Он почувствовал присоску позади уха. Полоска звездного неба над головой начала вращаться и зеленеть, а черные стены обратились в серо-жемчужный туман.

— Спокойной ночи, — пробормотал он и тут же заснул.

Алган плыл, окутанный серо-жемчужным облаком. Очнувшись, он инстинктивно сунул руку за пистолетом, но оружия не было — он лежал обнаженный на постели. В комнате с

белыми стенами не оказалось даже окон.

Он приподнялся на локте, ничего не понимая. Смутно помнилось, как накануне ввязался в какую-то драку. Но что было до нее? Оглядевшись, он решил, что помещение похоже на тюремную камеру.

Может, его схватила полиция? Эта мысль ему не понравилась. А может, он ранен? И попал в больницу? Или ему прописали лечение сном? Чувствовал он себя отлично.

Алган внимательно огляделся. Похожие помещения он видел в космопорте, где однажды ему довелось побывать. Комната не вызывала особых страхов, беспокоило только отсутствие двери, окон и люка в потолке, но он решил не терзаться по таким пустякам. Как его сюда доставили, так и выведут. Его больше беспокоило отсутствие одежды. Неужели ее украли?

Он попытался вспомнить, что же все-таки произошло накануне. Машинально почесал за правым ухом и вдруг похолодел — ведь его усыпили. Это было куда серьезнее, чем потеря одежды. Усыпители имелись только у полиции. И обычной банде грабителей не просто было их раздобыть. Скорее всего, он попал в лапы полиции.

Его раздражали голые стены без единой трещины и щели — как тут угадать, в каком месте находится дверь. Алган надеялся, что ему не желали зла — ведь если бы его хотели убить, то сделали бы это, пока он лежал в беспамятстве.

Он вновь улегся и принялся ждать. Ему не хватало информации ни для подготовки побега, ни для защиты. Если же он попал в лапы полиции, то его могли упрятать за решетку по меньшей мере за пять проступков.

Вдруг одна из стен засветилась и сделалась прозрачной. Он увидел космопорт, а вдали, между устремленными в небо иглами кораблей, которые теснились на гигантской бетонной равнине, сверкали громадные бронзовые врата, как бы олицетворявшие собой границу между упорядоченностью космоса и городским хаосом.

Стена справа распахнулась, затрещав, будто рвущаяся ткань.

— Встаньте и идите.

Он подчинился приказу. Узкий, слабо освещенный коридор смыкался позади него, как только он проходил.

Вскоре Алган оказался в маленькой темной комнатке. Пока он пытался осмотреться, что-то горячее обвилось вокруг его руки. Сопротивление было бессмысленным. Он почувствовал легкий укол. Затем его окатило теплым дождем. Поток инфракрасного излучения тут же высушил кожу. И вновь перед ним распахнулся теперь уже широкий и ярко освещенный коридор. Коридор привел в помещение, где висела одежда. Это оказался комбинезон звездоплывателя.

— Одевайтесь!

Он быстро натянул одежду, понимая, что возражать бесполезно.

Алган снова двинулся вперед. Здание походило на ком теста, в котором по чьему-то желанию образовывались пустоты. И вдруг стены коридора разошлись в стороны. Алган замер: ему показалось, что он парит в воздухе над космопортом. На самом деле, оглядевшись, он понял, что коридор вывел его в огромный зал, одна из стен которого была прозрачной и открывала вид на космопорт. Когда глаза Алгана привыкли к свету, он увидел за огромным белым столом человека в синей рубашке, который, казалось, ждал его.

— Приветствую вас, — произнес человек. — Полюбуйтесь портом, это неплохо для начала.

Алган молчал. Его на самом деле захватил открывшийся вид, но он еще и не знал, что ответить.

— Думаю, нам предстоит разговор, — начал он.

— Приятно слышать разумные речи, — усмехнулся человек в синем. — Я так часто вынужден уламывать людей, попадающих сюда впервые, что мои функции порой не доставляют мне удовольствия. Садитесь, пожалуйста.

Алган удобно расположился в синем кресле.

— Слушаю вас.

Человек в синем смутился.

— Мне казалось, вас терзает желание задать мне кое-какие вопросы?

— Пока меня терзает только голод, — небрежно обронил Алган.

Он не спешил выяснять свое положение. Он наслаждался удобным креслом, с интересом рассматривал ковер с необычайно сложным рисунком, белый стол и упивался невероятной панорамой космопорта.

— Как хотите, — сказал человек в синем и нажал кнопку.

Он молча разглядывал Алгана, пока тот ел. Покончив с едой, Алган поднялся и встал лицом к окну.

— Как вас зовут? — спросил он. — И почему мне выпала честь воспользоваться вашим гостеприимством?

— Вам все же интересно, — усмехнулся человек в синем. Его серые бегающие глаза остановились на лице Алгана. — Мое имя Тиал. Иор Тиал. Не уверен, что оно знакомо вам. Вы, похоже, смирились со своей участью?

— Что вы имеете в виду? — холодно осведомился Алган. Он старался сохранить невозмутимость, хотя ощущал все возрастающее беспокойство.

— Прекрасная участь — завоевание пространства! — воскликнул Тиал, широким жестом показывая на корабли и порт.

— Вы издеваетесь надо мной, — отмахнулся Алган. — Я никогда не покину Даркию.

— Ай-ай-ай, — усмехнулся человек, — стоит ли понапрасну сотрясать воздух? Тем более что вы поставили свою подпись...

— Какую подпись? — удивился Алган.

И вдруг у него в голове все прояснилось. Его обвел вокруг пальца вербовщик! Вчерашний толстяк подпоил его, чтобы заполучить подпись, и теперь его, Алгана, собирались отправить в космос, на какую-нибудь заброшенную планетенку, до которой придется добираться бог знает сколько времени на полуразвалившемся суденышке. Он вдруг ощутил приступ злости. Подобные слухи ходили в старом городе, но он никогда не придавал им особого значения. И если кто-то вдруг исчезал из древних кварталов Дарка, вопросов никто не задавал; человек мог вернуться через год с карманами, полными денег, а мог навсегда растаять в плотном воздухе Дарка. Алган считал, что галактиане давным-давно оставили в покое древнепланетян.

— Думаю, вы все поняли. Хотя кое-какие подробности, возможно, вас заинтересуют. Могу прочесть вам контракт. Обычно люди, подписавшие его, верят нам на слово. Их даже не интересуют отдельные пункты. Могу вам поклясться, это — выгодная сделка.

— Она незаконна, — сказал Алган. — Такое мошенничество не сойдет вам с рук. На Даркии еще есть закон.

— Конечно, есть, — согласился Тиал. — И судьи должным образом оценят составленный по всем правилам контракт.

— Меня заставили его подписать обманным путем, — продолжал упорствовать Алган. — Вам это хорошо известно.

— Судьям будет интересно узнать такие подробности. Вас заставили? К вам применили силу? Вы уверены в этом?

— Насилия не было. Меня опоили.

— Против вашей воли?

— Не совсем. Да вам лучше знать, что со мной произошло. Я требую созыва жюри. Я хочу подать жалобу.

— Прежде чем вы решитесь на какие-либо действия, хочу дать вам небольшой совет, — сказал Тиал.

Тон его был равнодушен и холоден. Алган понял, что его дела плохи.

— Вы признаете, что напились по собственной воле, не так ли? И утверждаете, что кто-то воспользовался вашим состоянием и заставил подписать бумагу? Вы настаиваете на

этом?

— Не совсем так, — возразил Алган. — Некто угостил меня несколькими стаканчиками спиртного. Он выглядел человеком, которому не с кем выпить. Я хотел сделать ему приятное. А этот подонок опоил меня каким-то зельем. И я подписал какую-то бумагу.

— Вы пили... по собственной воле? Вас не принуждали?

Алган утвердительно кивнул.

— И вы признаете, что выпили так много, что потеряли контроль над собой?

— К чему вы клоните?

— А вот к чему. Утрата контроля над своими поступками — провинность перед лицом закона. Я готов поверить, что ваш напарник по выпивке действительно существует. Вы можете доставить его сюда связанным по рукам и ногам? Полиция занялась бы его поисками, но она предпочитает не трогать жителей старого города. Людей вроде вас. Правда, бывают исключения. Итак, выбирайте — либо вас как алкоголика арестует полиция и предаст суду пуритан, либо вы выполните условия контракта. Думаю, суд не без удовольствия сошлет вас на какую-нибудь новую планету, где придется здорово вкалывать. Вы же знаете, пуритане не жалуют пьянчуг. Куда лучше — десять лет в космосе за счет правительства плюс деньги. Мне кажется, вы любитель приключений. Не будьте ретроградом. Отправляйтесь в космос.

— Да, у вас здесь порядок, — сказал Алган. — Все между собой договорились — и полиция, и портовые власти, и космический отдел, и правительство. Мне остается только «сделать ручкой» — и в путь.

Он поднял голову, всматриваясь в далекое пламя, рвущееся из сопел звездолета. Поверх бронзовых врат он видел раскинувшийся на холмах город, беспорядочное нагромождение разноцветных кубиков, город, который ему суждено увидеть лишь через десять лет. Близкий и недоступный. Их уже разделили десятки световых лет и пустота, сотни солнц, возможные кораблекрушения, непредвиденные опасности, могущественные, неизвестные и враждебные существа.

Вдали, за городом, таяли в тумане зеленые равнины Даркии с ее руинами, с ее погребенными под лишайниками и ледниками мертвыми городами и навсегда утерянными тайнами. Он ощутил в себе какое-то новое чувство. Внезапно возникшее желание отомстить за обман и бессилие стали зародышем ненависти, которая за долгие годы в пустоте будет расти, пока не приведет к взрыву, который уничтожит и холодную бесчеловечность галактиан. Он рассчитает за все, когда наступит час расплаты. Но этот час придет еще не скоро.

— Меня похитили, — глухо сказал Алган. — Меня похитили. И я нахожусь здесь не по своей воле. Этого-то вы не можете отрицать?

— Если хотите называть вещи своими именами, вас действительно похитили. Но официально вас подобрал патруль полиции и доставил сюда согласно контракту. По правилам вас следовало отдать под суд. Но будучи людьми благородной души, шефы полиции сочли, что вы имеете право отпраздновать подписание контракта, и закрыли на все глаза. Однако, если вы подадите жалобу, они будут вынуждены сказать правду. И поверьте, против своей воли.

— Если бы Галактика знала, как вербуют людей в первопроходцы! — воскликнул Алган. — Если бы она знала!

— А! Об этом многие знают. Но к словам жителей Дарка в космосе мало кто прислушивается. Уверен, вам рассмеются в лицо, когда услышат вашу историю. А может, и вломят по первое число, узнав, откуда вы. Ретрограды вроде вас не в чести в Галактике. Лучше держите язык за зубами.

Алган вскочил и прижался к огромному окну. Ярость разрывала грудь. Ему хотелось разбить стекло и броситься вниз, в тысячеметровую пропасть навстречу фарфоровой земле. Хотелось увидеть, как взрываются и горят корабли, как разбегаются матросы, как гибнет порт под равнодушным взглядом отгороженного бронзовыми вратами города.

Космос был своего рода тюрьмой. Он знал это. И ему суждено плавать в этой тюрьме целых десять лет. В сердце его будет klokотать ярость, а память будет хранить эти сверкающие врата и старый вольный город за ними, живущий своей непокорной жизнью.

— Мне понятны ваши чувства, — сказал Тиал. — Я видел здесь многих, но такие, как вы, встречаются не часто. Обычно люди вопят, кричат, угрожают, умоляют. А через три месяца чувствуют себя в космосе как дома. Надеюсь, с вами произойдет то же. Но, откровенно говоря, у меня нет уверенности в этом. Не исключено, на какой-нибудь планете вы найдете похожий город. А этот станет совсем другим, когда вы возвратитесь... через тысячу лет.

Алган медленно повернул голову. Его глаза горели недобрым огнем. Тысяча лет. Именно это падение, это бегство в пучину времени страшило его больше всего, и он не желал касаться этой темы. Десять лет полета со скоростью света в корабле и тысяча лет здесь. Порт практически не изменится, а город наверняка исчезнет.

— Я уже умру, — сказал Тиал, — когда вы вернетесь, если захотите возвратиться. Здесь уже никто не будет помнить обо мне. Надеюсь, тогда вы перестанете ненавидеть меня. Хотя какое это может иметь значение. Будут другие люди, и они будут делать те же простые и трудные дела. Иногда мне кажется, что мы затеряны не в пространстве, а во времени. Когда на заре истории наши предки начали бороздить водные пространства на судах, движимых силой ветра, расстояния им казались непреодолимыми. А теперь мы плаваем среди звезд. Только время держит нас в своих цепких объятиях. И от этого нам в тысячу раз тяжелее.

— Замолчите, — крикнул Алган, — замолчите!

Столетия стучали в его барабанные перепонки, как песчинки о стекло песочных часов. Тысяча лет. Люди, которых он знал, умрут. На новых мирах каждый жил в одиночку, работал и торговал по своему собственному времени. Корабли уносили и приносили с собой годы. На планетах пуритан по этой причине запретили браки — после месяца путешествия сын оказывался старше отца, а это сочли аморальным.

В их решении была своя логика.

Люди пылью летели навстречу звездам. Слабые и одинокие создания.

Такой нелепицы, как межзвездный полет, не могло случиться с ним. Его вселенная была шаром с видимым горизонтом, с друзьями на всю жизнь, со старым семейным домом.

— Поведение ретроградов сродни поведению животных, — с неприязненной усмешкой говорили пуритане.

Может быть. Может быть, они были правы. Может быть, человеку следовало измениться. Дорасти до масштабов нового дома — еще едва-едва разведанной Галактики.

Но все это было в будущем. А сегодня Алган, как почти всякий житель древней планеты, ощущал себя человеком прошлого.

— Мне не нравятся методы, которыми пользуется Бетельгейзе, — тихо говорил Тиал. — Но я допускаю, что они разумны. Я тоже ощущаю себя человеком прошлого, но иначе, чем вы, поскольку родился на другой планете. Я пытаюсь вас понять. Я знаю, после меня придут другие люди, которые, возможно, станут вести себя жестче, чем я. Мне хотелось, чтобы вы знали все это. Люди вроде вас обречены. За тысячу лет все переменится. Когда вы вернетесь, Жерг, здесь не останется ни единой души, способной понять вас. Но, вероятно, к тому времени обретут историю иные планеты. Их история будет другой. И все-таки это будет история. Мы пробыли в космосе слишком мало времени. В Галактике больше годных для обитания миров, чем людей. Наше владычество над природой очень зыбко. И поэтому мы вынуждены посылать в далекие путешествия даже тех, кто не желает покидать своего родного мира. Нас можно сравнить с горсткой пыли в вакууме. Поймите нас, Жерг.

«У меня тысяча лет, чтобы разрушить все это, — подумал Алган. — Тысяча лет, или десять лет. Впрочем, это одно и то же».

Порт вздрогнул от мощного рева. С бетонной поверхности на огненном столбе

величественно взмыл корабль. Он пронзил атмосферу, затмив на мгновение сияние солнца. На высоте тысячи километров планетарные двигатели отключатся и заработает ядерный двигатель. Звездолет будет набирать скорость до тех пор, пока не достигнет скорости света, а время для пассажиров застынет. Затем корабль совершит прыжок в подпространство и поплывет вне времени по одному из течений Вселенной к своей далекой цели, которую, быть может, еще никогда никто не видел.

— Желаю вам, Жерг, успешного путешествия, — произнес Тиал.

— Спасибо, — стараясь не встречаться с глазами собеседника, холодно ответил Алган. Он не отрывал взгляда от неба.

2. КОСМОПОРТ

Вся Вселенная прошита невидимыми нитями, которые могут стать маршрутом любого корабля. Из этих нитей сплеталось нечто вроде ткани, и каждый звездный или обитаемый мир был ее узелком. В далекие героические времена Земля рассеяла по Галактике свои споры, и те дали всходы. Через несколько веков освоение пространства замедлилось. И не потому, что были исследованы и заселены все миры, а потому, что стала ощущаться острая нехватка в людях. В некоторых солнечных системах жило всего по несколько семей. Самые густонаселенные планеты насчитывали не более сотни миллионов жителей, хотя в Галактике имелись и города, где численность населения достигала пятидесяти миллионов человек.

Наступило время парадоксов. Огромные мегаполисы и пустынные планеты были одними из них. Деятельность порта требовала громадного количества людей. На каждого улетающего в космос приходилось десять тысяч человек на планете. Тогда и возникли города с населением в сотни миллионов обитателей, которые раскинулись на целые континенты. Со временем машины позволили отправить большую часть населения этих городов на разведку новых миров. Самые древние города вроде Дарка, Тугара, Олнира, свидетели первых шагов человека в космосе, были жалкой тенью прежних колоссальных столиц. Люди могли гордиться славным прошлым человечества и чувствовать себя хозяевами космоса, но не могли предусмотреть всех ловушек Вселенной.

Случалось, что замолкал целый звездный сектор. И лишь спустя сотню лет люди узнавали, что произошло с его обитателями. Бывало, они просто-напросто исчезали, и тогда весь район объявляли опасным. Иногда люди отказывались от технической цивилизации и переставали пользоваться трансрадио. Социологи внимательно изучали эти неопримитивные народы, хотя у них едва хватало времени на наблюдения за множеством миров и обществ, которые возникали, развивались и умирали...

Человечество осваивало космос, но по-прежнему блуждало в лабиринтах Времени. Даже на каждой планете время текло по-разному в зависимости от ее массы, орбиты и положения по отношению к центру Галактики. А те, кто путешествовал со скоростью света, становились жертвами странных ловушек, расставленных Хроносом. История перестала восприниматься как непрерывный процесс. Ткань истории стала больше напоминать переплетение разнородных волокон, а потому было невероятно трудно разобраться в причинах и следствиях событий. Войны утратили всякий смысл. Центральное правительство стало простым символом, на который ссылались в случае нужды местные власти. Однако это правительство, разместившееся на гигантской планете в районе Бетельгейзе, оказалось символом действенным и стабильным как в пространстве, так и во времени. Казалось, что лучи красной звезды-гиганта, видимой во всей Освоенной Галактике, доносят до самых отдаленных уголков волю центральной власти. И хотя планета правительства обращалась не вокруг Бетельгейзе, а вокруг соседней небольшой звезды, обеспокоенные или удивленные взоры устремлялись к Бетельгейзе. Само название Бетельгейзе произносили с почтением, словно красноватый свет звезды вливал в них новые силы.

Развивайся на каждой освоенной планете своя культура или цивилизация, центральное правительство не могло бы повлиять на нее из-за искажений во времени. Но именно

искажения во времени, связанные с межзвездными путешествиями, не позволяли выбирать особый путь. Во всей Галактике существовала некая верность центральному правительству Бетельгейзе, поскольку его власть была единственной стабильной реальностью в этом мире зыбкого времени.

Центральное правительство направляло своих чиновников, исследователей и первопроходцев во все известные миры Галактики. Когда они возвращались с устаревшей на века информацией, судьбы Галактики решали иные люди. Но это не имело никакого значения. Все данные накапливались в памяти гигантских компьютеров Бетельгейзе и позволяли составлять планы, которые могли быть реализованы через пятьсот лет в каком-нибудь отдаленном секторе Галактики.

Ибо главной задачей человека, стремящегося выжить в этой Галактике, было ее познание. Опасность крылась в недооценке опасностей. К этому можно было привыкнуть, но забывать не стоило. Первые исследователи погибали оттого, что не знали, как противостоять той или иной угрозе. Целью правительства была подготовка первопроходцев, способных выжить в любых условиях.

Алган боялся, что не выдержит тренировок. Но биологи и психологи составили программы подготовки со знанием дела и проводили их на грани человеческой выносливости, поскольку космос не спрашивает, каковы ее пределы.

Тренировки закаливали человека как физически, так и умственно.

Когда Алгана впервые привязали к «большому креслу», он принялся шутить. Но уже на третьей минуте из его легких рвались только вопли:

— Оставьте меня в покое! Выключите эту чертову механику!

Он поносил своих мучителей последними словами, но те не слушали его. Они знали, что ощущает Алган, — ведь они сами прошли через это. И знали, что для Алгана эти испытания — единственная возможность не сойти с ума потом. Они также знали, что сам Алган сочтет свои мучения смехотворными по сравнению с теми, которые выпадут на его долю позже. Они только надеялись, что не ошиблись, когда исследовали организм этого человека.

Алгану казалось, что он падает в бесконечную тьму без единого проблеска света. Падение было бесконечным. Живот раздирали спазмы. Сердце билось то учащенно, то вовсе останавливалось — его организмом управляли команды, поступающие по электродам.

Алган выл:

— Отпустите меня! Остановите!

Падение было бесконечным, и падал он в небытие. Ярость его не имела границ. Он знал, что несется к какому-то громадному телу, скрытому во тьме где-то внизу. Но конца падению не было, дно с каждой секундой уходило все глубже и глубже вниз. Ему казалось, что он ослеп.

На четырнадцатой минуте Алган умолк — в горле так пересохло, что оно перестало пропускать звуки. Он знал, что достиг границ Вселенной, что пересечет их и конца его падению никогда не будет. Страх исчез — его череп стал вместилищем куда более ужасных ощущений.

На шестнадцатой минуте он ощутил себя точкой. Он пытался припомнить время, когда у него были руки и ноги, но это было слишком давно и слишком невероятно.

На восемнадцатой минуте он почувствовал, что разбухает.

Ощущение постоянного роста во все стороны было невыносимым. Наконец его тело заняло безграничное пространство, опутав эту беспредельность до боли натянутыми нервами.

На двадцать первой минуте он взорвался. Крохотные частицы его тела разлетелись во все концы пространства. Он превратился в плотный туман. Разум пытался настичь каждую частицу и удержать ее, но его усилия были тщетны. Потом отказал разум.

Душу Алгана объял хаос. Полчаса падения сломили его. Он распался на атомы.

Те крохи разума, которые еще теплились в Алгане, отметили, что Вселенная враждебна. Сознание этого влило в него новые силы. Зернышко разума, обогащенное новым знанием, принялось за реорганизацию разрозненных воспоминаний и прошлого опыта. В мозгу Алгана вспыхнуло пламя ненависти. Падение потеряло всякий смысл. Он неторопливо восстановил контроль над нервной системой. Ненависть помогла ему отыскать запасы новых сил в сокровеннейших закоулках души и обрести равновесие.

Именно к этому и стремились эксперты. К одинаковому результату приводили самые разные пути. Одни выдерживали испытание, черпая силы лишь в стремлении познать новые миры. Других спасал страх, именно он заставлял их искать пути его преодоления. Но блуждания во тьме создали совершенно нового Алгана. И если бы эксперты могли прощупать его мозг, то вряд ли испытали удовлетворение. Ибо в момент, когда обнажилось ядро его души, все существо Алгана прониклось ненавистью. И ей подчинилась нервная система.

К тридцать шестой минуте он вновь обрел себя. За последние пять минут он узнал о человеке и Вселенной больше, чем за предыдущие тридцать два года.

Он расслабился. Падение прекратилось. Он вынырнул из ночи.

Когда к нему бросились, чтобы извлечь из кресла, никто не заметил холодного блеска его глаз, прежде чем он потерял сознание.

Большое кресло было последним словом науки в области создания иллюзорного мира. Его электроды подменяли реальный мир, давая пищу воображению для создания любого мира. На некоторых планетах подобные кресла в упрощенном виде служили развлекательным целям. Иногда, случалось и такое, их использовали как орудие пытки. Но во всех портах они служили для подготовки пилотов и первопроходцев.

Кресло появилось после трехсот лет интенсивных исследований нервной системы. Оно позволяло контролировать каждый нерв, включать или отключать любые синапсы. В случае неизлечимых неврозов оно было единственным средством врачевания, правда, не всякий больной выдерживал процедуру.

Кресло само по себе было целым миром. Существовала легенда, согласно которой великий Тулгар, создатель первого кресла, покончил с собой, испытав его и не найдя ему достойного применения, ибо в его детище неразрывно слились потенциальные рай и ад. Но век спустя началось Освоение. Кто-то вспомнил о Тулгаре и разыскал на университетском чердаке его кресло, которое могло воссоздать все чудеса и ужасы Вселенной.

Алган научился падать в самую темную бездну и ощущать неизмеримость окружающего пространства.

Ненависть служила ему спасательным кругом. Вначале он не знал, на кого ее направить, и ненависть клокотала в нем в первозданном, хаотическом и бесформенном виде. Затем он возненавидел порт, чужеродное тело на планете, и принялся хладнокровно разрабатывать способ его разрушения. Затем его ненависть обратилась на тех, кто построил этот порт. К концу второй недели тренировок (хотя ему казалось, что он провел в подземельях космопорта десятков лет) Алган решил уничтожить Бетельгейзе.

Завоевание звезд и освоение чужих миров были для него пустым звуком. Он знал только то, что его силой отрывают от Даркии. Ну что ж, он станет той песчинкой, которая медленно и неотвратно источит громадный механизм освоения Галактики.

Когда он научился властвовать над тьмой и падением, его бросили на враждебные планеты и в совершенно чуждые миры. Однажды он планируя опустился на обширную сверкающую поверхность. Он распластался на ней не в силах шевельнуть даже пальцем. Он знал, что должен встать и пойти, но лежал, приклеившись к этой металлической громаде, намного превышавшей размеры Даркии, а сверху на него давило черное тяжелое небо, усеянное мириадами звезд.

Он с трудом встал на колени. Воздух был так сух и холоден, что рвал легкие.

Что-то гнало его в определенном направлении, но не было сил сделать и шага. Его обволакивал ужас, который накатывал волнами, хотя вокруг не существовало ничего, что оправдывало бы его страхи. На равнине не было ни одного препятствия, которое могло бы пробудить такое чувство.

Страх таился в глубине души. Алган был один. До сих пор ему не случалось бояться одиночества. Он не раз в одиночку пересекал океаны и континенты Даркии. Но его нынешние ощущения не шли ни в какое сравнение с прошлыми.

Он понял — именно к этому стремились те, кто наблюдал за его тренировками, — как опасно полное одиночество в чуждом мире: там, где одиночка обречен на гибель, группа может выжить.

Но урок этим не кончался. Требовалось выжить даже в том случае, если у тебя не было никакой надежды на постороннюю помощь.

Он пополз по ледяной поверхности. Что-то толкало его вперед, хотя он не мог понять, чем одна точка горизонта лучше другой. Он попытался сдержать дыхание, прополз несколько сотен метров, и вдруг вся поверхность планеты опрокинулась. Его бросило вперед, и он заскользил по поверхности со все большей скоростью. Его руки искали любую шероховатость, чтобы зацепиться, но напрасно. В конце концов, выставив руки вперед, чтобы предупредить возможный удар, он выкатился на громадную равнину. Скорость падения возрастала. Небо медленно изменилось, а поверхность под ним посветлела. Она постепенно наливалась светом. И в то же мгновение из-за горизонта выползло громадное красное солнце.

Он понял, что падает на это солнце и ничто не может помешать этому падению. Красное солнце словно приклеилось к горизонту. Но пока Алган несся к нему, оно выкатилось в небо, затмевая блеск звезд и пожирая мрак.

Алгана подхватил вихрь.

Его подняло словно соломинку, хотя по гладкой краснеющей поверхности пробежало лишь легкое дыхание ветерка. И вдруг разразилась и заревела буря. Его завертело в воздухе, он не мог определить траектории своего полета. Он несся над поверхностью планеты, и та убегала назад с невероятной скоростью. Он заметил громадный темный силуэт, протянувший к нему свои щупальца. Он хотел закричать, но ему не хватило воздуха.

Алган понял, что это его собственная тень и он пролетает прямо под красным солнцем.

Его тащило вверх. В какой-то момент планета показалась ему невероятных размеров диском, вогнутым, словно чаша. Вдруг ветер стих. Алган перестал дышать. Он достиг звезд и, пока усыхали его легкие, пока в последних судорогах билось его сердце, а кровь сочилась сквозь поры, понял, что умирает, паря на границе пустоты.

Он напрягся, пытаясь нарушить несущее смерть равновесие. Но рефлексy подвели его, мозг работал вхолостую, не давая ощутимого результата.

Он сжался в комок и резко распрямился. Его обуяла ненависть к красному солнцу, исчезавшему за горизонтом стального диска. Он нырнул вниз.

Алгану казалось, что он попал в безвыходную ловушку — если он даже и достигнет поверхности и вновь поползет навстречу красному солнцу, ему все равно снова не миновать циклона, который бесконечно будет носить его вокруг планеты. Он озверел от ненависти, ибо не мог остановить своего падения. Он проклинал кресло и техников, порт, Дарк, космос, звездолеты и Бетельгейзе.

«Я — игрушка, — думал он. — Паяц на ниточках. Но я доберусь до тех, кто дергает за эти ниточки».

Он не видел ничего, что можно было бы уничтожить или разрушить. Но за враждебной маской Вселенной явно кто-то прятался, наблюдая за ним. Этот кто-то корчился от смеха, видя его тщетные усилия.

Этот кто-то насмехался над людьми.

«Ты еще попадешься мне», — подумал Алган. Он забыл о желании умереть на этом

ледяном пустынном шаре или разрушить этот невыносимый мир.

Он оказался во тьме на ледяной поверхности. Красное солнце исчезло.

Он решительно пополз вперед. Взошло новое солнце, окутанный туманом голубой шар, в обрамлении трех других более мелких разноцветных солнц.

На горизонте возникла и сгустилась тень.

Он пополз быстрее. Новая декорация? Новая ловушка? На коже проступили жемчужины пота. Поверхность теплела по мере приближения к тени. Стальной кулак, прижимавший его к земле, чуть-чуть разжался. Он с трудом встал на колени, а затем и на ноги.

Теперь он видел горизонт с высоты своего роста. Он обернулся. Множественная тень, рожденная карликовым солнцем и его спутниками, была единственным темным пятном на глади равнины.

Он побежал.

На краю мира возник город. Город мечты. Его хрустальные башни высились над стальной равниной, а высокие стены казались скалами, бросавшими вызов холоду и тьме пустыни. Дворцы соединяли древние мосты — четкие контуры на фоне пустоты.

Внутри жили люди. Они готовились встретить его и чествовать как героя. На шпилях башен бились флаги. Праздничная музыка достигала ушей.

Он принялся кричать, приплясывать, махать руками, чтобы привлечь внимание застывших на башнях часовых. Затем остановился. Он ждал любого звука — пистолетного выстрела, треска праздничной петарды.

Ничего. Никого.

Он снова бросился бежать. В душу закралось ужасное предчувствие. В холодном голубом свете солнца выросли бронзовые врата города. В его памяти возникло неясное воспоминание. Эти врата были ему знакомы.

Высокая стена была совсем рядом. Он бросился к вратам, которые были вдесятеро выше его и забарабанил в них кулаками. Бронза гудела, как гонг.

Никого. Ничего.

Он напрягся, и тяжеленные створки медленно подались. Их масса была невероятно велика, и он не верил, что ему удастся сдвинуть их с места. Створки едва разошлись, и он проскользнул в узкую щель в бронзовой стене.

«Я сумел, — подумал он. — Сумел».

Он шагнул в тень громадного портика, затем вышел на обширную пустую площадь, залитую холодным светом голубого солнца и окруженную высоченными блестяще-белыми стенами. Прямо перед ним торчали башни и высилось гигантское здание, его крыша, казалось, подпирает небосвод.

Безмолвие.

«Я уже видел это», — не оставляла Алгана назойливая мысль.

Он направился к центру площади. Огляделся вокруг. Никого. И вдруг расхохотался. Он вспомнил. Он вернулся в порт, откуда отправился тысячи лет назад. За время его отсутствия все поумирали, умерла планета, погасли звезды. Он — последний человек на остывшей планете.

Алган смахнул со лба пот. Он опустился на землю, растянулся во весь рост и уставился на голубое солнце со спутниками, которое медленно уменьшалось в размерах.

«Все ложь и обман, — думал он. — Все ложь и обман». Он закрыл глаза, пытаясь вернуть ощущение падения во тьму беззвездного пространства. И помимо воли обрел спокойствие. В нем проснулась ненависть, она заполнила все его существо, и он ощутил радость.

И в этот момент его разбудили.

Тренировки в подземельях космопорта продолжались пять недель. Все это время Алган провел в одиночестве. Оно тоже входило в программу. Иногда ему удавалось заметить

мелькнувшую тень, но техники никогда не заговаривали с ним. Он жил в полной изоляции, единственной пищей для его мозга, для развития необходимых рефлексов были кошмары, пережитые в кресле. Его сбрасывали на покрытые водой планеты, и он часами плавал в океанах, он пробирался через нескончаемые болота, карабкался на отвесные скалы, висел меж двух бездн, переходил пропасти по едва видимой проволоке, прыгал с высоченных пиков, тонул в зыбучих песках, слеп от нестерпимого блеска солнц, задыхался в плотном воздухе бурь и ядовитых облаках пурпурной пыли, боролся с осклизлыми лишайниками, которые пытались похоронить его под собой.

К концу пятой недели, когда его взгляд приобрел твердость, когда заострились и стали угловатыми черты лица, на котором читался опыт десятилетий, проведенных в космосе, они позволили ему выйти на поверхность.

И только тогда он открыл, что такое космопорт. Алган начал с того, что обошел вокруг огромное здание с диспетчерской башней и ее устремленными в пространство антеннами. Потом ему разрешили безнадзорно бродить среди ракет, расспрашивать пилотов и первопроходцев...

Звезды были источником неисчислимых богатств и невероятного могущества. Звезды были одновременно и адом и раем — с таким видением космоса его познакомило кресло. Звезды были феерическим, полным ловушек миром, и люди пытались овладеть им.

Названия кораблей напоминали о чудесных и странных местах. Их контуры отличались друг от друга — корабли прибывали и с окраин, и из центра Освоенной Галактики. Неизменными оставались лишь черные корабли Бетельгейзе. Их устаревшие формы не мешали мощным двигателям этих хозяев пространства настичь любое торговое судно и добраться до самых отдаленных миров.

Суда несли в своих трюмах товары со всей Галактики. В одной части порта воздух был пропитан ароматом пряностей, в другой хранились груды невесомых мехов с Альдрагора. В прозрачных клетках ожидали своей участи сказочно прекрасные или отвратительные животные — гигантские розовые пауки, пурпурнокрылые вампиры, зунские амфибии, способные менять форму своего тела, живые камни с Алгола, сверкающие словно пламя пожара.

Алган научился распознавать, откуда прибыл встреченный, по цвету кожи, форме черепа, цвету глаз, акценту. Он мог с точностью до года назвать дату постройки того или иного корабля. Некоторые из них были созданы на Земле много веков назад, в самом начале Освоения. Но они до сих пор бороздили ледяные просторы космоса.

Целыми днями Алган бродил по верхней кольцевой дороге и заново открывал для себя Старый город, каким он видится из космопорта. Он казался ему далеким и чуждым. Алган почти уверовал в то, что прибыл сюда на звездолете и впервые увидел громадный город с теснящимися домами и узкими грязными улочками. Он знал, что ему не удастся вырваться в город до отлета. Попав в холодный и безликий космопорт, можно было считать, что ты уже в полете. Порт выглядел чуждым городу инородным телом, упавшим с небес метеоритом, который зарылся глубоко в землю планеты, и та едва мирится с его присутствием. Алган все еще иногда чувствовал себя жителем Старого города и ощущал, что в порту он пленник. И это ощущение было не из приятных.

— Вы очень странный человек, — сказал Алгану психолог.

Они стояли на самом верху башни и разглядывали порт, живший своей лихорадочной жизнью, — с ревом стартовали небольшие суда, обеспечивавшие местную связь, величественно взмывали вверх тяжелые ракеты.

— Думаю, что на заре Освоения таких людей было много. Это были люди, привязанные к родному миру, которые видели в освоении космоса лишь естественное расширение границ собственной планеты. Сейчас основная проблема состоит в том, чтобы понять, как наша цивилизация может использовать таких людей, как вы.

— Я не просил, чтобы она занималась мною, — глухо ответил Алган.

— Знаю, — сказал психолог. Он поднял голову и стал разглядывать затянутое тучами небо. — Знаю. Но ваше желание не имеет особого значения. Люди образуют в космосе некую общность. Неужели мнение одной клеточки этого громадного организма может что-то значить?

Алган не отрывал взгляда от подернутого дымкой Старого города.

— Вы мыслите на древний манер, — продолжал психолог. — Наверно, в этом есть свое очарование. Не знаю. Но теперь человек столкнулся с такими проблемами, которые еще ни разу не возникали на его пути. Старый образ мышления обречен на исчезновение.

Светлые глаза психолога холодно рассматривали Алгана.

— Сейчас во всех космопортах, в самых отдаленных уголках, на самых захудалых кораблях рождается новый образ мышления. Новое выковывается в схватках с пространством, поскольку люди во всех концах Освоенной Галактики, невзирая на Время и Пространство, зависят друг от друга. К примеру, какой-то корабль покинул родную планету три года назад по своему бортовому времени, а на планете тем временем прошло целых пятьдесят лет, траектория его полета была рассчитана задолго до вашего рождения, а он может оказать прямое влияние на вашу судьбу. И против этого ничего не поделаешь. Думаю, что первые одноклеточные, которые слились, чтобы образовать многоклеточный организм, могли испытывать нечто подобное вашим чувствам, хотя и в ином масштабе. Скорее всего, они тоже ощущали себя крохотными пленниками. Но для них это был единственный способ уменьшить зависимость от окружающей среды, покорить океаны, затем сушу и стать тем, что мы есть теперь. И, окажись вы в положении этих простейших, вы непременно попытались бы уничтожить хоть одно из этих многоклеточных существ. Сейчас же, как мне кажется, вам доставило бы удовольствие уничтожить это еще не сформировавшееся существо-человечество. Именно поэтому вы заинтересовали меня. Не надеюсь вас переубедить, ведь вы принадлежите к редкому виду, к виду мятежников. Таких, как вы, осталась сушая горстка, быть может, несколько миллионов, и мы посылаем вас по одному на освоение космоса. Некогда вы царили на этой планете. Вы прозябали и часто воевали. И все же то была эпоха величия. Наше величие кроется в ином. Оно выковывается усилиями миллиардов людей, миллионов звездоплавателей, тысяч ученых. Знаете, над чем сейчас работают на Бетельгейзе? Над составлением Галактической энциклопедии. Она будет чем-то вроде коллективной памяти всей Галактики, и ее объем будет расти по мере новых открытий. В силах ли вы оценить это?

— Оставьте меня в покое, — процедил Алган.

К концу второй недели Алган решил исследовать диспетчерскую башню. Двери сами открывались перед ним. Электронные цепи, которые включали их, уже, наверно, снабдили его приметами, как и приметами других первопроходцев, чтобы они беспрепятственно передвигались по космопорту и знакомились с его тайнами, дабы не попасть впросак в похожих один на другой портах Освоенной Галактики. Но Алгану редко встречались его будущие коллеги. Более того, он сам избегал встреч с ними. С большинством из них в Дарке он не перекинулся бы и словом без оружия в руке. Здесь же они выглядели безобидными и даже более потерянными, чем Алган. Они целыми днями просиживали в своих комнатах, играли, ссорились, но не осмеливались вступать в драку. Такие почувствуют себя в родной стихии только на какой-нибудь планете с топором в руках и оружием за поясом.

Медленно поднимаясь по пандусам, увлекаемый антигравитационными полями, несомый невидимой и невещественной опорой, Алган не переставал размышлять. Он начинал понимать, зачем Галактике нужны такие города, как Дарк. Это был резерв человеческого сырья, быть может, созданный искусственно. Бетельгейзе черпала из него людей, привыкших жить по волчьим законам, а потому способных освоить отдаленные планеты. Хотел он того или нет, но Алган в самом деле был лишь клеточкой гигантского галактического организма. При этой мысли его захлестывала ненависть, что, впрочем, не мешало ему восхищаться башней космопорта.

Изнутри казалось, что верхняя часть ее парит в пустоте. Стены из сплошных стекол открывали вид на порт и небо. Стекла пропускали свет только внутрь помещения, так что снаружи башня походила на матовую громаду, высеченную из единого куска горной породы, рухнувшего на Даркию. Изнутри башня казалась хрупкой конструкцией из стекла и особого металла, шелковистого на ощупь, будто старинный бархат. Но на самом деле даже потерпевший аварию звездолет, свалившись прямо на нее, не оставил бы и царапины на ее стенах.

На самом верху башни располагались диспетчерские службы порта, контролировавшие полеты торговых судов и черных кораблей Бетельгейзе.

Переступив порог одной из дверей, Алган оказался в помещении трансрадио. Еще не войдя, он знал, куда попадет. Впервые проникнув в эту часть порта, он свободно ориентировался в лабиринте коридоров и вертикальных шахт. Его мозг во сне получил массу нужных знаний, которые проявлялись по мере необходимости. Это были практические знания. Он не имел представления о том, как работают те или иные установки, но знал, как их использовать. Обучавшие его не проверяли, как он усвоил урок. Для них главным было подготовить его к выполнению предназначенной задачи.

Алгана мучил вопрос, многие ли разбираются в том, как работает сложный механизм космопорта. Может, этого здесь не знает никто? Может, это один из самых охраняемых секретов Бетельгейзе? Может, именно поэтому Освоенная Галактика была столь слитной, несмотря на разделявшие людей бездны пространства и времени?

Станция трансрадио представляла собой колодец, в стенах которого находились ниши. Их соединяла наклонная плоскость, которая спирально вилась к самому куполу. В каждой нише сидел оператор — он настраивал аппаратуру, слушал, говорил сам. Здесь звучали все голоса Галактики...

Алган неторопливо поднимался по спирали, прислушиваясь к этим голосам пространства. Искажённые, сжатые, растянутые, бестелесные — это были голоса иного мира.

Алган вглядывался в спокойные лица техников, заставлял себя не вдумываться в слова, искаженные временем и пространством.

Слова.

Он понимал их. То были координаты кораблей, новых планет, имена, формулы, даты, не имевшие никакого значения, сухие, строгие отчеты, безответные призывы о помощи — и все это было рассеяно, растворено во времени.

Время.

Время, быстро текущее здесь и медленно ползущее в космосе, где оно подчинено скорости кораблей и планет. Обманчивое, изменчивое время, разрушитель информации, время, которое преобразует живой человеческий голос в безликий ослабленный звук, теряющийся среди взрывов звезд и шепота частиц, прилетевших из иных галактик после миллионнолетнего пути.

Время.

Каждый корабль, каждая планета, каждая звезда, каждый кусок Вселенной живет со своей скоростью, по своему собственному времени. Только трансрадио спорило со временем и бросало вызов пространству. Оно позволяло с минимальными затратами энергии связываться с любым телом в космосе, используя иные измерения.

Принцип его работы не отличался от принципа работы звездолетов, но воплощение было более примитивным.

Звездолеты не могли летать со скоростями, превышающими скорость света, но в пространстве существовали иные пути, куда более короткие, чем те, которые наблюдались в оптические телескопы. Корабли проходили через подпространство и сокращали путешествие до одного года вместо ста лет обычного полета. Но чем короче был путь, тем тяжелее проходил перелет. Чем сложнее выбиралась траектория полета, тем больше изменялись корабли, и иногда их приходилось просто-напросто уничтожать. Ученые рассчитали безопасные границы. И пути, ведущие от одной звезды к другой, оставались, несмотря на

сокращение, довольно значительными. Для трансрадио проблем необратимых искажений не существовало. Оно использовало кратчайшие пути подпространства. Послание могло исказиться, часть информации — исчезнуть, но, если его содержание оставалось понятным в момент приема, всех это устраивало.

Трансрадио позволяло осуществить контакт между временами разной продолжительности: между временем планеты и временем стартовавшего с нее звездолета или временами планет, вращающихся вокруг разных солнц каждая со своей скоростью.

Поэтому искажались голоса. Минута на приближающемся, начавшем торможение корабле равнялась трем минутам на Даркии, и голос становился густым, медленным, утробным и тянулся, как жидкое тесто.

Хорошо различались голоса из тех точек Вселенной, где время было сравнимо со временем Даркии. А в посланиях со звездолетов слова порой растягивались на часы, и прием длился неделями, если не месяцами. Существовали специальные меры, чтобы обходить такого рода препятствия. Корабль-передатчик мог записать свое сообщение в ускоренном виде и послать его в пространство. Но иногда и эти хитрости не помогали, и тогда вступала в действие аппаратура, которая слушала хрип, доносившийся из космоса, и преобразовывала его в обычные голоса.

Время.

Блуждая по порту, Алган на каждом шагу видел печать времени. И в глубине души он сознавал, что человек уже приступил к освоению времени так же, как он когда-то начинал освоение пространства.

Поднимаясь к куполу, он понимал, что через месяц на Даркии от него не останется и следа, если не считать растянутого голоса его корабля, который будут ловить антенны космопорта.

3. ДОРОГАМИ КОСМОСА

Алган закрыл глаза и попытался расслабиться. Но его пальцы невольно сжали подлокотники кресла до белизны в костяшках. Его ждало тяжелое испытание — первое путешествие в космос. Он должен был совершить прыжок в далекое пространство. Прыжок к звездам. Он открыл глаза и обвел взглядом зал. Все выглядело как обычно — в креслах сидели люди, только черты их бледных лиц заострились, и они старались не замечать друг друга.

Алган повернул голову и посмотрел на своего соседа — широкоплечего молодого человека. Лицо его побелело, несмотря на сильный загар. Губы что-то шептали. Неужели он молился?

На громадном экране, похожем на окно, чернел массивный контур диспетчерской башни. Чей-то спокойный, скушающий голос бубнил цифры и буквы, отчетливо произнося каждый слог. Алган знал, что теперь ему долго не придется слышать голос человека Даркии. Он удивился, что не придает этому особого значения. Потом заметил, что дрожит от едва сдерживаемого возбуждения. Он отправлялся в путь. Алган всегда любил момент расставания с прошлым. А этот старт ничем не отличался от старта любого глиссера из морского порта.

Ведь могло случиться и так, что ему понравятся те новые миры, которые он откроет. Но он предчувствовал, что его отношение к ним будет иным, чем у галактиан и даже людей Бетельгейзе. Первые глядели на мир свысока и с презрением. Одна планета стоила другой, а одна эпоха напоминала другую. Они ценили лишь тот клочок земли, на котором жили в данный момент, тот воздух, которым дышали в данное мгновение, и только те секунды, которые были их настоящим. У бетельгейзиан отношение ко всему было другим — они напоминали хозяев, заботящихся о том, чтобы поднять стоимость своих земель, хотя заведомо знали, что никогда не посетят их. И те, и другие сознательно не замечали безбрежности космоса. Протяженность космоса представлялась им как дискретный набор

задач, которые надо решить одну за одной.

Над экраном вспыхнула красная лампочка. Очертания башни размыло. Лампочка погасла. Ни грохота, ни малейшей вибрации. Алгана не вжало в жесткое кресло, он не услышал рева двигателей и скрежета металла. Только сменился голос, который с той же монотонностью чеканил слова, перечисляя цифры.

Корабль стартовал. Звездолет пересек границы атмосферы, и на экране холодным неподвижным огнем засияли звезды...

Алган встал и с осторожностью двинулся по проходу, ощущая в сердце сосущее чувство тоски: сила тяжести здесь была на треть меньше той, к которой он привык за тридцать два года скитаний по Даркии. Отныне ему суждено жить в этих условиях — такая сила тяжести была принята на всех кораблях Галактики.

Он приблизился к экрану, повернулся лицом к сидящим в креслах людям и спросил:

— Кто знает, к какой звезде мы летим?

Ответом ему было подавленное молчание.

Алган уселся и обвел взглядом тех троих, что делили с ним небольшую каюту с голыми стальными стенами, — Пейна, старого космического волка с изъеденным морщинами лицом, Сарлана, рыжеволосого молодого человека, его соседа в момент старта, и приземистого крепыша с бычьей шеей и крохотными глазками, чьего имени он не знал. Они выглядели неплохими ребятами, а двое последних во всем пытались копировать Пейна, упорно стремясь отвести взгляд от экрана, на котором чернела пустота с редкими блестками звезд.

— К какой звезде мы летим? — переспросил Алган.

Пейн засмеялся.

— Уже дрожишь, Жерг? Наслушался историй про жутких чудищ, которые населяют далекие планеты. Через пару лет станете жалеть, что их было маловато на вашем пути.

— А какое это имеет значение для нас? — скучным голосом пробормотал Сарлан. — Один мир или другой. В нашем положении...

Невысокий крепыш промолчал.

— Мы летим к центру Галактики, — сказал Пейн. — Там самая высокая плотность звездных систем и больше шансов наткнуться на подходящую для человека планету.

— Почему бы нам не глотнуть чего-нибудь покрепче? — неуверенно спросил Сарлан.

Пейн открыл шкафчик и извлек бутылку и стаканы.

— За старт, — предложил Алган.

Они молча выпили, избегая смотреть друг на друга. Их глаза скользили по блестящим стенам каюты, а лица выражали неуверенность.

Пейн усмехнулся.

— Не думайте, что будете жить в этой клетке целую вечность.

Он тронул клавиши переключателя. Свет погас. Кто-то уронил свой стакан, и тот запрыгал на упругом полу, словно мяч. Алган отступил на шаг, уперся спиной о металлическую перегородку и выбросил вперед руки, опасаясь нападения. Его зрачки расширились, пытаясь уловить хоть малейший свет. Но вокруг была беспросветная тьма. Тишину разрывало лишь свистящее дыхание соседей по каюте. Алган напрягся — в нем проснулись древние инстинкты, древние страхи и древнее умение преодолевать их.

Затем посветлело. Холодный голубоватый свет постепенно усилился и стал ровным, обрисовав зыбкие контуры теней, тел, заиграл на зубах, глазах, металлических застежках.

Подул сильный ветер. Они пробуждались от сна в необъятном лесу. Над головой вековые деревья играли изумрудной листвой. Где-то за кустами журчал невидимый источник.

Алган обернулся. Его пальцы ощупали холодную стену. Они были пленниками в стальной клетке, и их окружал нескончаемый нереальный лес.

— Значит все, что рассказывают о звездолетах, правда, — проговорил он.

— Ничего не бойтесь, — улыбнулся Пейн. Он нагнулся и запустил руку в траву. Она

прошла сквозь изображение и нащупала стакан.

— Не бойтесь ничего, — повторил Пейн. — Это обычная техника. Я специально не предупредил вас, чтобы эффект был разительней. Пустую холодную каюту можно превратить во что угодно — в горы, леса, моря, подводные бездны, просторы заоблачных высот...

Во время первых полетов люди часто сходили с ума от однообразия и монотонности путешествия. Психологи нашли выход. Они создали иллюзию, полную и совершенную. Они преобразили окружение, сделав его изображением, декорацией, игрой. Вы можете скользить меж звезд и бродить среди руин давно покинутых дворцов. Вы — творцы, пока длится путешествие. Но человек привыкает ко всему. И вскоре начинает ощущать эти леса и горы как декорацию, необходимую для борьбы с клаустрофобией. Человек родился под открытым небом, и отсутствие небесных просторов давит на него сильнее, чем свинцовая клетка. Он не может долго выдержать отсутствия неба. А потому уносит его с собой в свои путешествия.

«Иллюзия», — думал Алган, поглаживая пальцами холодную переборку. Он вспомнил бескрайние леса и долгие скитания во время охоты, усталость мышц, когда часами сидишь в засаде, поджидая добычу, ледяной ожог воды, охватывающий разгоряченное тело...

Они уселись на поросшую мохом каменную скамью, не выпуская из рук металлических поручней. Они перенеслись в сновидение, стали актерами своих собственных снов, растянутых на все путешествие, на долгие месяцы, пока звездолет будет бороздить космос в поисках новых планет.

— К какому миру мы летим? — в третий раз спросил Алган.

— Жеребец бьет копытом от нетерпения, — усмехнулся Пейн. — Я уже сказал, к центру Галактики. Но прежде мы совершим посадку на Эльсиноре, одной из планет пуритан. Если кто-нибудь пожелает остаться там, по-видимому, сможет это сделать. Но охотников жить там мало. Желание обосноваться в сих краях пропадает через несколько дней пребывания на этих проклятых планетах. Сами увидите почему.

— А затем? — спросил Алган.

— Не спешите. Миры, куда мы направляемся, еще не имеют имен. Они обозначены цифрами. Не исключено, Алган, что одну из них заменит ваше имя, если, конечно, вас не останется в живых. Планета Алган! Неплохо звучит. Нам еще далеко до настоящих испытаний. А пока мы будем развлекать друг друга байками, читать, покуривать трубки, надеясь, что так время пролетит быстрее. А когда побываете на паре-другой особо негостеприимных миров, станете молиться, чтобы каждая минута здесь текла как можно медленнее.

Алган встал и прошелся по каюте. Он ясно слышал скрип песка под сапогами. Возле стены лес исчезал, и в стене проступали очертания двери.

Он улегся в траву, закрыл глаза и ощутил на коже ласковое тепло несуществующего солнца, но пальцы его гладили отполированную поверхность пола.

— Зачем, — протянул он с ленцой, — и зачем только нужно осваивать эти новые миры?

Ему казалось, что его слова тают в пустоте. Остальные молчали. Он продолжил.

— Нами жертвуют по разным соображениям. Кому нужны эти жертвы? Неужели на освоенных планетах нет места для людей, которые появятся на свет еще много веков спустя?

Молчание спутников было ему не по душе, он чувствовал в нем недоверие, затаенный страх. Такой вопрос не следовало задавать вслух. Он прекрасно сознавал это, а потому на последних словах сделал особое ударение.

— Все решает Бетельгейзе, — нарушил молчание Пейн. — Но так говорить не надо, малыш. Это может плохо кончиться.

— Я хочу знать, — возразил Алган, — просто-напросто знать. Я должен быть уверен в том, что моя деятельность принесет пользу кому-нибудь или чему-нибудь.

— Зачем тебе это, малыш? От тебя требуют дела, вот и исполняй его! Разве все в жизни идет только на пользу чему-нибудь? Не мучай себя вопросами. Отвыкни от дурной привычки

древнепланетян.

Пейн смотрел на Алгана с сочувствием, взгляд его казался даже дружеским. «Неужели за этими светлыми глазами, — подумал Алган, — кроется холодная пустота, вызванная долгими годами жизни в космосе?» Он перевел взгляд на Сарлана. Молодой человек выглядел испуганным, хотя его лицо не скрывало восхищения Алганом.

Алган устроил ноги поудобнее на моховой кочке.

— В конце концов, какая разница, — спокойно заключил он. Его мысли были заняты Бетельгейзе, ее тайным могуществом, ее укывшимся в тени правительством, которое держало в руках нити судеб времени и звезд.

С каждой попыткой разобраться в хитросплетениях структуры пространства люди все больше убеждались в ее бесконечной сложности. Начав с простых абстрактных идей, они пришли к столь сложным геометрическим построениям, что сами едва понимали их. Одним из основных понятий, на котором зиждилось понимание пространства, было понятие геодезической линии, то есть кратчайшей траектории, соединяющей две точки пространства. Но реальное пространство состоит из множества, если не из бесконечного числа геодезических линий. И, как предсказал в начале эры Освоения Берже, две точки в пространстве могут быть связаны несколькими линиями, каждая из которых по-своему самая короткая, поскольку позволяет пропустить определенное количество информации. Ради простоты можно сказать, что одни линии короче других, но, двигаясь по этим более коротким путям, твердые тела и сигналы претерпевают большие искажения, хотя это, казалось бы, противоречит реальному физическому миру. Некоторые кратчайшие геодезические линии, которые априори кажутся самыми выгодными, непроходимы для кораблей — к концу перелета они деформируются так, что это ведет к гибели экипажа.

Первые звездолеты двигались по траектории светового луча со скоростью, далекой от скорости света. Продолжительность путешествия предсказать было почти невозможно, темпоральные искажения были необычайно велики, хотя коэффициент физических искажений оставался почти нулевым и катастрофы происходили редко.

Но человечество двигалось вперед гигантскими шагами. Вскоре корабли достигли скоростей, близких к скорости света, и сразу возросли искажения. Была разработана теория геодезических линий пространства, и создан математический аппарат, позволявший рассчитать вероятность искажений и дать примерную оценку ожидаемых изменений твердых тел и сигналов, отправленных по новым траекториям.

Теперь корабли двинулись по внесветовым путям. Люди научились определять местонахождение в пространстве безотносительно к звездам и электромагнитным источникам излучения. Корабль мог с удовлетворительной точностью ориентироваться в подпространстве по предыдущим координатам, скорости и смене направлений полета. Вероятность аварий была сведена к нулю. Ее можно было не принимать в расчет, тем более, что кораблю угрожали другие, более страшные опасности. Самым слабым звеном оставались люди. Ностальгия и однообразие полета, помноженные на чувство страха и одиночество, порождали нервозность, которая грозила гибелью всему кораблю. Психологи разработали условия, необходимые человеку в полете. Инженеры удовлетворили их требования. Выход был найден. Эпоха великих открытий и проектов требовала своих гениев. И она их нашла, выпестовала и использовала. Некоторые из них, подстегиваемые временем, обратились к стимуляторам, которые вдесятеро усилили отдачу их интеллекта, хотя и вдесятеро быстрее разрушали их организм. Но то была эпоха величия и страстей.

За века из нитей, соединявших звезды, сплелась единая ткань. Корабли, набитые первопроходцами с древних миров, отправились на новые планеты. Появились новые центры цивилизации. За несколько веков численность человечества невероятно возросла, но по сравнению с количеством потенциально обитаемых миров население Освоенной Галактики оставалось более чем скромным. Неизмеримо обширное, неподконтрольное пространство, окружавшее людей, породило космические мифы. Историки и социологи подчеркивали, что

серьезные конфликты остались в прошлом. И война действительно теперь велась только с одним противником — с пространством.

Обрели воплощение некоторые утопические идеи. Наступило время многочисленных и изменчивых цивилизаций. Именно тогда были заложены основы пуританских миров. И именно тогда утвердилась власть Бетельгейзе, крепнувшая по мере того, как отступали границы Освоенной Галактики.

Одни считали, что таков естественный путь развития, другие говорили о случайности и приводили в доказательство статистически предсказуемые результаты, третьи относили все на счет деятельности одного или нескольких скрывающихся в тени людей.

И эти последние были недалеко от истины, хотя вряд ли сознавали это.

Жерг Алган открыл глаза. Легкий ветерок приятно охлаждал лицо. Ночь еще не кончилась. В небе сверкали звезды, и две рыжие луны чинно кружили одна вокруг другой. Издали доносились протяжные крики каких-то животных. Они рождали спокойствие в истерзанной душе.

Алган приподнялся на локте. В лесу царил мир. Мох казался влажным, хотя до утренней росы было еще далеко.

Вокруг никого, нет ни оборудования, ни палаток, ни людей. Он машинально ощупал землю вокруг в поисках оружия. Ничего. Даже охотничьего излучателя на поясе не оказалось.

— Куда же подевалось сафари? — проворчал он и тут с трудом припомнил, что произошло.

Накануне они весь день лазали по руинам, которые так хотел осмотреть человек с Бетельгейзе. Они даже рискнули забраться в запретный сектор, чтобы подстрелить пару животных-мутантов. В конце концов они выбрали для стоянки лужайку подальше от стойбища аборигенов, запах которых раздражал даже Алгана.

Издали донесся вой. Алган впервые слышал его. Что-то в этом лесу было не так. Может быть, лунный свет? Ведь над Даркией висит всего одна луна. Или его занесло в иные места? Разрозненные воспоминания путались в голове.

Он вскочил на ноги и сделал несколько шагов. На соседней койке спал человек. Алган склонился над ним. Лицо было незнакомым. Он никогда не встречался с этим седым морщинистым стариком. Он поразился бледности его кожи, она была словно соткана из лунного света.

Две луны. В голове прояснилось. Значит, он находится не на Даркии.

Верно, он же в космосе.

Алган потряс спящего за плечо. В памяти проносились имена, знакомые лица.

— Где мое сафари? — крикнул он в лицо разбуженному незнакомцу и, не надеясь на ответ, охватив голову руками, опустил на край койки.

— Нет, — повторял он, — нет.

К горлу подкатывало что-то вязкое, глаза недобро вспыхнули. Наружу рвался гнев, и не только гнев, а что-то пострашнее.

— Ну-ну, малыш, не заводись, — голос у Пейна был сонный. — Мы всего два месяца в космосе и вскоре прибудем на Эльсинор.

— Я был вне... — пробормотал Алган. — Я был в лесу. И мне казалось, что я никуда не улетаю.

— Знаю, — успокоил его Пейн. — Такое случается со многими. Я сам очень долго видел в снах родной город. Красивый гордый город, выросший на алебастрово-белой скале в мире, который вы никогда не увидите и куда я никогда не вернусь, ведь он находится на другом конце Освоенной Галактики. Я жил там свободным человеком, и этого здесь никому не понять. Какая разница. Как говорится в пословице, миры мелькают, а люди приходят и уходят. Давайте разбудим Ногаро и пойдем перекусим.

У Ногаро, худощавого молчаливого брюнета с острыми чертами лица и глубоко

запавшими глазами, были на удивление длинные пальцы. В его движениях ощущалась не столько сила, сколько ловкость и быстрота. На всякой древней планете, в древних городах, где полиция неведуща, он прослыл бы опасным человеком.

Ногаро жил в одном блоке с Пейном и Алганом. Он никого ни о чем не расспрашивал, ничего никому не говорил и только безмолвно кивал головой. Видно, он знал о космосе не меньше Пейна, хотя и выглядел куда моложе его.

Экипаж звездолета относился к Ногаро настороженно. И Алган знал, что Ногаро имеет доступ в некоторые помещения корабля, куда первопроходцам вход воспрещен.

В столовой Алган стал выпытывать у Пейна, что тому известно об Эльсиноре, и краем глаза наблюдал за Ногаро. До сих пор Пейн говорил о планетах пуритан лишь намеками.

— Увидите сами, когда приземлимся, — отмахивался Пейн. — Все, что могу вам сказать, — вид у города препечальный, жители носят странные маски. Вы получите такую же, покидая корабль. Но торговцы они отменные.

— Послушайте, Пейн, — не отставал от него Алган. — Неужели никому не удалось вырваться из лап полиции? Неужели никто ни разу не смог удрать на родную планету?

— А зачем? — удивился Пейн. — Только жителям древних городов может прийти в голову такая мысль. Жизнь в космосе имеет свои хорошие и плохие стороны. Но ведь и на планете она не сплошной праздник. Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит.

— Вы в этом уверены? — вступил в разговор Ногаро.

— Простите? — удивленно воскликнул Пейн.

— Я спросил вас, откуда у вас уверенность в том, что Бетельгейзе лучше знает, что вам больше подходит?

Низкий голос Ногаро звучал глуховато, словно доносился издалека, отражаясь от многочисленных стен и просачиваясь сквозь невидимые трещины.

Алган наклонился вперед и даже перестал жевать.

— Не знаю, — медленно протянул Пейн. — Я простой матрос. Я шатаюсь по космосу и старею. Люди на Бетельгейзе принимают решения. Я не знаю, хороши они для меня или нет. Если мне велят отправиться на новую планету и расчистить ее, я не спорю. Мне не важно, кто ее заселит, что там будет расти, я делаю дело, раз мне приказали. Так делаю я, так делал мой отец. Мы не чувствуем привязанности к какой-то одной планете. Мы свободные люди, а потому прыгаем с одной планеты на другую.

— Хорошо, — усмехнулся Ногаро, обнажив длинные зубы. — А вы, Алган? Что вы думаете по этому поводу? Как вы относитесь к политике Бетельгейзе?

Алган уперся ладонями в стол и глубоко вздохнул.

— Я ненавижу Бетельгейзе, — с расстановкой, но достаточно громко, чтобы его слышали за соседними столиками, процедил он. — Я ненавижу все, что исходит от Бетельгейзе, и у меня нет никакого доверия к ее политике.

Все взгляды обратились в его сторону. Вокруг воцарилась тишина.

— А можно узнать почему? — осведомился Ногаро.

— Я родом из древнего Дарка, — ответил Алган, — и не скрываю этого. Я — человек города и требую лишь одного: оставьте меня в покое. Зачем покорять новые миры, когда мы не в силах освоить те, которые подготовили наши предки?

Люди за соседними столиками внимательно прислушивались к разговору. Одни глядели на Алгана со страхом и отвращением, в глазах других читалось нескрываемое восхищение.

— Это длинный разговор, — перебил его Ногаро. — Мы поговорим об этом, но не сейчас и не здесь. Мы должны быть могущественны, Алган, очень могущественны. Я тоже родом с древней планеты и знаю, как относятся к таким, как вы. Мы оба чудачки в этом мире, хотя наше отчуждение вызвано разными причинами. Может быть, наши странности взаимно дополняют друг друга.

— Да будет так, — произнес Алган, невольно вспомнив мимолетные дружеские связи, которые неожиданно возникали у него на древней Даркии.

Ногаро был человеком удивительным. Он до тонкостей знал историю Освоенной Галактики, в его памяти хранилось множество рассказов, относящихся к любому из составлявших ее миров. Казалось, он избороздил все пространство и путешествует с незапамятных времен. В отличие от Пейна, который нередко пересказывал одно и то же, Ногаро поражал разнообразием знаний. У него накопился невероятный опыт. Но страстью его, похоже, было освоение космоса. Ногаро говорил о мирах, словно о крохотных молекулах, перемещающихся в ограниченном пространстве. «Он сумасшедший, — повторял про себя Алган, — сумасшедший потому, что ему довелось созерцать нечто необъятное, но его сумасшествие величественно и заразительно». Ногаро особенно увлекала проблема разнообразия населяющих Галактику рас. В своих странствиях он встречал их множество. И все они имели общие черты. Эта странная общность так поразила Ногаро, что он задался целью открыть совершенно иную расу, отличную от человеческой. Легенды, ходившие среди звездоплавателей, крепили его уверенность в том, что такая раса существует. Он осаждал вопросами всех, кто забирался в неизведанные края.

От Ногаро Алган узнал, что Освоенная Галактика отнюдь не была монолитной — власть Бетельгейзе оспаривали. У нее имелись противники, и расстояния обостряли борьбу. Правда, Бетельгейзе умела выжидать. Мятежники исчезали, а пурпурная звезда по-прежнему продолжала светить. Бетельгейзе владела временем и знаниями.

Она, утверждал Ногаро, похожа на паука, который из центра гигантской паутины ощущает малейшее содрогание в каждой ячейке своей сети, но никогда не нападает. В сознании собственного старшинства и силы она выжидает до тех пор, пока мятежник не сможет шелохнуться в подготовленной для него западне. По словам Ногаро, бывшего в курсе всех слухов, ходивших в Освоенной Галактике, это был непогрешимый паук, ибо он был бессмертным самообучающимся созданием — комплексом громадных машин, которые в своих бетонных убежищах писали историю планет в полном соответствии со своей неумолимой логикой. И люди соглашались с властью холодных, бесстрастных машин, лишенных человеческих амбиций и воображения, которые нередко заводили человека в дебри пустых замыслов. Люди принимали их власть, как принимают реки и горы, и Даже уважали их, ибо машины эти сотворил человек, хотя и в незапамятные, почти мифические времена.

«А что, если все это ложь? — часто думал Алган. — Может, вся Бетельгейзе была чудовищной ложью, а за машинами скрывалась какая-нибудь могущественная династия, сумевшая обеспечить себе многовековую власть под защитой мощных стен пространства и глубочайших рвов времени?»

«Какое место занимает в этой паучьей сети Ногаро? — спрашивал себя Алган. — И какое место занимаю я? И все те, кто живет, покоряет, осваивает миры и умирает, не зная, в чем смысл их дел, и прыгая с клетки на клетку по космической шахматной доске?»

Какое место занимал наивный Пейн? Какое — циничный Ногаро, с холодными, хитрыми глазами, расчетливой молчаливостью, отточенной речью? Какое — Жерг Алган, человек с древней планеты, представитель миров, обращенных скорее к прошлому, нежели к будущему, которые упиваются запыленной славой и не желают слышать о грядущих победах?

Или для них не было места? Может, они были лишними? Золой, пеплом неукротимого человеческого пламени, пожиравшего пространство?

Последние дни путешествия перед посадкой на Эльсинор Алган провел в библиотеке, но ни книги, ни магнитные записи, ни фильмы не дали ему новых знаний. Может, мир был устроен очень просто и Алган ненавидел его именно за это? Или имелась скрытая сторона, тайная действительность, которую следовало открыть и которая была истинной реальностью или ее фрагментом.

Но скорее всего, никто в Освоенной Галактике не ведал истины. Алган был недоверчив по натуре, и, слушая записи, читая книги и просматривая фильмы, он, словно охотник,

крадущийся за неизвестным и, похоже, опасным зверем, особым чутьем угадывал неведомый след. Он шел вперед, никого не видя, но зная, что и человек, и зверь умеют ходить тихо, не касаясь веток, не всколыхнув воздуха, не оставляя следа.

А может, Ногаро прав? Может, спасение принесет иная, отличная от нас раса, которая обогатит нас своим опытом? А если она, эта иная раса, принесет гибель и разрушение?

По мере приближения к Эльсинору у Алгана пробуждался все больший интерес к планетам пуритан. Он почти ничего не знал о них, ему были известны лишь легенды, услышанные в притонах Дарка. Об этих планетах рассказывали мрачные истории, они пользовались худой славой, но никаких достоверных сведений ему раздобыть не удалось. События теряют остроту, когда рассказ о них пересекает бездны времени и пространства. Преемственность традиций невозможна, когда каждый изолирован в своем собственном времени. А звездоплаватели не любят говорить о минувших делах. Бывают на редкость словоохотливые первопроходцы, но им мало что известно. И Бетельгейзе предпочитает, чтобы так и было. Бетельгейзе стремится быть единственным связующим звеном между разными мирами.

Триста лет назад по локальному времени, когда первопроходцы высадились на планеты, которые впоследствии стали пуританскими, они столкнулись с суровой враждебной природой. Она оказала влияние на характер поселенцев. Кроме того, они были первыми представителями подлинной галактической цивилизации. До них освоение велось людьми, чтившими старые традиции и любившими родной мир. Эти планеты обживали зрелые люди, большую часть отведенных им лет проводившие на борту тихоходных звездолетов, бороздивших неисследованные просторы Галактики. Они привыкли к темпоральным искажениям и не могли представить себе мир, который бы не знал этих искажений, где время было бы стабильным. На исходных планетах они ощущали себя чужаками, ибо были современниками тех людей, которые умерли век, а то и два века назад. Они искали новый мир, в котором время обрело бы новую ценность, где жизнь зависела бы не от современников, а от будущих поколений. Они отыскиали десять планет, вращавшихся вокруг соседних звезд, и создали там свою цивилизацию.

Позже в космосе возникли и другие сообщества. Реакция на окружающую среду, положившая начало миру пуритан, лишилась смысла, ибо образ мышления изменился. А пуританские миры, бастионы древней традиции, единственной, которая существовала в Освоенной Галактике наряду с традицией Бетельгейзе, выжили, сохранив особую организацию и суровую мораль, а также странные, чуждые для инородцев обычаи. Космопорты, возведенные Бетельгейзе, существовали и на планетах пуритан, но здесь, как и на древних планетах, их едва терпели. Порожденные пространством, пуритане ощущали его воздействие и с подозрением относились ко всему новому, что могло поколебать сложившийся порядок...

4. МИРЫ ПУРИТАН

На вратах космопорта ярко блестело звонкое слово «Эльсинор». Это легкое и певучее имя пришло из древних времен, его окружала поэзия мифов, волнующая, смутная память о былом.

Сразу за высокими бронзовыми вратами начинались окраины города — вначале Алган увидел лишь море крыш со змеящимися щелями улочек. Но присмотревшись, он различил вдали громаду нового города.

Алган несколько дней мог полностью располагать собой: ему разрешалось ходить где угодно, нельзя было только покидать планету. Он знал, правительство Бетельгейзе не беспокоилось за своих первопроходцев; оно понимало, что жизни на этой планете они предпочтут жизнь на звездолете: пуритан не любили.

Алган натянул черные перчатки и надел мрачную маску, скрывающую от постороннего взгляда рот, уши и нос. Тончайшая ткань пропускала звуки, воздух и запахи. Открытыми

оставались лишь глаза и лоб.

Алгана предупредили, что на Эльсиноре ношение маски обязательно. Открытое лицо здесь приравнивалось к тяжкому публичному оскорблению как сознательное нарушение пристойности. Виновнику грозила серьезная кара, даже если его защищала всемогущая администрация Бетельгейзе.

Алган бродил по старым улочкам, где уже давно не ходил транспорт, разглядывал растрескавшиеся белые стены зданий, за которыми таилась тихая, едва приметная жизнь. Ему здесь нравилось. Он ощущал сходство с древним укладом, и, хотя пуритане осуждали образ жизни на старых планетах, он подмечал в городе те же следы развития и упадка, что и в Дарке.

Он вспоминал слова Ногаро, который сказал ему перед самым выходом из звездолета: «Миры пуритан одержимы страхом состариться, и этот страх столь велик, что они изначально ввалили себе на плечи груз долгих прожитых лет». Бродя по городу, он понял, как справедливы слова Ногаро. Пуритане стремились создать вечную цивилизацию, они замыслили ее как жесткую систему, а потому с самого ее рождения над ней повисло проклятье, ее уделом был повсеместный склероз.

Пуритане занимались торговлей. Им удавалось первыми завладеть всем, что было ценного на новых планетах, а потом с выгодой перепродать добытое. В их портах можно было найти любые товары, имевшие хождение в Освоенной Галактике.

Улицы становились оживленней. Все чаще встречались полные достоинства фигуры в одеждах из черного или синего бархата — в зависимости от ранга или должности владельца, на их масках сверкали драгоценные камни. Прилавки магазинчиков, несмотря на строгость здешних нравов, ломились от самых разных товаров — старинной резной утвари с Атлана, шелковистых, невесомых мехов Альдрагора, изделий аборигенов, цветастых шалей, стеклянных шаров, внутри которых, как в калейдоскопе, сменяли друг друга многомерные изображения, бронзовых табличек с непонятными символами, причудливейших форм и цветов кристаллов.

Богатства Освоенной Галактики были неисчислимы, и все, что было лучшего, продавалось на Эльсиноре.

Жерг Алган чувствовал себя здесь особенно одиноким. Листал ли он древние книги или любовался мягчайшими тканями, его не покидало ощущение одиночества, которого прежде он не испытывал. Впервые в жизни он попал в другой мир, а рядом не было ни друга, ни даже проводника, который помог бы ему найти верный путь, а в случае надобности и встать на защиту. К тому же он утратил свободу.

Он отбросил ткань на прилавок к великому огорчению торговца — даже безликая маска не скрыла жадного блеска его глаз. Скупость у пуритан считалась добродетелью, ее относили к числу достоинств, в то время как высокие человеческие чувства считались пороками.

Среди груды многоцветных тканей и роскошных фолиантов в парчовых переплетах Алган заметил старинную шахматную доску. Он сдвинул в сторону легкие ткани и стал внимательно рассматривать ее. Шестьдесят четыре клетки, казалось, были сделаны из дерева двух пород — темно-синего, как ночь, и нежно-розового, будто кожа юной девушки; так выглядели многие доски, но эта отличалась тончайшими гравюрами, выполненными на каждой клетке. Именно эти рисунки и привлекли внимание Алгана.

Они поражали тонкостью проработки каждой детали. Вряд ли их могла выполнить человеческая рука. Рисунки были едва различимы, так что, вероятно, сделаны были не для украшения. К тому же они не имели никакого отношения к игре в шахматы. Это заинтриговало Алгана. Он вспомнил, что когда-то слышал о чем-то подобном. Эти символы относились к какой-то древней науке, вернее, религии... Нет, скорее, к суеверию, оно носило название астрологии. Некоторые из знаков напоминали изображения созвездий. Эти рисунки были известны с незапамятных времен, когда люди еще верили, что их судьбы начертаны на

небосводе.

Некоторые знаки представляли собой сложные геометрические фигуры или изображали фантастических существ, чуждых человеческой мифологии. Эти рисунки тоже не имели никакого отношения к шахматам. Кое-какие из них напоминали магические квадраты, которые любили рисовать художники и граверы глубочайшей древности.

Алган кончиками пальцев погладил полированную поверхность доски. Похоже, ее изготовили не из дерева, а из какого-то другого материала с более тонкой структурой, а потому она отличалась необычной игрой света на темных и светлых клетках.

Алгана удивили и размеры доски. Ее можно было накрыть двумя ладонями. Он решил, что доска принадлежала какому-нибудь звездоплывателю, случайно попавшему на эту планету, и столь же случайно в результате обмена или кражи перешла в руки торговца. Он сделал знак владельцу лавки, и тот поспешно подошел.

— Откуда эта доска? — небрежным тоном осведомился Алган.

— Это очень древняя вещь, — поспешно отозвался торговец. Глазки его хищно блеснули. — Очень древняя вещь. Ей, наверно, тысяча лет, а может, и десять тысяч. Вы коллекционер?

— Не может ей быть десять тысяч лет! — возмутился Алган. — Освоение-то космоса когда началось? Чем вы можете подтвердить ее древнее происхождение? Хотите обманом подсунуть мне залежалый товар?

Алган говорил все это, но сам не верил своим словам. Он знал, честность — отличительная черта пуританских торговцев. Пуританин никогда не станет расхваливать несуществующие качества своих товаров, хотя, случалось, и забудет упомянуть об их недостатках.

— Эта доска старше всех нас, вместе взятых, — торговец погладил маску на лице. — Она старше этого города. Поверьте мне. Никто не знает, когда ее сделали. Доска может стоять целое состояние. Но я вынужден расстаться с ней. Дела идут из рук вон плохо.

— Что так? — усмехнулся Алган. — И сколько вы за нее просите?

— Не будем говорить о цене. По крайней мере пока. Мы оба любим красивые старинные вещи. Присмотритесь. Вы можете сказать, из чего она сделана? Ходит немало древних легенд...

— О легендах поговорим потом. А где фигуры?

Торговец с подозрением посмотрел на него.

— Фигуры? — переспросил он. — К этим шахматным доскам фигур не полагается. Я принял вас за знатока. Вы обратили внимание на рисунки?

— А как же играть?

— Не знаю. Я уже говорил, что доска старинная, происхождение ее неизвестно. Никто не знает, как играть на этих досках. Они существовали еще до того, как человек научился передвигать фигуры по шестидесяти четырем клеткам.

— Как она попала к вам?

— Если не ошибаюсь, ее принес мне на продажу какой-то звездоплыватель. Он прибыл с границ Освоенной Галактики. Не знаю, где он раздобыл эту доску. Он мне этого не сказал. Но известно, что это очень древняя вещь. Ее древность не вызывает сомнений. Такие доски появились задолго до человека.

— Значит, в Галактике и до человека существовали цивилизации?

Торговец окинул Алгана печальным взглядом.

— Что мне ответить? Я знаю не больше вашего. Первопроходцы, те, кто были моими и вашими предками, встречались в разных местах с разумными расами, и гуманоидными и нет, но все они стояли на довольно низкой ступени развития и еще не покидали своих планет. Но я верю... верю, что мы не были первыми, кто опустился на поверхность некоторых планет. Думаю, кто-то наблюдает за нами. Ждет нас. Может, эти шахматные доски — дело рук неизвестной расы.

— Какой? — сухо спросил Алган.

— Кому это ведомо? Во всяком случае, не бедному эльсинорскому торговцу, который лишь трижды покидал родную планету. Но рассказывают разные и весьма престранные истории.

— Что это за истории?

— Я не имею права говорить об этом. Это запретная тема. Однако я вижу, вы дружески настроены и дадите мне за эту древнюю вещицу хорошую цену.

— Договорились!

— Идите за мной, — сказал торговец.

Алган бросил взгляд вокруг. Оживленная толпа осаждала прилавки, по улицам бесшумно скользили длинные черные машины. Но все происходило в абсолютной тишине, от которой становилось не по себе; темные одежды и маски придавали городу зловещий вид.

Алган проскользнул в низкую дверь лавочки; заднее помещение оказалось складом, где навалом лежали бесценные товары — легкие красочные ткани, невесомые меха, изысканные металлические изделия.

Торговец опустил на грудь мехов, а Алгану указал на высокое кожаное кресло. Глаза Алгана быстро привыкли к скупому свету, и он с любопытством огляделся.

— Вижу, мое заведение вам по душе, — проговорил торговец. — Это радует мое сердце.

Он наклонился к Алгану и с улыбкой спросил:

— Вы когда-нибудь пробовали зотл?

— Я только слышал о таком напитке, — вздохнул Алган. — А ведь у пуритан...

— Пуритане — народ предусмотрительный. Вы, наверно, слышали пословицу: «Для тех, кто не переступает порог, важен лишь фасад». Это старая пословица. Вы согласны с ней?

Торговец взял с полки корень и сунул в машинку для выжимания сока, имевшую вид обычной статуэтки. Он подождал, пока корень обесцветится, а сок стечет в сосуд. Затем перелил его в два высоких серебряных бокала.

— Подождите, — сказал он. — Не пейте все разом. Я хочу вам кое-что показать. Я знаю, что могу вам довериться.

Голос торговца изменился. Исчезли любезность и угодливость, зазвучали стальные нотки. Торговец ждал, что ему подчинятся, а Алгану было любопытно узнать, что последует дальше.

— Положите доску на колени. Теперь разместите пальцы правой руки по клеткам, безразлично каким. Каждый палец должен лежать на отдельной клетке. Эльсинор посещают самые разные люди. Обычно нам доверяют, известно, наша честность вне подозрений. Наши обычаи, как это ни прискорбно, не всем по душе, а наша нетерпимость — тем более. И тем не менее инородцы доверяют нам, а в космосе это случается нечасто, поверьте мне. Вот почему нам рассказывают то, о чем не осмелились бы поведать нигде, чего не знает даже заносчивая Бетельгейзе. Вы не любите Бетельгейзе, и не надо меня уверять в обратном. По вашей одежде я сразу определил, что вы первопроходец и прибыли с древней планеты, а как набирают на них людей, когда центральному правительству не хватает рук, мне доподлинно известно. У нас тоже есть причины не любить Бетельгейзе. Уже более трех веков цивилизация пуритан ограничена десятью мирами, хотя в Галактике множество неосвоенных планет. Бетельгейзе нуждается в наших людях, но не желает распространения пуритан. Вот почему мы внимательно слушаем путешественников в надежде наткнуться на какую-нибудь тайну, которая даст нам хотя бы тень превосходства над Бетельгейзе. Однажды мы найдем ее. К примеру, нам известно, что на некоторых планетах существуют руины построек, которые были воздвигнуты задолго до появления человека.

Он замолчал, и его желтые, глубоко посаженные глазки впились в невозмутимые глаза Алгана.

— Это вас не удивляет? — спросил он.

— Я уже слышал о чем-то подобном, — ответил Алган.

— Возможно. А быть может, вы умело скрываете свои чувства? Может, не стоило доверяться вам? Впрочем, какая разница? Вы ненавидите Бетельгейзе не меньше нашего. Слушайте меня внимательно. Экспедициями обнаружены руины колоссальных зданий на планетах, расположенных на границе Освоенной Галактики. К сожалению, ни одна из этих экспедиций не вернулась.

— Несчастный случай? — без видимого удивления поинтересовался Алган.

— Кто знает?.. Экспедиции просто-напросто исчезли. Не исключено, что их уничтожили. Так считает Бетельгейзе. А может, они и не погибли.

— Куда же они делись?

— Представьте на мгновение, что эти руины своего рода двери в параллельные миры; люди, сами того не зная, переступили порог иных измерений и не смогли оттуда вернуться.

— Абсурд!

— Несомненно, — кивнул торговец, — несомненно. Но один или два человека возвратились. Много лет спустя. Окольными путями и под другими именами. Они скрылись от вездесущей Бетельгейзе, хотя клялись ей в верности. Их отыскиали мы. Они имели кое-что на продажу, а потому явились к нам.

— Что же с ними там стряслось?

— Ничего. Не думайте, что я пытаюсь скрыть от вас истину, но с ними там действительно ничего не случилось. Их рассказы, на удивление, схожи. Они оставались охранять лагерь. Но за ними никто не возвращался. И они удирали оттуда, прихватив из лагеря самое ценное, в том числе и фотографии. Эти фотографии у нас. Руины существуют.

— Допустим. Но какова их связь с этими шахматными досками и почему вы мне рассказываете все это?

Черная шелковая маска торговца заколыхалась, и Алган понял, что тот улыбается.

— Поставьте пальцы на клетки. Каждый палец на отдельную. Вот так. А теперь выпейте зотл.

Алган приподнял низ маски и медленно выпил содержимое бокала. Его сердце раздирала острая тоска по дому. Но тут словно во сне он увидел серую пустыню под низким зеленым небом, подвижные радужные скалы. Он посмотрел под ноги, и ему показалось, что он пешка на белой клетке и стоит посреди доски, не видя ее границ. Он почувствовал, что его увлекает какая-то невидимая сила. Затем клетки дрогнули и стали расти. Небо потемнело, появились звезды, он как бы повис над зеленеющей долиной, а потом плавно опустился на шелковистую траву.

Трава доходила ему до плеч, но, осмотревшись, он тут же забыл о ней — под багровым небом с яркой голубой звездой в зените сверкали черные отполированные стены. Вернее, всего одна стена. Он закричал. Стена качнулась, нависла над ним и стала медленно оседать. Этот гладкий монолит был слишком велик, чтобы быть творением рук человека. Черная стена стояла не отвесно, а с наклоном, она нависала над местом приземления Алгана, отчего в первый момент ему показалось, что громада рушится прямо на него.

Алган поднял глаза к небу, пытаясь определить тип солнца, как вдруг почувствовал тяжесть в руке. Он заморгал и увидел перед собой маску торговца.

— Что это? — спросил он, даже не поставив бокал на стол.

— Откуда мне знать? Ведь я не был с вами, — ответил торговец.

— Вы знали, что произойдет со мной. Вы не случайно велели мне положить руку на доску и выпить зотл.

— Теперь вам известно столько же, сколько мне, — сказал торговец. — Уверен, что это место существует в действительности и стена там падает вот уже многие тысячелетия. Какое солнце светит в тех небесах — голубое, красное или желтое?

— Гигантское голубое солнце, — ответил Алган.

— Наиболее частый случай. В этих видениях вообще многое меняется. Растительность, цвет небес, солнца, но всегда остаются неизменными стены. На всех мирах, которые открываются взору при совместном воздействии доски и зотла, стоят колоссальные

цитадели. Кто знает, какие сокровища они охраняют.

— Или оружие, — вставил Алган.

Они помолчали, изучающе глядя друг на друга.

— Иллюзия, — наконец медленно проговорил Алган.

— Несомненно, — подтвердил торговец, — несомненно. Но убедительная иллюзия.

— Кто направлял туда исследовательские экспедиции?

— Бетельгейзе, — ответил торговец. — Корабли и специалисты имеются лишь в распоряжении Бетельгейзе. Вам известно, сколь редки знающие люди. И все же, как видите, нам кое-что удалось узнать. Скажу, даже многое.

— А теперь, — спросил Алган, испытывая неловкость, — сознайтесь, почему вы рассказали все это именно мне?

Глазки торговца превратились в щелочки.

— Вас привлекла шахматная доска. Я подумал, что это вам интересно. Разве я не прав?

— Правы, — ответил Алган. — Но это только часть истины.

— Мы, пуритане, любим рассказывать разные истории, — усмехнулся торговец. — Но любим и слушать. Представьте, что вам доведется увидеть что-нибудь любопытное. К примеру, ту же черную наклонную стену. Можете быть уверены, мы дадим за ваш рассказ хорошую цену.

— Я самый обычный первопроходец, — сказал Алган. Ему не хотелось давать своего согласия. Он не слишком верил в искренность торговца и боялся попасть в скверную историю. — Не ведаю даже, куда мы направляемся. Вряд ли я буду вам полезен.

— Кто знает? — возразил торговец. Он часто-часто заморгал, словно давая знак какому-то невидимому наблюдателю. — Кто что может знать? Вдруг завтра вы будете свободно путешествовать среди звезд? Просто не забывайте о нашем существовании.

— Постараюсь, — нехотя ответил Алган. — А сколько вы просите за эту доску?

— Ничего, — голос торговца стал глух, словно он упрекал сам себя за несвойственную ему щедрость, что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

— Ничего, — повторил он. — Это подарок.

«Положение куда запутанней, чем кажется с первого взгляда», — размышлял Алган, продолжая свой путь по улицам города.

Ногаро был прав почти во всем. Освоенная Галактика в самом деле напоминала кислое тесто, разбухавшее и расплывавшееся в разные стороны на дрожжах личных амбиций. И кто знает, может, в самом деле, чтобы опрокинуть Бетельгейзе, было достаточно легкого толчка. Эта мысль понравилась Жергу Алгану.

Его удивлял интерес, который проявляли к негуманоидным расам Ногаро и торговец. Они знали некоторую часть загадки, о которой он, Алган, пока имел лишь смутное представление. Возможно, эта часть имела отношение к слабым сторонам власти Бетельгейзе над Галактикой. И пуритане надеялись, что черные цитадели дадут им в руки верное оружие против Бетельгейзе. Несомненно, пуритане знали больше, чем рассказал торговец. «А какую роль отводят мне, Жергу Алгану, на этой необъятной сцене?» — спрашивал себя Алган, ощупывая гладкую поверхность доски.

Но не находил ответа.

Любое предположение заводило в тупик.

Можно было подумать, что Эльсинор населяют тени. По улицам города сновали темные маски и длинные плащи, скрывавшие их владельцев. В оживлении, царившем на улицах, чувствовалась какая-то мимолетность, словно эльсинорцы в своем желании походить на бесполых призраков превратились в пугливых фантомов. В зеркальных стеклах машин, бесшумно пронесившихся по улицам, отражались лишь темные силуэты прохожих. Машины походили на катафалки, даже хромированные детали подчеркивали их мрачность.

Здесь никто не носил оружия. Эльсинор был миром стойких традиций. Алган знал, что

прежде их придерживались и в Дарке, и с тоской в сердце сознавал, что нынешний Дарк их утратил.

Новый город поразил Алгана. Ему вдруг открылось, что Дарк был городом прошлого, обреченным на медленное умирание. Белые и черные громады зданий выглядели здесь особенно величественно, а башня космопорта Даркии была карликом по сравнению с устремленными в небо башнями Эльсинора.

Но в самом городе царило уныние. Это был холодный город, населенный тенями, не помнившими о своем человеческом происхождении. Они шептали, а не говорили, скользили вдоль стен, едва постукивая каблуками по мостовой, а не ходили. Город был окутан саваном собственного безмолвия, как тысячи лиц — темной чадрой масок.

Первые пуритане считали, что человек всегда должен ощущать свое одиночество перед лицом огромного мира, а рассчитывать только на самого себя и на строгие математические законы, обеспечивающие ему выживание и защиту. Человек пространства перестает быть человеком определенной эпохи или мира. Его следует отделить от окружения, личность должна стать взаимозаменяемой. Она должна утратить свои индивидуальные черты, стать невидимой и неуловимой.

Несколько веков хватило, чтобы человек на планетах пуритан стал таким. Тот, кто покидал Эльсинор и возвращался на него век спустя, не находил никаких изменений. Улицы походили одна на другую, дыхание Времени не касалось белых и черных фасадов. Возможно, люди и менялись, но маски надежно хранили их тайну.

Алгану вспомнились мужчины и женщины Даркии, их громкие, звучные голоса, их красочные одежды. Здесь же среди прохожих он с трудом отличал женщин от мужчин, разве что порой под просторными складками черного плаща угадывалась кошачья гибкость женского тела.

«Неужели этому миру принадлежит будущее?» — спрашивал себя Алган, разглядывая однообразные слепые фасады домов, которые так разительно отличались от привычных ему играющих светом окон и сумраком штор, приоткрытых, словно веки гостеприимных, радостных глаз. Он с яростью сжимал руки в черных перчатках. Его губы дрожали от тоски под легким шелком маски.

А может, из глубин пространства грядет иное будущее? Будущее, рожденное на невероятно древних планетах. Или этому будущему только суждено родиться на юных мирах?

«Этого никто не знает», — думал Алган, шагая по улицам Эльсинора и пытаясь соразмерить свой шаг с походкой эльсинорцев.

На его плечо опустилась чья-то рука. Он мгновенно обернулся, инстинктивно схватившись за пояс, где обычно висело оружие.

— Вижу, вы интересуетесь стариной и рассказами торговцев, — услышал он насмешливый голос Ногаро, приглушенный маской.

— Откуда вам это известно? — резко спросил Алган.

— Не все ли равно. Ветер немало доносит до моих ушей. Видели ли вы крыши Эльсинора? Поверьте, это зрелище достойно внимания всякого, кто прилетел сюда. Пойдемте. У меня есть к вам небольшой разговор.

Ногаро подхватил Алгана под руку и увлек за собой. Они миновали портик гигантского здания и прошли анфиладой белых залов, где сновало множество людей в масках. В конце длинного коридора Алган заметил спираль, которая словно вращалась вокруг собственной оси. Ступив на нее, он понял, что это эскалатор.

— Не стоит пересказывать то, что вам наговорил торговец, — начал Ногаро. — Все это известные вещи.

Алган повернулся к Ногаро.

— Есть ли в этих историях хоть крупица правды? — не выдержал он. — Неужели в Галактике существует цивилизация более древняя, чем человеческая?

— Хотелось бы верить в это, — уклонился от прямого ответа Ногаро.

— Какую роль играют шахматная доска и зотл?

— Трудно сказать. Полагают, что шахматная доска является носителем информации, которую можно считать с помощью зотла.

— А исчезнувшие экспедиции?

— Все, что оказал торговец, сущая правда. Он ошибается только в отношении Бетельгейзе. Бетельгейзе знает ровно столько же, не больше и не меньше. Но, как и торговцы, Бетельгейзе стремится получить новые сведения. Возможно, их доставите вы. Как знать?

— Я же обычный первопроходец. Мне даже не известно, где я окажусь завтра.

— Пути людей неисповедимы, — усмехнулся Ногаро. — Может, завтра вы будете свободно путешествовать среди звезд или возглавите новую экспедицию...

Алган внутренне сжался.

— Торговец мне уже предлагал это, — медленно процедил он. — Теперь настала ваша очередь. Выходит, я меньше других осведомлен о собственном будущем.

— Случается и так, — отрезал Ногаро. — И Бетельгейзе, и торговцы строят на ваш счет определенные планы.

Алган задумался. Спираль донесла их почти до самого верха. Он поднял голову и увидел над собой прозрачный купол. В небе проносились черные точки звездолетов.

— Может случиться, — продолжил Ногаро, — что Бетельгейзе предоставит вам быстроходное судно. Или небольшой кораблик. К примеру, одноместный исследовательский катер. Тогда вы сможете посетить отдаленные планеты, где есть черные цитадели. Но, поскольку Бетельгейзе не хотелось бы, чтобы об этом знали другие, вам, к примеру, придется захватить подходящий корабль в каком-нибудь космопорте. Ну хотя бы на Эльсиноре. Такое бывало. Все пройдет как по маслу. Власти порта проявляют в таких случаях удивительную небрежность. Вы отправитесь в путь на похищенном корабле, а через некоторое время привезете интересующие нас сведения. И тогда между Бетельгейзе и пуританами разгорится долгая-предолгая борьба за вашу персону. Вы меня понимаете?

— Начинаю понимать, — кивнул Алган. — Но почему выбор пал именно на меня? И почему пуритане сообщают мне сведения, которые пойдут на пользу Бетельгейзе?

— Все трудности проистекают именно из этого. И для Бетельгейзе, и для пуритан вы лишь пешка в игре. Но, как только на вас ставит один лагерь, вами вынужден заниматься и другой. К тому же вы питаете ненависть и к Бетельгейзе, и к пуританам. Вам ненавистен весь современный мир. Вам хочется отыскать в безднах пространства что-то такое, что поможет вам уничтожить сложившийся уклад жизни. Вы с такой страстью ищете подходящего случая, что он предоставляется именно вам. Бетельгейзе, как и пуритане, надеется с вашей помощью найти оружие в борьбе со своим могущественным противником, Бетельгейзе желает раздавить пуритан, а их десять планет — опрокинуть центральное правительство. Сведения, которые сообщил вам торговец, ровным счетом ничего не стоят. Бетельгейзе все это известно. Торговец просто хотел завоевать ваше доверие.

Они стояли под куполом. Город внизу напоминал черно-белые костяшки домино на плоском столе. Над космопортом пузатым жуком кружил громадный звездолет с гербом Бетельгейзе на борту. Небо перечеркнул след стартовавшего корабля.

— Значит, пространство недостаточно обширно для мирного сосуществования Бетельгейзе и пуритан? — спросил Алган.

— Увы, — вздохнул Ногаро. — Вернее, оно слишком обширно, но слишком мало людей, чтобы одна из держав допустила раздел. Все может измениться, если человек встретит могущественного союзника. Но пока он никого не встретил, кроме полупримитивных рас, ошибок Истории или Времени.

— Но кто вы такой? — спросил Алган. — Откуда знаете все это? На кого работаете? Или вы сами по себе?

— Нет. — Ногаро отвернулся, его глаза скользнули по крышам города. — Пора быть откровенным. Друг мой, я представляю Бетельгейзе.

5. ВСЕ ЗВЕЗДЫ НЕБА

«В ночном небе Эльсинора блистают все звезды мира, — думал Алган, — и трудно поверить, что такие же раскаленные шары, вокруг которых кружат, быть может, обитаемые планеты, сияют повсюду в Галактике».

Он бесшумно выскользнул из комнаты и прокрался на кольцевую дорогу, проложенную по верху стен космопорта. Алган был в форме пилота, у пояса висел лучевой пистолет. Перед ним открывалась панорама города и эспланада порта. Он видел огни далеких пригородов в десятках километров от центра, они походили на созвездия или галактики, сорвавшиеся с небес и упавшие на землю.

Сам порт напоминал залитую светом белую пустыню, окаймленную стенами, на которой высились темные силуэты звездолетов. Его ждал один из этих кораблей, быстроходный разведывательный катер.

Крохотное суденышко без опознавательных огней притаилось в южном углу порта.

Алган согласился принять участие в странной игре. Ему следовало захватить корабль при тайном попустительстве портовых властей. Он должен был стартовать, зная, что в погоню будут брошены все силы Бетельгейзе. Целью его полета была Глания, крохотная, недавно освоенная планетка с небольшим космопортом. Глания, аванпост Освоенной Галактики в опасной близости от ее Центра, была первым этапом его путешествия. Именно на Глании жил один из тех немногих, кому довелось вернуться после гибели своих экспедиций.

Алган тщательно проверил содержимое карманов. В них не должно было быть ничего, что бы позволило установить его личность, если план провалится или он погибнет. Но он не знал, кому нужны эти меры предосторожности. Может быть, Ногаро действительно верил в существование иных рас и не хотел полагаться на волю случая? Может, он все делал для того, чтобы возможные завоеватели не узнали, как добраться до Бетельгейзе? Или опасался более конкретного противника среди человеческих цивилизаций? Никаких компрометирующих предметов. Только в одном из карманов комбинезона лежала шахматная доска. Это была единственная ниточка, которая могла вывести его на след.

Он казался себе охотником, который не знает, на какого зверя идет и где именно произойдет встреча. Алган посмотрел на часы. Десять пятьдесят восемь. Он начнет действовать ровно через две минуты.

Безоблачная ночь была тихой и безмолвной. Город невозмутимо светился своими холодными огнями. Далекий вертолет едва слышно рвал винтом шелковистый воздух. Высокие башни казались в ночной тьме снопами света. Алган начал считать секунды. Это было бессмысленным, но его губы шевелились сами собой.

Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Ничего не произошло. Было ровно одиннадцать часов.

На какое-то мгновение он заколебался, но потом бесшумно ринулся вперед, по-кошачьи скатившись вниз по лестнице. В его распоряжении было всего полминуты, чтобы добежать до стартовых площадок, — контрольный луч обегал их каждые тридцать секунд.

Луч был невидим и неосязаем, но, если на его пути оказывался чужеродный предмет, автоматически включалась тревога. Обычно луч прощупывал космопорт по принципу Монте-Карло. Ускользнуть от луча было невозможно, так как не известно было, какую часть порта он обегает в данный момент. Но каждые тридцать секунд он оглядывал каждую стартовую площадку, пронизывал тени и оглаживал полированный металл корпусов.

Сегодня же между одиннадцатью и одиннадцатью десятью луч работал по иной программе. Для непосвященных она использовала те же случайные числа, но на самом деле луч имел точную траекторию, и Жерг Алган, выучив программу наизусть, мог пересечь эспланаду, не вызвав сигнала тревоги.

Он считал секунды, сбегая вниз по бесконечным ступеням, и оказался на поле космодрома на три секунды раньше. Алган застыл в неподвижности. Три. Два. Один.

Алган понесся к дальней темной точке. Тому, кто наблюдал за ним с высоты башни, он казался муравьем, темной песчинкой, скользящей по гладкой стекловидной поверхности. Алган нырнул в тень и перевел дух. Он на десять секунд опережал график, и теперь следовало дожидаться, пока луч минует эту часть эспланады.

«Я представляю собой великолепную мишень», — подумал он. Теоретически никто не должен был в него стрелять. Но это теоретически...

Огромные силуэты кораблей увеличивались на глазах. Он спешил оказаться в их тени, хотя ощущение безопасности было мнимым. Можно было ускользнуть от человеческого взгляда, но не от бдительного ока машин.

«Странная идея», — подумал Алган, когда Ногаро изложил ему план Бетельгейзе. Он поинтересовался, почему нельзя отправиться открыто на борту одного из судов? К чему весь этот маскарад, эта абсурдная и опасная игра? Ради обмана пуритан? Десяти планет?

— Нет, — холодно ответил Ногаро. — Когда они узнают о вашем бегстве, то сразу поймут, с чьей помощью и куда вы отправились.

Ни Бетельгейзе, ни пуритане не желают показывать Освоенной Галактике, что опасаются гипотетических цивилизованных рас, обитающих в неисследованных районах. План диктуется политическими соображениями. Если официально снаряжать экспедицию для поиска черных цитаделей, то как можно отказать в том же торговцам-пуританам?

— Если меня схватят, то я буду осужден за пиратство? — спросил Алган.

— Конечно, — ответил Ногаро. — Но вас не схватят, если только вы сами этого не захотите. Тогда вас под надежной охраной отправят на Бетельгейзе. Но может случиться, что вам удастся бежать.

— Опасная затея, — заметил Алган.

— Еще бы, — согласился Ногаро. — Но что вам больше нравится — открытое пространство или освоение новых миров? Вы свободны в выборе.

— Пространство, — без колебаний ответил Алган.

Теперь он петлял по странному лесу — громадные корабли представлялись стволами, а их антенны — ветвями деревьев. В нем проснулся инстинкт охотника.

«Наверно, следовало отказаться, — размышлял он. — Как я смогу служить Бетельгейзе, которую так ненавижу?».

Но ответ таился в нем самом. По натуре он был охотником, люди именно такого типа годились в наемники. Вот он и стал одним из них.

Его страстью была охота. Любая охота. И долгое бродяжничество на Даркии тоже преследовало эту же цель.

Теперь и среди звезд ему, человеку с первобытным инстинктом, нашлось место. И он станет той самой песчинкой, которая остановит отлаженный механизм. «Надо стать конем на этой шахматной доске и, прыгая от звезды к звезде, загнать в угол короля противника, черного короля, властителя Галактики».

Он побежал быстрее. Ему казалось, что кожа его ощущает жар контрольного луча.

Послышался шум, Алган застыл в густой тени ближайшего корабля и насторожился.

Неподалеку шел человек — его подошвы глухо стучали по гладкой поверхности эспланады.

«Неужели враг, — подумал Алган, но тут же отбросил эту мысль. — Неожиданный обход? Или обычный техник проверяет двигатель перед стартом корабля?».

Его появление грозило большими бедами, чем попадание в зону контрольного луча или происки торговцев Эльсинора. Непредсказуемый, случайный фактор мог изменить результат охоты.

Алган начал считать секунды. Нельзя было оставаться на одном месте — луч мог

обнаружить его в любое мгновение.

Он медленно обогнул огромный корпус, за которым прятался. Крохотный кораблик, предназначенный для него, был совсем рядом. Но, чтобы добраться до него, следовало пересечь освещенную зону, пробежать между рядами громадин, похожих на спящих доисторических чудовищ.

Он бросился вперед, наступая на собственную тень, которая неслась перед ним, как бы указывая дорогу.

— Кто там? — раздался голос.

Он даже не обернулся, а побежал еще скорее.

— Кто там? — На этот раз голос звучал менее уверенно. — Покажитесь или я подниму тревогу!

Алган на бегу пытался определить, откуда доносится голос. Человек, по-видимому, работал возле одного из кораблей у края световой полосы, которую должен был пересечь Алган. Он, конечно, заметит его, и, если только ему не приказали закрыть глаза на некоторые странности, свидетелем которых он мог стать в порту этой ночью, планам Алгана не суждено сбыться. Он никогда не будет путешествовать среди звезд.

Алган мгновенно принял решение — он покинул освещенную зону и скользнул между двумя звездолетами. Он знал, чем рискует, если попадет в зону луча. Пока ему сопутствовал успех. Секунды тянулись бесконечно, и корабль, который он огибал, казался ему исполинской горой, что было недалеко от истины. Затем, не выходя из тени следующего корабля, он приблизился к освещенной зоне.

Человек был далеко, но Алган ускорил шаг, боясь, что его заметят. Либо охранник, либо техник. Контрольные автоматы знают о его присутствии на эспланаде и не обратят на него внимания. А вот если это охранник, он непременно вооружен и умеет охотиться на людей.

Вдруг Алган заметил преследователя. Вернее, его тень, крохотную среди громад. Сердце Алгана забилося чаще. Он понял, что не доберется до своего корабля незамеченным.

У него оставался единственный, хотя и нежелательный выход.

Он вжался в тень корабля, слившись с металлом. Затем ногтем стукнул по его поверхности. В тишине прозвучала странная нота.

— Кто там? — человек шел прямо на него.

Это был техник. Охранник никогда бы не выдал себя голосом.

Алган отпрыгнул в сторону и снова ударил по металлу. Звук растекался по листам обшивки, сбивая с толку преследователя.

Наконец Алган увидел силуэт, двигавшийся прямо на него. Человека слепил свет, и он не решился поднять тревогу. Алган молниеносно выпрыгнул из тени, его преследователь от неожиданности отпрянул, и это движение погубило его. Это был техник, которого никогда не учили обороняться. Ему и сейчас не пришло в голову поднять тревогу, и он стал защищаться. Алган кулаком левой руки ударил техника в живот, а ребром правой нанес ему сильный удар по затылку. Человек бесшумно рухнул на землю.

Алган оттащил его в тень. Тревога могла подняться в любое мгновение.

Не оглядываясь, Жерг припустил по освещенной дорожке, пересек пустынную зону, поспешно вбежал по пандусу к люку. Уже не опасаясь шума, он пронесся по коридорам корабля и рухнул в пилотское кресло.

Корабль был готов к немедленному старту. Его двигатели тихонько урчали, а на бортовом табло горели сплошные зеленые огоньки.

Алган методично принялся нажимать на клавиши управления. Закрылся люк. Металлические ленты охватили тело Алгана и прижали к креслу.

— Прощай, — прошептал он, бросив последний взгляд на обзорные экраны, и нажал стартовую кнопку.

Мгновение спустя по всему порту вспыхнули огни. Ему показалось, что он слышит зловещий рев сирен. Но тут на него навалилась свинцовая тяжесть, и огни порта исчезли с

экрана.

Он едва мог шевельнуть пальцем, однако нашел силы просунуть руку в карман комбинезона и погладить полированную поверхность доски.

Долгий поиск начался. Пока он имел право поспать. Несколько недель корабль будет вести к цели автопилот.

— Желаю удачного путешествия, — раздался голос Ногаро. Алган вздрогнул. Но голос замолк, и Алган понял, что слышит запись.

— Думаю, все прошло как по маслу. Иначе бы вы не оказались в космосе. Надеюсь, и впредь все будет складываться как надо. Теперь позволю себе дать несколько советов на будущее.

Прежде всего, предупреждаю — не рассчитывайте, что вам удастся обмануть Бетельгейзе. При желании мы отыщем вас в любом конце Галактики. Нам известно ваше враждебное отношение к центральному правительству. И все же если Бетельгейзе, пренебрегая этим, поручила вам выполнение данной миссии, то только потому, что мы уверены в получении нужных сведений даже против вашей воли.

Не считайте мои слова проявлением недоброжелательности. Скорее, наоборот, Бетельгейзе предпочитает подбострастным служакам мятежников.

Не совершайте посадку в космопорте Глании. Вас тут же схватят — всем разослано описание ваших примет как пирата. Иначе мы не могли поступить. В вашей искренности никто не должен сомневаться. Не забывайте о том, что вы работаете на собственный страх и риск. Бетельгейзе официально отречется от всего, что вы сообщите о своих связях с центральным правительством.

Итак, садитесь поблизости от порта и пробирайтесь в город пешком. Ваш корабль с легкостью минует любые пояса дальнего обнаружения. Тем более что наблюдение на вновь освоенных планетах ведется спустя рукава, а мы позаботимся, чтобы в ближайшие месяцы к нему относились еще небрежней. Вступайте в контакт с человеком, о котором вам говорили, но не сообщайте ему, кто вас послал.

В остальном вы свободны в своих действиях. Когда вы вернетесь, мы постараемся доказать вам, что в могуществе Бетельгейзе есть и положительные стороны. И что новый создающийся мир стоит всех прошлых миров.

Мы доверяем вам.

И не забывайте, что я ваш друг. Если понадобится, скажите, что вас послал я. Мое имя немного известно в пространстве. Оно может вам помочь.

До свидания, Алган.

До свидания... Это значило многое. Это предполагало, что Алган вернется из своего полета. Это предполагало, что, несмотря на темпоральные искажения, несмотря на ужасающее удлинение секунд, проведенных в полете со скоростью света, Ногаро будет жив, когда Алган прибудет на Бетельгейзе.

— До свидания, Ногаро, — против воли прошептал Жерг Алган.

Полет походил на долгий путь в темном туннеле, хотя в межзвездном пространстве нет ничего вечного и неизменного. Даже многие века путешествий в пустоте не искоренили в людях рефлексов, приобретенных в незапамятные времена. Поэтому психологические проблемы путешествий в пространстве решались с большими трудностями, чем технические.

Исследователи ответили на вызов звезд. Прежде всего они попытались изменить сущность человека, дать ему новый образ мышления, отучить от страха, убедить в том, что любые искажения времени и пространства суть нормальные явления. Они пытались ввести в его подсознание все данные, которые он мог затем усвоить с помощью сознания. Затем они снабдили человека психологической броней, проводя на нем безопасные, но сбивающие с толку опыты. Тренировка была изнурительной, и все же игра стоила свеч — человек учился

познавать звезды.

Но психологи на этом не остановились. Они знали, что человеку мало приспособиться к окружающим условиям. Они стремились сохранить привычную обстановку родных ему миров. Чтобы уберечь рассудок освоителей Галактики, они превратили тяжелые корабли в машины иллюзий. Они воссоздали внутри кораблей пейзажи планет, их безбрежных лесов и прерий, солнца и звездного неба. Они овладели игрой света и тени. Травы в полях, облака в небе, вздымающиеся на горизонте горы — все было миражом. Но человеку были необходимы эти миражи.

Однако на легких исследовательских кораблях, быстрых и маневренных, такой комфорт, к великому сожалению Алгана, отсутствовал.

Жерг оказался в совершенно безмолвном мире, залитом столь ровным светом, что корабль, казалось, блуждал в густых сумерках. Алган чувствовал, что постепенно теряет свое «я». Его память как бы отвергла время, ему было все труднее вспомнить, когда произошло то или иное событие. Случалось, что обычный жест возвращал его к реальной жизни, и он вновь осознавал себя. Однако реальность оказывалась столь мрачной, что Алган снова прятался в раковину собственного воображения.

Машины взяли на себя всю заботу как о нем, так и о корабле. Они рассчитали оптимальный маршрут.

Время шло медленно.

Бортовые часы отсчитывали дни и недели. «Месяцы и годы на Даркии», — напоминал себе в полусне Алган. Какой он найдет ее по возвращении? Он думал о Бетельгейзе и ее мощи, о десяти планетах пуритан и их подрывной деятельности, о зачатках цивилизаций, рассеянных по Освоенной Галактике, которые росли, развивались и надеялись, что вся Галактика примет именно их уклад жизни, хотя людей там было горстка песка среди моря звезд.

Он размышлял о грядущем, о том, что свершат люди — как они зажгут звезды, передвинут одни миры, создадут другие, высвободят гигантские количества энергии, ему грезилась существа, которых им доведется встретить, галактики, которые заселят люди, пока еще немыслимые дали, в которые уйдет человечество, когда погаснут звезды этой Вселенной; он задумывался и о судьбе покоренных планет, об их прошлом и будущем, о том, чем они стали после появления на них человека, о еще ожидающих человека неведомых планетах, которые одинокими черными алмазами висят во тьме космической ночи; думал он и о людях, которые свершат все это, выполняя свой долг, ведь их предки предсказали будущее, они мечтали покорить Вселенную, еще не достигнув ближайших звезд, и он понял, что прошлые поколения тоже не могли не ощущать распада внутреннего мира, сотканного из воспоминаний и смутных устремлений, когда подчинились силе, которая толкала их вперед к познанию неведомого.

«В чем смысл нашей жизни? — спрашивал он себя. — Наверное, в том, чтобы трудиться, претворяя мечты в действительность».

Жизнь была исполнена смысла, когда требовала тяжелейшего труда. Каждый рывок вперед, каждая новая победа рождали нового человека. А роды всегда тяжки.

Случались долгие периоды отдыха, когда человек переставал двигаться вперед, а иногда терял то, чем владел в предыдущие эпохи, увязнув в трясине удобных привычек, замерев в уютной неподвижности.

Это было давным-давно. Завоевание звезд помогло человеку возродиться. Новые дела не за горами — они будут еще более трудными и мучительными, это будет новым отрицанием прошлого. Нельзя оставаться вечно новорожденным. Человечество не имеет права отказать себе в собственном возрождении.

Человек должен идти вперед, исследуя новый мир, открытый его ощущениям и разуму.

История человека как вида повторялась в каждом индивидууме. Сначала образ мышления младенца, затем медленное обучение логике. Юношеская привязанность к родной планете, затем контакт с пространством, с его искажением времени и разрывом с прошлым.

Некогда человечество мыслило по-младенчески, но, обретя логику мышления, оно по-прежнему не хотело отказываться от условий привычной жизни и чуть ли не святотатством считало эмиграцию на новые миры и к звездам.

И все же постепенно человек превращался в гражданина звезд. Он еще выказывал страх и неуверенность, как взрослое существо, которое впервые, но окончательно покидает родной кров. Человечеству пока не удалось преодолеть внутренних противоречий. Может быть, оно страдало от невроза? Может быть, в младенчестве оно испытало такой шок при контакте с реальностью, что каждый человек стремился предохранить свой внутренний мир от посторонних воздействий?

Человечество почти отучилось от страха перед пространством. Но ему еще следовало преодолеть страх перед временем. Пуритане отчасти решили проблему, отрицая время, лишив его права играть даже самую малую роль в их жизни. Бетельгейзе обошла трудности, опираясь на опыт, накопленный за века многими поколениями.

«Когда-нибудь человек овладеет временем, как некогда овладел пространством, — думал Алган. — Быть может, однажды он пошлет своих эмиссаров в будущее, чтобы проверить, как развиваются планы, осуществление которых началось давно и должно продолжаться несколько веков». То будут эмиссары, согласные покинуть свое родное время, признавшие своей семьей все человечество, его прошлое и будущее и избравшие своей родиной Вселенную.

Так прошли недели полета.

На расстоянии около половины светового года от Глании корабль начал торможение. Солнце Глании было еще пока крохотной световой точкой, затерянной среди звезд этого сектора Галактики. Но оно быстро увеличивалось в размерах. Жерг Алган изучил все данные о Глании, которые имелись в памяти корабля, и сведения о человеке, с которым ему предстояло встретиться.

Глания была единственной планетой в этой системе. Звездные системы с одной планетой очень редки, во всяком случае в исследованной части Галактики. Чаше встречаются либо солнца-одиночки, либо звезды с полной планетной системой. Но по мере приближения к центру Галактики положение менялось — насыщенность пространства звездами увеличивает опасность трагических столкновений.

Корабль самостоятельно вышел на орбиту. Машины так рассчитали траекторию подхода, чтобы наблюдатели на Глании приняли корабль за метеорит. Алган по картам выбрал место посадки — обширную равнину неподалеку от космопорта. Холмистая местность позволит укрыть корабль, а ему самому нескольких дней хватит, чтобы добраться до порта и, если все пройдет гладко, возвратиться и отправиться дальше, к центру Галактики.

Изображение планеты на экранах быстро росло. В этом мире преобладали розовые тона, как на Даркии преобладают зеленые.

Цвет зависел как от растительности, так и от красного солнца, которое властвовало в ночном небе Глании.

Металлические ленты снова охватили тело Алгана. Он во второй раз тронул клавиши, сообщив машинам нужные команды.

Корабль камнем пронизал атмосферу и резко затормозил. Катер предусматривал подобные маневры и был оборудован аппаратурой, которая предохраняла Алгана от действия сверхбыстрого торможения.

Корабль завис в нескольких метрах от поверхности, а затем, словно на ниточке, опустился прямо на розовые кусты и мхи, которые покрывали равнину.

Алган глянул на экраны — равнина простиралась до самого горизонта. Близилась ночь, и белый свет постепенно уступал место красному. Нигде ни малейшего движения. Казалось, на этой планете кроме примитивной растительности нет ничего живого.

Судя по отчетам, так оно и было. Алган встал и открыл люк. Он уложил в рюкзак провизию, медикаменты и шахматную доску, рассовал по карманам необходимые

инструменты.

«Нет, Глания не походит на пустыню, — подумал он, переступая порог люка, — хотя на первый взгляд кажется такой». Все вокруг устилал розовый ковер мхов. Достаточно ли плотен этот ковер для пешего перехода? Космопорт находился в пятидесяти километрах. Для него такое расстояние было пустяковым, но вряд ли стоило уповать на свой охотничий опыт.

Он уже спускался по ступенькам вниз, когда послышался глухой рокот. Сильный порыв ветра заставил Алгана прижаться к кораблю, и ему почудилось, что корабль пошатнулся. Он не сразу понял, что корабль действительно кренится. Его опоры уходили в зыбкую почву. Что делать? Вернуться в пилотскую кабину, включить двигатели и попытаться вырваться из болота? Маневр был опасным, но выполнимым.

Он размышлял слишком долго, так что все решилось само собой. Корабль покачнулся, словно его подхватила волна. Новый порыв ветра отбросил Алгана в сторону. Он упал на мягкий ковер мхов и утонул в нем, как в пуховой перине. Нашупав твердую кочку, он встал на ноги. А корабль тем временем опрокинулся и исчез среди мхов, словно проглоченный невидимой пастью. На мгновение показался и снова ушел вглубь нос.

Алгана охватило отчаяние. Он оказался на этой болотистой планете один, без оружия, без карт, без инструментов, правда, с трехдневным запасом провизии, компасом, старинной шахматной доской и уверенностью в том, что в полусотне километров находится космопорт.

Неужели этого и хотел Ногаро? Или он сам допустил какую-то ошибку?

Отныне все это не имело значения.

Даже не начавшись, миссия Алгана выглядела совершенно невыполнимой.

Идти оказалось легко. Алган без труда шагал по мшистым зарослям, кроваво-красным пол лучами ночного светила. Ветер утих. По-видимому, здесь переход ото дня к ночи и наоборот сопровождался гигантскими перемещениями воздушных масс.

Через несколько километров он ощутил усталость. Воздух был упоительно тих. Выбрав место потверже, Алган улегся на мох и закрыл глаза.

6. ПРОКЛЯТЫЕ МИРЫ

«Пространство, — думал Алган, лежа с закрытыми глазами на мягком розовом мху, — можно представить в виде ткани из материи и света, в которую вплетены нити причин и следствий. И именно потому, что я, Жерг Алган, занял в определенный момент определенное место в пространстве в миг своего рождения, вырос в условиях цивилизации, которая измеряла пространство парсеками, среди людей, различия между которыми были так велики, что они еще не всегда могли понять друг друга, случилось то, что должно было случиться именно со мной, а не с кем другим». Мысль о неотвратимости судьбы была странной, но вывод напрашивался только один — во времени и пространстве существовал узкий ход под именем Алган, по которому он будет идти всю свою жизнь и нигде не сможет свернуть в сторону от собственной судьбы.

Мысль была ошеломляющей. Он еще никогда не формулировал с такой четкостью и силой своих неосознанных стремлений. Нередко у него возникало ощущение той или иной степени свободы, но оно быстро проходило. Сейчас он осознал, что всегда был пешкой на шахматной доске вроде той, что лежала рядом с ним, а те, кто передвигал его с клетки на клетку, сами были пешками на той же безграничной доске пространства и времени, хотя пока еще не осознавали этого. Недаром во время охоты он всегда ощущал неразрывную связь между собой и зверем, на которого шел, — в какой-то момент либо охотник, либо зверь непременно обречен на гибель. Эту связь овеществляло все: леса, тропинки, ветры, запахи, звезды, вся Вселенная, хотя она была едва ощутимой. Животное воспринимало ее инстинктивно, охотник почти осознанно.

Сейчас и охотник, и его жертва оказались в одной шкуре, а полем охоты, шахматной доской, стала вся Вселенная. Клетками доски были планеты, звезды и даже галактики.

Победитель получит ответ на извечный вопрос.

Что такое человек?

Но существовал и другой ответ, входивший в правила игры, которая с незапамятных времен разворачивалась в пространстве.

Есть ли в космосе некто подобный человеку, в котором человек признает равного себе, понимая, что этот некто не есть человек?

На этот вопрос ответить не мог никто — ни философы, смахивающие бородами пыль с древних манускриптов, ни ученые, склонившиеся над микроскопами или следящие за стрелками точнейших приборов. Ответа никто не знал, ибо время ответа не пришло.

Этот момент наступал сейчас. Две громадные армии, или просто население двух муравейников, оказались в непосредственной близости друг к другу, но контакт пока не состоялся. Соприкосновение было неизбежным. И битва могла разгореться, стоило лишь кому-нибудь передвинуть простую пешку не на ту клетку.

Пешка носила имя Жерг Алган.

«А вдруг моя персона и не играет особой роли? Может, в авангарде армий стоит множество пешек или часовых, готовых при встрече либо приветствовать друг друга, либо перегрызть друг другу глотку? Быть может, меня поджидают на этой молодой планете? А жертва и крадущийся за ней охотник столь же напуганные невежды, как и я сам?»

Он вскочил на ноги и отряхнулся. Примятый мох распрямился за ночь. А от ракеты, наверно, остался только легкий розовый шрам. «Что случилось со звездолетом?» Он представил себе, как тот медленно погружается в бездонные глубины, обрывая губчатые корни мхов.

Алган собрал вещи и снова пустился в путь. Ночь казалась красной из-за пурпурного света далекой звезды. Алган без особых усилий пробирался среди густой растительности. Почва под ногами упруго пружинила.

Алган шел почти прямо, изредка сверяясь по компасу. До космопорта оставалось километров тридцать. Сила тяжести на планете была невелика, и он полагал, что часов через десять будет у цели.

Его мышцам и нервам не надо было привыкать к долгим часам ходьбы в одиночестве. Комбинезон надежно защищал его от прохлады. Иногда тишину ночи пронизывал пронзительный крик, но пока он не встретил ни одного живого существа, которому тот мог бы принадлежать, а растительность не проявляла никакой враждебности.

Скорее всего, это кричали какие-то животные вроде тех, что населяли Землю миллиарды лет назад, до появления человека. Карикатурно похожие на тех, в кого впоследствии превратятся в процессе эволюции, такие животные встречались на всех планетах земного типа.

Смысл существования этих животных и растительных миров, которые смахивали на лабораторные культуры, рассеянные в пространстве, ускользал от Жерга Алгана. Может быть, фауна должна была стать разумной через немыслимые времена, или то были результаты неудачных опытов, а может, игра велась на столь обширной доске, что правила оставались неизвестными человеку.

Снова поднялся ветер, и под его ласковым дыханием зашуршали растения. Ветер как бы включился в игру — он то мешал ему идти, то подталкивал вперед, то отдалял, то приближал встречу, которая могла стать решающей в его судьбе.

Ветер толкнул Алгана в спину и вдруг подхватил его и поднял в воздух, словно паука на паутинке. Он оказался высоко над пурпурной равниной. Ветер ревел в ушах и увлекал в плотные слои воздуха.

подавив страх, он поплыл в ледяном воздухе. И вдруг рухнул вниз.

Пурпурную равнину надвое рассекал глубокий разлом. Алган видел отвесные обрывистые стены ущелья.

Он сумел замедлить падение и приземлился на мягкую моховую подушку в нескольких

метрах от бездны. Город лежал по ту сторону пропасти.

Алган уселся на краю обрыва и глянул в небо. Красная звезда сияла на небосводе, затмевая остальные светила, которыми, казалось, было вымощено ночное небо. Чувствовалась близость к центру Галактики, и звезд здесь было столько, что ночь отличалась от дня только окраской света.

Что дальше? Пропась была для него столь же непреодолимым препятствием, как река для муравья. Добравшись до края клетки, он увидел, что соседняя клетка недостижима. Путь был проделан зря.

Он склонился над краем пропасти и увидел далеко внизу деревья, которые играли листвою в плотном воздухе, как водоросли в сильном морском течении. Он осмотрел противоположную сторону обрыва, серебристую в лучах пурпурной звезды, и заметил между отвесными стенами циклопические колонны, похожие на остатки храма, с которого сорвало крышу. Их окружали заросли фиолетовой растительности.

Ветер стих. Неожиданное исчезновение ветра привлекло его внимание. В ущелье существовало что-то более сильное, чем ветер, или создавался противоток, который уравнивал силу ветра, увлекшего его за собой. Алган вспомнил, что его падение началось, когда он подлетел к краю расщелины. Он еще раз склонился над пропастью и ощутил на лице легкое дыхание. Он ощупал холодный камень отвесной стены и ему показалось, что его пальцы окунулись в жидкость. И тут он понял.

Края пропасти были лишены растительности, а деревья внизу казались водорослями потому, что имели такое же строение и находились в таких же условиях, как земные водоросли. Гигантский разлом был рекой. Но на этой планете река была из газа, за многие века пробившего себе ложе в кристаллической породе.

Это была река из газа более плотного, чем воздух, газа, возможно, ядовитого, но по нему можно было плыть, используя течение. Он оторвал кусок мха и бросил его вниз, в невидимое течение. Мох медленно, дергаясь, как на ниточке, пошел к далекому красному дну.

Алган проверил свое снаряжение, подтянул лямки рюкзака и соскользнул с обрыва, держась за край. Ему показалось, что он погрузился в теплую жидкость. Он отпустил руки, и течение подхватило его. В легкие ворвался густой липкий воздух, ему стало нечем дышать, он отчаянно замахал руками, вынырнул на поверхность и жадно глотнул воздух. Поток довольно быстро нес его вперед. Ему, очевидно, помогло удержаться поверхностное натяжение. Но он был столь же беспомощен, как унесенный рекой муравей.

Он посмотрел вниз и увидел где-то в километре под собой колышущиеся в красном тумане водоросли. Вдруг послышалось шипение, быстро перешедшее в рев. Алган понял, что попал в газоворот. Но нырнуть и отплыть прочь от этого мальстрема он не успел. В глазах потемнело, и он потерял сознание.

Алган почувствовал, что ударился головой о что-то твердое, рука непроизвольно ухватила за веревку. Он подтянулся, и в легкие хлынул воздух. В висках стучало. Он слышал крики. Какая-то огромная тень загораживала вид на дальний откос. Затем он различил слова. Послышался топот босых ног по палубе, на него обрушилась сеть, он понял, что его тянут вверх. Вот его опустили на твердую поверхность. Чьи-то руки ощупали тело. Он хотел что-то сказать, открыл глаза — прямо над ним висела кровавая звезда. Она беззвучно рассмеялась, и Алгана окружили тьма и безмолвие.

Когда настал день, буря, разыгравшаяся ночью над поверхностью газовой реки, утихла. Жерг Алган нервно мерял шагами палубу. Примитивный плот из губчатой розовой древесины имел в длину около ста метров, и Алган понимал почему. Разница в плотности древесины и газа была столь мала, что для переноса малой массы требовалось большое газоизмещение. Управление плотом обеспечивалось громадными парусами, которые опускались в газовый поток и служили рулями или веслами. На корме торчала мачта, где в

корзине постоянно сидел наблюдатель.

Постройка такого плота не требовала ни особых строительных навыков, ни больших затрат, а потому его попросту бросали в конечном пункте путешествия — ведь он двигался только по течению.

Матросы отличались темной кожей, видно, здесь, вблизи от Центра Галактики, радиация была велика. Они не обращали внимания на пассажира и говорили между собой на неизвестном Алгану наречии. Их слонялось по палубе около десятка, но из трюма доносились смех и выкрики, и Алган решил, что это либо охотники, либо добытчики, возвращавшиеся по окончании сезона в космопорт, чтобы продать свой скудный товар.

Возможно, их далекие предки когда-то попали сюда случайно на потерпевшем аварию корабле, а возможно, с умыслом были оставлены на планете в надежде, что здесь разовьется самобытная цивилизация. Несмотря на примитивный образ жизни, они сохранили манеры цивилизованных людей. В их головах, наверное, царил сумбур: обрывки знаний о прошлом предков мешались с представлениями галактического бытия, но они не выглядели несчастными. Планета была по-своему гостеприимной, а жизнь ее обитателей протекала просто и незамысловато, как в незапамятные времена на тихоокеанских островах Земли, родины всего человечества. «Тихим океаном» цивилизации, контролируемой Бетельгейзе, было пространство, а зачарованные острова и проклятые миры кружились в черной пустоте вокруг бесчисленных солнц.

«Впрочем, эта аналогия не имеет смысла», — решил Алган. Он лежал на носу судна, поглаживая рукой шахматную доску с тончайшими гравюрами, символизирующими Вселенную.

Аналогия в самом деле не имела смысла — ведь цивилизация на Тихом океане была делом случая и истории, а галактическую цивилизацию создал человек. Людей сознательно оставляли на отдаленных планетах, чтобы свернуть историю с проторенного пути. Эту холодную концепцию освоения Вселенной разработала Бетельгейзе... Бетельгейзе не остановилась на том, что подарила человеку пространство, она пыталась строить будущее человечества по своим планам.

Холодный гнев снова охватил Алгана. Рука лежавшая на полированной поверхности доски, дрогнула. Давняя ненависть человека прошлого к Бетельгейзе проснулась в нем. Однако теперь эта ненависть обрела новый смысл. Он понимал, что является пешкой в какой-то космической игре, но теперь решил перейти на сторону противника, ведь Бетельгейзе была не просто противником в игре, а врагом.

Наблюдатель издал протяжный крик, и Алган приподнялся, опасаясь засады. Но увидел, что судно приблизилось к запруде из древесных стволов, которая перегородила газовую реку. Справа, посреди пурпурно-красной равнины, высились белые строения космопорта.

Люди высыпали на палубу и засуетились вокруг тяжелых рулей, подбадривая себя протяжными криками, перекрывавшими скрип балок. Плот замедлил бег и, упершись носом в канаты, застыл посреди реки. Глубина под ним по-прежнему была не менее километра.

К бортам привязали канаты, и невидимые бурлаки потащили плот к берегу. Он пристал к серебристому обрыву прямо под стенами космопорта, к которому вела извилистая тропа, пробитая тысячами ног.

Белое словно мел лицо, изборожденное тысячами морщин, медленно повернулось в сторону Алгана. Старик комочком сжался в стальном кресле, похоже попавшем сюда с потерпевшего аварию звездолета. Взглядом полуприкрытых глаз он обвел грязный дворик, розовую лагуну и две колючие изгороди из кактусов — их зелень резко контрастировала с красно-фиолетовой растительностью планеты.

Над двориком высился космопорт, устремленный к звездам, словно необычный часовой. Кое-где среди растительности торчали каркасы старых звездолетов. Очертания их

ободренных корпусов напоминали о ранних годах освоения пространства.

Тонкие сухие губы старика дрогнули. Затем послышалась глухая нечленораздельная речь. Алган ничего не понял. Наконец, медленно, будто это стоило ему невероятных трудов, старик произнес слова, понятные Алгану.

— Это было давно, — прошамкал старик, — очень давно.

Он шевельнулся, его правая рука поднялась с колен и потянулась к Алгану. В дневном свете она казалась почти синей, кожа на ней была такой истонченной, что можно было различить каждую вену, каждую косточку, каждое сухожилие.

— Я забыл слова, — пробормотал старик. — Я так давно не говорил на этом языке. Здесь живут сущие дети, и с ними надо говорить языком детей...

— Я прибыл издалека, — тихо произнес Алган, боясь, как бы этот призрак от звука его голоса не рассыпался в прах.

— Откуда? — спросил старик.

Он наклонился вперед. Его желтые остекленевшие глаза словно впервые увидели посетителя.

— Какая разница, — громко ответил Алган.

Он сделал шаг вперед и остановился посреди грязного двора. Потом поправил лямки рюкзака, в котором хранилось все его достояние, и оглядел хижину.

— Я знал времена, — проговорил старик, — когда Бетельгейзе была отдаленной колонией, но она уже начинала набирать силу. Мы были пилотами. Отменными пилотами. Мы неслись от одного мира к другому, нас пьянила радость побед, и мы не знали усталости. Нам нужна была постоянная смена впечатлений. Потому мы и живы до сих пор. Мы не играли первых ролей. Их играли те, кто оставался на открытых нами планетах. Они умирали, но были правителями, торговцами, техниками. Мы же так и оставались отчаянными головами, прыгающими из мира в мир. Потому мы и живы. Мы видели, как стареют другие. Прилетая на планету, мы встречали сыновей наших друзей и снова пускались в путь, а годы летели...

Он заморгал, и его руки легли на подлокотники кресла.

— Кто ты такой, малыш? — спросил он. — Я никогда не видел тебя здесь. Ты прибыл из космоса? Я сразу подумал об этом. Ты не говоришь на местном наречии, а я почти позабыл добрый старый язык пилотов.

— Меня зовут Алган. Жерг Алган. На Эльсиноре я узнал, что могу получить от вас кое-какие интересующие меня сведения.

Ледяной тон собственного голоса удивил Алгана. Он чувствовал, что внутри растет какое-то новое существо, холодная пронизательность которого даже пугала его. Он сбросил на землю рюкзак, развязал его, извлек шахматную доску и сунул ее под нос старику. Алган склонился к самому лицу старого пилота, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Старик хрипло расхохотался, и по спине Алгана пробежал холодок.

— Они не захотели мне поверить! Они не захотели мне поверить и отправили гнить на эту чертову планету, а теперь разыскивают меня, потому что напуганы, потому что один за одним открывают проклятые миры! То была отменная экспедиция! Ее вел молодой капитан, и он командовал новенькими кораблями. И что от всего осталось? Старый дурак на треклятой планетенке.

Он поднял голову и сурово поглядел на Алгана. В его глазах горел холодный огонь. Его взгляд выковали десятки солнц и непроглядный мрак космического пространства.

— Кто вы такой? — блеющим голосом произнес старик. — И почему вы держите в руках эту доску? За всю свою долгую жизнь я видел только три такие доски. В первый раз это была доска, которая принадлежит вам или как две капли похожая на нее; и дважды я видел ее изображение на черных стенах цитаделей. Кто вы такой? Уходите отсюда и оставьте меня в покое. Всю жизнь я бежал от этих воспоминаний. Или вы один из них? Вы явились за моей душой, чтобы поглотить ее, как вы живьем поглотили моих братьев?

— Я пытаюсь понять, — ответил Алган. — Я лечу с Эльсинора, где мне в руки попала

эта доска. Я ищу оружие, которое позволило бы опрокинуть Бетельгейзе. Попытайся я сесть в порту, мой корабль уничтожили бы. Поэтому я сел на равнину, а сюда добирался пешком. Меня спасли люди, которые, я уверен, не проговорятся. А если и проговорятся, им никто не поверит. Я доверяюсь вам. Вы можете позвать стражу, и меня арестуют, но, прошу вас, прежде выслушайте меня.

— Что же, — проговорил старик, растягивая слова. — Попробую вам поверить. Мне тоже пришлось скрываться. Я постараюсь помочь вам. Правда, я немного могу. Вы пересекли пространство, как и я, этого вполне достаточно. Что вас интересует?

— Я хочу знать, что случилось с вами после гибели вашей последней экспедиции, как вам удалось вернуться, что вы сообщили Бетельгейзе и что рассказали пуританам. Именно они сообщили мне, что вы единственный человек, который может мне помочь, и где вы живете.

— Они знают все, — заговорил старик. — Они знали все еще тогда, когда я путешествовал среди звезд. Это было полсотни, нет, шестьдесят лет назад. Если вы явились от них, ничего нового вы не узнаете. Однако раз вы владеете шахматной доской, могу вам рассказать одну историю.

Жерг Алган слушал старика, стоя во дворе, окруженном двумя рядами зеленых кактусов, которые случай принес на эту планету. Он слушал, поглаживая рукой полированную шахматную доску. В свете красного солнца ее темно-вишневые клетки постепенно розовели. По словам старика, доску изготовили необычайно давно, сделала ее раса, которая была намного древнее человеческой.

— Мы летели к Центру Галактики. Вы знаете, что она по форме напоминает колесо. Люди всегда стремились достичь ее геометрического центра, места, где искажения времени и пространства проявляются с наибольшей силой, где плотность звезд так высока, что небосвод кажется сплошным золотым куполом. У нас было пятнадцать новеньких кораблей, молодой капитан, ученые, техники. Каждый чувствовал себя героем. Мы были молоды, имели некоторый опыт и знали, что большинство миров, открытых человеком, враждебно и негостеприимно. Поэтому старались быть осторожными.

После года полета мы приблизились к центру Галактики и вдруг оказались в районе, совершенно не похожем на все виденное до сих пор. Приборы безбожно ввали. Мы рассчитывали одно, приборы показывали другое. Наши ученые дали названия всем этим явлениям, они считали, что нет поводов для беспокойства. Они рассчитали характеристики нового пространства, и вскоре мы забыли о всех страхах. Мы были готовы к встрече с необычным. Однако следовало быть настороже. Мы вышли за границы освоенного района и оказались ближе к Центру Галактики, чем какая-либо экспедиция до нас. Несколько световых лет мы летели через зону мертвых звезд и солнц, лишенных планет. Ни один из астрономов не мог объяснить, как возникло такое образование, но и это не беспокоило нас. Мы забыли о всякой осторожности...

Наконец, мы наткнулись на звезду с планетной системой. Ну, обследовали планеты. На шестой от солнца обнаружили черную цитадель. Нет, ее тайны не раскрыл никто. Мы заметили ее, как только вышли на орбиту, — уж очень огромной она была. Ринувшись вниз, мы сели среди джунглей. Радио молчало. Цитадель выглядела покинутой. Мы опустились на порядочном расстоянии от нее и отправились на разведку пешком. Планета относилась к земному типу, но сила тяжести на ней была выше, и каждый шаг давался с трудом. Мы буквально продирались сквозь влажные густые джунгли, а на горизонте вырастали невероятные стены цитадели.

Вокруг царил тишина. Тысяче-, если не миллионнолетиями ничто не нарушало ее. Тишина действовала угнетающе. Мы вздрагивали от хруста каждой веточки, хватаясь за оружие. Высоченные стены заслонили половину неба, тень от них была гуще ночи. Мы решились подойти к самому подножью этих ониксовых отвесных стен. Наклоненные наружу, они нависли над головой, и казалось, вот-вот упадут и раздавят нас. И тут на высоте примерно в три человеческих роста я заметил изображение вот этой самой доски, будто

вырезанное на полированной глади стены резцом какого-то великана.

— Ну, и экспедиция исчезла? — перебил старика Алган. Он придвинул чурбан из розового дерева и уселся на него. По мере приближения ночи стены космопорта медленно наливались пламенем от всходявшей красной звезды.

— Нет, — ответил старик. — Не в этот раз. В тот день мы вернулись на корабли, и начался горячий спор. Матросы считали, что надо поскорее сматывать удочки. Они издавна понаслышались легенд, хотя прежде не очень в них верили. Ученые, особенно один историк, буквально помешались, боясь, что им не дадут изучить невероятную находку. В конце концов матросы взяли верх — их поддержал капитан. Мы покинули эту черную восьмиугольную цитадель, превосходившую по высоте любые мыслимые горы, и отправились дальше, рассчитывая вернуться сюда после разведки всего сектора.

Не прошло и месяца, как мы сели на мертвую планету. Это был один из тех миров безмолвия и пустоты, которые тысячелетиями бороздят космос, наводя непонятный ужас на звездоплавателей, хотя любой радар легко определял положение таких бродячих призраков, позволяя вовремя разминуться с ними. Мы сели потому, что заметили с орбиты еще одну черную цитадель.

Мы опьянели от радости. Человек впервые наткнулся на следы разумной жизни, нас согревала надежда встречи с иной цивилизацией, цивилизацией межзвездной. Всякие сомнения отпали. Различные, не знающие друг друга расы не могли воздвигнуть идентичные постройки, размеры которых бросали вызов всем известным законам Вселенной.

Посадка была поспешной. Мы разбили лагерь. Извлекли из трюмов вездеходы. Здесь не надо было бороться с джунглями. Работать было легче, хотя планета уже давно лишилась атмосферы. Я объехал цитадель кругом. Шахматная доска с шестьюдесятью четырьмя клетками повторялась в нескольких местах. Кто вырезал эти рисунки? Ведь наши инструменты скользили по стенам, не оставляя на них ни малейшей царапины.

Что это было — символ или замочная скважина? Всех волновал этот вопрос, и воображение работало на славу. Мы прочесали библиотеки и отыскивали все, что относилось к шахматам. Мы узнали, что эта игра была известна всем человеческим цивилизациям. Иногда шахматы становились предметом культа. Они очень точно сочетались с некоторыми особенностями человеческого мышления.

Быть может, за этими высоченными стенами хранилась тайна происхождения человека и жизни?

На двадцать пятый день нашего пребывания на планете и после пятнадцати месяцев нашего путешествия в космосе ворота цитадели распахнулись. Они открыли мир света и каких-то немыслимых переплетений. Несколько человек вошли внутрь. Они вернулись, потрясенные величием и загадочностью его лабиринтов.

И здесь мы совершили ошибку. Мы решили исследовать цитадель всем составом экспедиции. Ученые требовали именно такого решения, а матросы забыли об опасности. И только меня оставили снаружи, у врат цитадели, чтобы принимать сообщения исследователей. Прошли часы. Я подремывал в скафандре, как вдруг заметил, что черные наклонные створки стали бесшумно сходиться. Громадные плиты со знаками шахматной доски закрыли вход, который несколько суток зиял в неизвестность. Призывы в моих наушниках слабели, а затем совсем прекратились. Я прыгнул в кабину ближайшего вездехода и на полном ходу понесся к лагерю и ракетам. И тут сверкнула молния. Оказалось, что осветив планету до самого горизонта, взорвались наши ракеты. Остановив вездеход, я выпрыгнул из него и со всех ног бросился прочь. Не пробежал я и сотни метров, как меня швырнуло на землю — на месте вездехода дымила воронка.

— Что произошло потом? — спросил Алган.

— Почти ничего, — ответил старик. Голос его зазвенел, полузабытые слова все легче слетали с уст. Взгляд стал спокойным. Исчезла горькая ирония. — Почти ничего, — повторил старик. — Через пять суток меня ждала неминуемая смерть — таков был запас воздуха в скафандре. Провизии хватило бы на несколько недель. Затем с неба явились люди

и спасли меня.

Они прилетели не с Бетельгейзе и ни из какого другого известного мира. Их звездолеты были менее совершенными, чем наши. Они не понимали моей речи, а я не знал ни слова из их языка.

7. ПО ТУ СТОРОНУ ГАЛАКТИКИ

— Люди? — переспросил Жерг Алган.

— Люди, — повторил старик, махнув иссохшей рукой. — Можете верить или нет, считать меня безумцем, как те с Бетельгейзе, которые сослали меня сюда, или выслушать, не перебивая, как сделали торговцы с Эльсинора, которые, кстати, заплатили мне всего четверть обещанной суммы. Да, меня спасли люди. Они немного отличались от нас. Они пониже ростом, быстры и грациозны в движениях, у них маленькие заостренные уши и очень бледная кожа. Язык их столь сложен, что я так и не разобрался в нем. А знаете, как мне удалось наладить с ними общение? Никогда не догадаетесь, все очень просто. Играя в шахматы! Только и всего. Король, ферзь, пешки могут называться по-иному и иметь иные формы, но ходят они везде одинаково, и возможности комбинаций на шестидесяти четырех клетках столь же неисчерпаемы, как и Вселенная.

— Откуда они прибыли? — осведомился Алган. Его сердце учащенно билось, а голос охрип. Он вдруг ощутил усталость, но продолжал внимательно слушать.

— С другого конца Галактики! — бесстрастно произнес старик. Он успокоился, руки его вновь легли на колени. — Думаю, вы мне не поверите, — продолжал он, — сочтете меня сумасшедшим, мифоманом, ведь я уже двадцать лет в ссылке. Я не могу предъявить доказательств. Но вы явились, чтобы услышать историю моих странствий? Располагайте ею как хотите.

— Я верю вам, — прошептал Алган, ощущая на затылке легкое дыхание ветра. Над космопортом взошли три розовые луны. В прошлую ночь он их не заметил. Потом понял, что видит на низких тучах световые пятна от лучей мощных прожекторов.

Ему ничего не оставалось, как принять рассказ старика, довериться его воспоминаниям — ведь тот был единственным очевидцем невероятных событий. «На самом деле в его истории нет ничего невероятного, — подумал Алган, — звездолеты, несущиеся со скоростью света, отодвинули границы возможного. Мир как-то сразу раздался во все стороны, человеческий опыт оказался слишком скудным, и все, что выходит за его рамки, кажется чудесами и фантастикой». В человеческой истории подобное случалось — так было, когда на Земле европейские мореплаватели открыли новые материки, и сомнение уступило место вере. Потом земли освоили, и люди забыли о недавнем опьянении новым. А в космосе сколько бы люди ни открывали миров, еще больше их оставалось неоткрытыми. Люди забыли, что границ познания не существует. Они могли освоить любую планету, если только ее не заняли другие.

— Меня мало волнует, поверите вы или нет, — сказал старик, и голос его вдруг стал старчески пронзительным. — То были люди, как и мы, и прибыли они с противоположного конца Галактики. Их раса появилась в условиях, сходных с земными, и мне не надо было пересказывать историю их рода. Я вдруг сообразил, что знаю ее. Это была история рода человеческого. Конечно, с некоторыми отклонениями. Природа отнеслась к ним с большей снисходительностью, чем к нам. Они прошли более долгий путь развития. Но он был не столь извилистым. Они совершили меньше ошибок, хотя их тоже было предостаточно. Их язык совсем не похож на наш, он более гибок и одновременно сложнее любого человеческого языка. У них иной звуковой аппарат — я не мог повторить многие из звуков их языка, а наши фонемы оказались непроезжими для них. Но языковые различия не могут быть барьером между людьми. В Освоенной Галактике существуют и существовали разные языки, однако люди есть люди. И пришельцы тоже были людьми.

— Случайность, — выдохнул Алган. — Галактика так обширна.

— Может быть, — тихо откликнулся старик, — может быть. Я никогда не понимал, что такое случайность. И не верю в случайность одновременного развития нескольких человеческих рас в различных точках Галактики, равно как и в случайность их встречи именно в тот момент, когда они научились звездоплаванью. У меня есть веские доводы. Подождите немного. У меня пересохло в глотке. Принесите из хижины металлический кувшин и пару стаканов — вы найдете их на полке над дверью.

Алган встал, положил шахматную доску на чурбан, служивший ему сиденьем, и пересек двор, шлепая по лужам, которые казались кровавыми в свете пурпурной звезды. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти в низкую дверь, и некоторое время его глаза привыкали к розовому полумраку хижины. Весь пол, кроме двух дорожек, от двери до кровати и от кровати до стола, был покрыт толстым слоем розовой пыли, свидетелем неумолимого бега времени.

Но годы, проведенные здесь старым пилотом, были пустяком в сравнении с годами, прожитыми в космосе и наполнившими память старика неизбывными воспоминаниями. Он родился во времена столь далеких предков Алгана, что их имен не сохранилось ни в древнейших запыленных архивах, ни на кладбищенских плитах древнего Дарка. Он очень долго путешествовал среди звезд, и нить его жизни необычайно растянулась. Старик был своего рода ископаемым, заброшенным течениями космоса на эту бедную отдаленную планету. Он обманул время, но время все же отметило ему.

И отметило по-своему: оно не давало забыть о себе — покрыло толстым слоем розовой пыли пол и мебель, кристалл, найденный в неизвестных горах, череп редчайшего животного, древнее ружье с ремнем из ломкой кожи, висевшее на гвозде.

Алган нашел металлический кувшин и два стакана.

— Спасибо, — поблагодарил старик. — Мне стало трудно двигаться. Пару лет назад я еще сражался со здешним лесом, но теперь с работой покончено. Всему приходит конец.

Алган пригубил напиток — он был тягучим и сладким.

— Если говорить точнее, они прибыли не с противоположного конца Галактики, но место их рождения столь отдаленно, что мы не видим их звезды — она растворена в тумане мириадом солнц. Их экспедиция удалилась от своей базы еще дальше, чем мы. Я уже говорил, что их звездолеты были не столь совершенны и быстры, как наши. Но продолжительность полета не играла для них той роли, какую играла для нас. Их мало волновало, проведут они жизнь в звездолета или на родной планете. Их рассуждения были сходны с рассуждениями людей Бетельгейзе, они мыслили в терминах бесконечности времени и пространства. Но это не суть важно.

Вам известно, что картографы искусственно разделили Галактику на четыре четверти и триста секторов. Освоенная Галактика занимает первые четыре сектора. Их звездная система располагается в двенадцатом секторе, если считать от Земли, и на расстоянии вдвое меньшем от Центра Галактики, чем Солнечная система.

Встреча со мной не вызвала у них особого удивления. Казалось, они предвидели ее. Они, по-видимому, знали, что в самых отдаленных секторах Галактики существуют иные человечества, что цивилизации разделены безднами пространства. Вот они и исследуют его, идут друг другу навстречу, образуя по периферии Галактики единую цепь цивилизаций. После долгого путешествия они оставили меня на одной из освоенных человеком планет. Дальше я возвращался обходными путями. Я хотел продать пуританам то, что знал, но обо мне прослышали люди Бетельгейзе. Когда я рассказал им все, что вы только что услышали, они начали издеваться надо мной и отправили в ссылку на эту планету.

— Все это очень интересно, — сказал Алган. — Но у вас в самом деле нет ни малейших доказательств.

Его голос дрожал от нервного напряжения.

— Ни малейших доказательств? — переспросил Старик. — А то, что я жив? Чего вам надо еще?

— Почему ваши спасители не вступили в контакт с нами? Почему не полетели на

Бетельгейзе? Ведь они достигли границ наших владений.

— Они не стремились к контакту. Наверно, считали, что преждевременный контакт принесет больше вреда, чем пользы. Я не знаю их планов, но они, похоже, не спешили.

— Это все? — спросил Алган.

— Почти все. Кое-что на десерт. У них имелись шахматы — та же доска из шестидесяти четырех клеток — и, наконец, столь редкий в наших краях зотл. Они получали напиток из того же твердого корня, растущего глубоко в почве. Однако зотл не произрастал на их родной планете, как его не было в свое время и на Земле. Они, как и мы, наткнулись на зотл, исследуя иные миры. Я уверен, что в пространстве существуют три связанные между собой вещи — шахматная доска, которую создали задолго до человека, сам человек, а также зотл, открытый на определенной стадии развития человечества. Как связаны эти три вещи — тайна. Ее-то вам и предстоит разгадать.

Старик поднял глаза к небу и посмотрел на красную звезду. Его сухие губы подергивались, а лежащие на коленях руки дрожали. Ночь унесла последнее дуновение ветра. Старик встал, опираясь на палку.

— Пошли перекусим, — сказал он, — и отдохнем.

Алган вслушивался в медленное неровное дыхание старика. Он лежал, завернувшись в покрывало, положив под голову рюкзак, и ждал, когда придет сон. Но сон не приходил.

Алган не отрывал взгляда от залитого красноватым светом потолка. Нервы его были напряжены. Тишину ночи нарушали только поскрипывание дерева и дыхание старика.

Алган размышлял.

Может, то, что он услышал, всего лишь легенды, вымысел?

Но ведь существовало пространство с мириадами миров и возможностей. Оно каждодневно задавало сотни вопросов, которые никто не мог разрешить... А кроме того, последнее время люди жили словно в ожидании встречи с иной разумной расой. Гуманоидной или нет — неважно, но именно иной, которая не была бы следствием мутации некоей ветви человечества, вроде жителей Аро с их глазами без зрачков.

Существовал Ногаро с его любознательностью, существовали пуритане Эльсинора и их десяти планет, существовали люди Бетельгейзе с их тайным интересом к почти сказочным историям, которые поведали первопроходцы. Существовала убежденность Ногаро и торговца с Эльсинора в том, что недостижимые глубины пространства скрывают тайны бытия.

И еще существовала шахматная доска.

А Жергу Алгану с его ограниченными знаниями предстояло принести ответы на мучившие всех этих людей вопросы. Информации было мало — сведения о двух или трех погибших экспедициях, странные видения после глотка зотла, неведомые черные цитадели, в которые верили пуритане и которые были, похоже, известны людям Бетельгейзе.

Могло быть так, что ответ на все вопросы находится на Бетельгейзе. Он мог храниться в памяти гигантских машин, в архивах, в отчетах. А Жерг Алган всего лишь пешка, предназначенная для того, чтобы направить пуритан Эльсинора по ложному следу.

Но существовала шахматная доска.

И ее шестьдесят четыре клетки — черный ящике двойным входом и математически безграничным количеством комбинаций, разрисованный странными фигурами.

«А если это символ? Символ Вселенной? — спрашивал себя Алган, глядя на красный квадрат окна. Спина его ощущала неровности пола. — А если это ключ, некое подобие плана или дверь к тайне черных цитаделей, дающая право на владение ими тому, кто соберет разрозненные куски мозаики в одно целое?»

Он сунул руку под голову и, пошарив в мешке, достал доску. Пальцы, казалось, сами тянулись погладить ее полированную поверхность. Да, шахматная доска могла служить ключом, и он ждал того человека, который воспользуется им. Может, в пространстве рассеяно столько же черных цитаделей, сколько рисинок пообещал дать некий раджа

изобретателю шахмат — одну рисинку за первую клетку, две за вторую, четыре за третью и так далее, и оказалось, что вся земля не в состоянии родить столь несметного количества риса.

А может, доска была моделью пространства, и ходы фигур наглядно изображали некоторые наиболее удобные траектории перемещения? Шахматная игра готовила человеческий мозг к решению некоторых топологических задач, а разыгранная партия соответствовала решению определенных проблем, исходными данными которых были точные пространственные координаты.

Проблемы шахматной игры были проблемами геометрическими, пространственными, топологическими. Играя, следовало выбирать сложные маршруты и избегать губительного влияния отдельных фигур, находящихся в тех или иных точках пространства.

Например, в центре доски.

«Из чего сделана эта доска — из дерева?» — спросил он сам себя, поглаживая пальцами ровную полированную поверхность и не ощущая ни малейшего зазора между клетками.

В первый момент он решил, что доска изготовлена из разных пород дерева. Но почему именно из дерева? Просто такие доски почти всегда делались из дерева.

Теперь его одолело сомнение — могло ли дерево так хорошо сохраниться.

А может, доска была грубой подделкой, ловушкой?

Он отбросил эту мысль. И пуритане, и люди Бетельгейзе обладали достаточным арсеналом средств, чтобы точно установить возраст любой вещи, и вряд ли их удалось бы обмануть. А зачем обманывать его, Жерга Алгана, человека с древней планеты, одинокого волка, бунтаря, заблудившегося на окраинах Освоенной Галактики!

А зотл? Зотл и шахматная доска.

Зотл, странный, абсолютно безвредный напиток, который подготавливал мозг и нервную систему человека к восприятию непонятных образов.

«Ирреальные видения, опасные для психики», — заявляли психологи. «Как сказать, — возражали математики и физики, — миры, доступ к которым открывает зотл, построены по законам логики и не похожи на бред, они столь же логичны, как и сама Вселенная».

«Бред, — упорствовали психологи, — неожиданные связи между нервными окончаниями. Вы видите то, что должны слышать, воспринятое слуховым нервом замыкается на оптический нерв».

Нейрологи пожимали плечами.

Шахматная доска и зотл.

Зотл тоже был дверью в неведомые миры. А шахматная доска — пропуском, планом, который позволял ориентироваться во Вселенной и посещать иные, непонятные, но вполне реальные миры.

Зотл и шахматная доска.

Они взаимно дополняли друг друга, как ключ и замочная скважина, если найдется человеческая рука, чтобы вставить ключ в скважину и толкнуть незапертую дверь.

Когда же дверь откроется, человек должен не только заглянуть в соседнюю комнату, но и смело переступить порог.

Смело переступить порог.

Шахматная доска и Жерг Алган.

Он вскочил на ноги и потряс старика за плечи.

— Проснитесь, — крикнул он, склонившись к морщинистому серому лицу.

— Что случилось? — пробормотал старик, испуганно приподымаясь.

— Вставайте. Я все вам объясню. Мне нужна ваша помощь.

Старик натянул старый потертый комбинезон.

— Солнце еще не взошло, — его сухие губы едва шевелились.

— Неважно, — сказал Алган. — У меня нет времени ждать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил старик.

— Я долго размышлял над вашими словами. Мне нужен зотл. У вас он есть?

— Нет. Откуда?

— Кто на этой планете может иметь зотл?

— Не знаю. Здесь зотл не произрастает.

Старик толкнул дверь, и Они вышли из лачуги. Ночной свет волшебным образом преобразил грязный двор. Джунгли вокруг казались столбами пламени, а дом — холодным костром. Над ним в пурпуре ночи ледовым монолитом высилась громада космопорта.

— Погодите, — сказал старик. — Зотл наверняка есть у коменданта порта. Только не знаю, как вы сможете убедить этого человека дать вам его. Чем будете платить? Во всяком случае, скажите, что пришли от меня.

— Непременно, — пробормотал Жерг Алган. — Я сейчас же иду к нему.

— Еще очень рано. Подождите немного.

— Космопорт не ведает покоя ни днем ни ночью, — возразил Алган. — Я слишком долго ждал. Комендант должен запомнить мое посещение. Прощайте.

— Удачи вам, — пожелал старик, но голос его был полон сомнения. Он долго смотрел вслед Алгану, который, поправив рюкзак на спине, двинулся вверх по крутой тропинке, единственной улочке поселка, петлявшей среди жалких строений. Затем зевнул и отправился спать.

Комендант умышленно повернулся спиной к Алгану. Восходящее солнце высвечивало черные контуры антенн, казавшихся на фоне пурпурного неба ветвями странных геометрически правильных деревьев.

Комендант был невысок и темноволос. С годами он немного располнел, что несомненно испортило его характер. Он с тоской взирал на пустой порт и пустое небо в тщетной надежде разглядеть корабль с посланцем Бетельгейзе на борту.

Время на Глании нередко тянулось слишком долго.

— Вы по делу? — недовольно спросил комендант. — Валяйте. Я вас слушаю.

— Вас даже не интересует, кто я? — удивился Алган.

— А какое это имеет значение? Слушаю вас!

Он нервно шевелил пальцами заложенных за спину рук. Первый солнечный луч вырвался из-за горизонта, и цвет неба стал меняться. Каждое утро и каждый вечер небо Глании становилось полем битвы между красной звездой и белым солнцем. Поутру белое солнце, словно громадный паук, плело свою серебристую паутину до самого горизонта, и красная звезда, запутавшись в этих сетях, бледнела и убегала вдаль.

Вечером все было наоборот. На Глании уже сложились свои легенды об этих ежедневных битвах красной звезды и белого солнца.

— Предлагаю вам отличиться в глазах Бетельгейзе, — медленно начал Алган. — Можете получить внеочередное повышение в чине или оказаться в каком-нибудь порту поближе.

— Вот как? — рассмеялся комендант, но смех его звучал натянуто. Он резко оборвал его, повернулся к Алгану и смерил его недоверчивым взглядом.

— В настоящий момент назрела настоятельная необходимость в мгновенном перемещении среди звезд, — начал Алган. — Все технические уловки, позволяющие увеличить скорость кораблей, практически исчерпаны. Думаю, центральное правительство Бетельгейзе оценит человека, который предложит новый способ перемещения в пространстве.

— Например, вас? — холодно осведомился комендант.

— Не важно кого. Предположите, что я приступил к решающим опытам. Мне нужно кое-что, что трудно отыскать здесь. Допустим, у вас есть это кое-что. Можете ли вы поделиться им, чтобы я мог продолжить опыты? Вам будет признательна вся Галактика.

— Что вам нужно? — спросил капитан, глядя в какую-то далекую точку над головой Алгана.

— Зотл, — тихо обронил Алган.

Взгляд капитана стал осмысленным. Его руки легли на стол, и он уставился на Алгана. Затем побагровел и расхохотался так, что из глаз брызнули слезы.

— Зотл, мой мальчик? — переспросил он. — И больше ничего? Вы уверены, что вам больше ничего не надо? А откуда вам известно, что он у меня есть? Вы не в своем уме, мой дорогой! Зотл для путешествия среди звезд. У меня не раз пытались выманить его, рассказывая самые невероятные истории, но такое я слышу впервые. Хотя вы, похоже, твердо верите в свою выдумку. Вы — параноик, чистейший параноик.

Комендант перестал смеяться.

— Что-то слишком долго я люблюсь вами, — процедил он сквозь зубы. — Убирайтесь отсюда.

— Я знаю цену зотлу, — настаивал Алган. — И готов заплатить за него. Такая сделка абсолютно законна. Глания — подконтрольная территория Бетельгейзе. Вы имеете право продать мне зотл, если он у вас есть, капитан. И можете рассчитывать на признательность Бетельгейзе.

Глаза коменданта сделались мечтательными.

— Да, у меня есть зотл, — сказал он. — Действительно, его продажа не запрещена. Раз вы посланец Бетельгейзе, вы это знаете. Мне следовало догадаться, что вы ее тайный эмиссар.

— Я вовсе не тайный эмиссар Бетельгейзе, — перебил его Алган. — Я скажу вам правду, пока вы сами не докопались до нее. Моей ноги ни разу не было на Бетельгейзе. Но мне нужен зотл, и я готов уплатить за него вдесятеро больше того, что он стоит. Откроем наши карты!

— Согласен, — сказал капитан. — У вас есть деньги?

— Нет, — ответил Алган.

Комендант нервно дернулся.

— Вы сошли с ума, — произнес он.

Его рука потянулась к кнопке, скрытой в резьбе стола.

— Подождите. У меня нет денег при себе, но это не значит, что я не располагаю значительной суммой. Моя персона стоит очень дорого. Мне надо двенадцать корней зотла. Оцените их сами.

Комендант задумался. Сумма была огромной.

— Примерно пятьсот кредитов, — сказал он.

— Даю вам пять тысяч, — усмехнулся Алган. — Меня зовут Жерг Алган. Моя голова оценена в эту сумму. Можете проверить секретные сообщения.

Некоторое время они молчали, пристально глядя друг на друга. Потом комендант нарушил молчание.

— Кажется, — сказал он, — вы предусмотрели все. Но, что вы сделаете, если я вас арестую, а зотла не дам?

— Все очень просто. Сумма будет вручена лишь тому, кто схватит меня. Но, если я сам сдамся представителю Бетельгейзе, дело меняется. Существуют два варианта: либо вы ловите меня после отчаянного преследования и получаете вознаграждение, либо я сдаюсь, и вы не получаете ничего.

— Вам никто не поверит, — возразил капитан, закусив губу. — Они скорее поверят мне, чем вам.

— Конечно, — согласился Алган. — Но они еще больше поверят детектору лжи. Ему я буду вынужден сказать правду. Станет ясно, что я действительно сдался. А вас привлекут к ответственности за лжесвидетельство. Если вы примете мои условия, я никогда не окажусь перед детектором лжи. Закон разрешает преступнику отказаться от испытания детектором лжи, как бы ни были тяжки обвинения против него. Мне терять нечего.

— Где гарантия того, что вы не попытаетесь обмануть меня после ареста?

— Гарантии у вас нет. Ваше слово против моего. Я был с вами откровенен, дабы вы

поняли, что игра стоит свеч. Кроме того, какой смысл мне обманывать вас? Платит Бетельгейзе, а не я. Вам надо пойти на риск. Дело стоит того, советую — поверьте мне.

— Пять тысяч кредитов, — протянул комендант. — Цена средней планеты. Но, если вы тайный эмиссар Бетельгейзе, будьте вы прокляты.

— За мою голову назначена цена, — напомнил Алган. — Можете проверить.

— Хорошо.

Комендант склонился над экраном, на котором проносились какие-то данные о планетах, положении звездолетов, затем бег информационных сообщений замедлился и появилось изображение Алгана.

Портрет был на удивление реален. Скорее всего, его сфотографировали во время тренировок. Однако снимок принадлежал прошлому. После всех приключений лицо Алгана огрубело и черты стали жестче, взгляд глубоко посаженных глаз приобрел остроту.

Инструкции. Детальное описание. Формулировка обвинения. Изображение корабля, на котором он сбежал с Эльсинора. Сумма, назначенная за его поимку, — ее мог получить любой гражданин Галактики, будь то солдат, офицер или гражданское лицо. Предупреждение красными буквами: «Взять живым. Ни при каких обстоятельствах не стрелять. Скорее всего, не опасен».

— Похоже, вы им очень нужны, — усмехнулся капитан.

— Больше, чем вы думаете. Я им нужен так же, как мне зотл. И по тем же причинам.

— Ну что же. Следуйте за мной.

Алган шел позади капитана. У него было время на размышления. В обвинении ничего не говорилось о тех угрозах, которые он выдвигал против Бетельгейзе. Упоминался лишь захват корабля. И то в довольно сдержанном тоне. Люди с Бетельгейзе явно хотели наложить лапу на Алгана, если ему удастся что-нибудь узнать, раньше, чем его перехватят пуритане. Они пустили Алгана в космос, как пускают в нору терьера, а сами расставили сети у всех выходов, надеясь захватить и его, и спугнутую им добычу.

Но они не знали, что есть еще один выход.

— Предпринимать что-либо против меня бессмысленно, — сказал комендант. — Вы, вероятно, знаете, что на территории порта не действует никакое оружие, если только я не отдам приказ локально снять нейтрализующее поле. Моя охрана вмешается при малейшем подозрительном жесте. Добавлю, за всю долгую историю Освоенной Галактики не было случая, чтобы какая-нибудь, даже отменно вооруженная и хорошо осведомленная группа захватила космопорт.

— Все это лишние слова, — перебил его Алган. — Я явился к вам не для того, чтобы сражаться.

Они переступили порог, дверь бесшумно захлопнулась за их спиной. Часть стены повернулась вокруг своей оси, глазам открылось помещение, где стояла машина для выжимки зотла и лежала куча корней. Алган присвистнул сквозь зубы.

Комендант был настороже, вероятно, он все еще не исключал, что Алган является тайным эмиссаром Бетельгейзе.

— Начинайте выжимку, — нетерпеливо воскликнул Алган.

Он извлек из рюкзака шахматную доску и положил ее на низенький столик. Пододвинул к столику кресло, уселся в него и положил руки на доску, каждый палец на отдельную клетку. Затем убрал руки и всмотрелся в гравюры. Ему показалось — наверно, то была иллюзия, — что они слегка дрожали. Он заставил себя переключиться на посторонние мысли. Он не знал, что еще с ним произойдет. Но это уже не имело особого значения. Он не видел иного выхода. Если это был выход. Он смотрел, как тяжелый поршень давит на корень, и вспоминал Дарк и торговца с Эльсинора.

С начала его путешествия прошло не так уж много дней, но он путешествовал со скоростью света, и за это время на Даркии миновало немало лет.

Живы ли его друзья?

Он посмотрел на неполный стакан, который комендант поставил перед ним, и отодвинул его.

— Добавьте еще один корень. Удвойте дозу.

Комендант подозрительно глянул на шахматную доску.

— А это что такое?

— Я объясню вам позже, — устало ответил Алган.

Еще один корень лег под поршень.

Алган не знал, сколько может понадобиться зотла. Он проводил опыт. Он расценивал шансы на успех как один к девяти.

Алган осушил стакан до последней капли и положил руки на доску. Наугад.

Ничего не произошло.

Он увидел, что комендант с удивлением смотрит на него. Глаза коменданта буквально вылезали из орбит. Его губы шевелились, пытаясь что-то произнести.

Предметы задрожали, краски смешались в одну.

— До свидания, — едва успел выдохнуть Алган.

И исчез.

Вместе с шахматной доской.

8. ЗА БАРЬЕРОМ МЕРТВЫХ ЗВЕЗД

Во все стороны тянулось зыбкое и бесформенное серое пространство, которое пронизывали кривые, дрожащие линии. Постепенно они выравнились и застыли на месте, приобретя четкость и прямизну. Между ними образовались зоны потемнее и посветлее — перед его глазами возникла шахматная доска.

Алган безуспешно пытался стряхнуть оцепенение. Под ногами зияла бездна. В первые мгновенья ему показалось, что он падает в пустоту, затем головокружение прошло — он стоял на бескрайней шахматной доске, и контуры ее с каждым мгновением становились все четче и четче.

Алган, пешка на игровом поле, прыгал из клетки в клетку какими-то замысловатыми ходами. Череп раскалывался от боли, и он никак не мог взять в толк, зачем это делает, но в глубине сознания тайлось убеждение в том, что так и надо. Некогда он знал, почему следует совершать эти прыжки, но забыл и не мог вспомнить — головная боль мешала сосредоточиться.

Мозг напряженно работал, инстинктивно рассчитывая что-то, хотя Алган не понимал, как это ему удастся. Он пользовался результатами расчетов, но по-прежнему не знал, зачем прыгает по этой шахматной доске.

По-видимому, между его расчетами, головной болью и передвижениями по шестидесяти четырем клеткам существовала определенная связь. Алган удивлялся — всего шестьдесят четыре поля, а доска выглядит бесконечной. Он заблудился в ватном тумане, лишился памяти, его окружал непонятный мир.

— Как твое имя? — громко спросил он.

Но ответа не последовало.

Разум Алгана был поглощен единственным — решением того, на какую клетку перескочить при следующем ходе. Он собрал последние силы. И вдруг мысли прояснились, пробудились спящие области мозга. Его охватило пьянящее чувство победы, хотя он не знал, в чем она выражалась.

В мозгу Алгана созрело некое решение — он возобновил свои прыжки по шахматной доске.

— Как твое имя? — переспросил он.

А что такое имя? Алган понимал, кто-то ставит ему задачи и требует от него правильных ходов, словно заставляя сражаться в шахматы с невидимым противником.

Все определял правильно выбранный ход.

Шестьдесят четыре поля — это так мало, а количество ходов неисчислимо: можно обойти или преодолеть любые препятствия. Но каждый ход требовал невероятно сложных расчетов.

«Мозгу, словно вычислительной машине, — вслух рассуждал он, — приходится решать задачи, поставленные...

Кем?

Никем.

Мною, Жергом Алганом».

Он решил задачу и вспомнил свое имя. Жерг Алган. Тридцать два года. Бунтарь, бросивший вызов Бетельгейзе. В бегах. Только что с помощью шахматной доски покинул Гланию. Выполняет ответственную миссию.

Голова раскалывалась от боли.

«Я брежу», — подумал он.

Пелена серого тумана разорвалась. Он завис в центре черной Вселенной, утыканной блестками звезд, — в пространстве.

Алгану удалось решить загадку шахматной доски. Он пересек космическую пустоту и покинул Гланию. Он извлек корень из уравнения «человек + шахматная доска + зотл». И не сошел с ума. Он снова вступил в контакт с реальностью. Почему он был уверен в истинности своего прозрения? Он плыл в черном пространстве с редкими звездами. Его вдруг охватил ужас бесконечного падения. Но рефлексy, выработанные во время тренировок на Даркии, помогли взять себя в руки.

Он никуда не падал. Когда его глаза привыкли к темноте, он осознал, что сидит в громадном черном кресле из твердого холодного материала перед столом, вырубленным из того же вещества. Столешница представляла собой шахматную доску. Его пальцы лежали на клетках доски. Недвижный воздух был прохладен и живителен. Алган поднял голову и увидел на черном небосводе точки звезд — их было немного, и они излучали тусклый красноватый свет. Многие из них давно погасли. Казалось, до этих умирающих костров рукой подать. А за ними, в пространстве, на чудовищном расстоянии, сверкали целые облака звезд, сливавшихся в один сияющий мир.

Небо над головой было таким черным, ни малейшей дымки, и он понял — планета лишена атмосферы.

«Меня окружает силовое поле, — решил он. — Оно удерживает в этом океане пустоты ничтожный пузырек воздуха, позволяющий мне выжить. Не исключено, что моего визита ждут с незапамятных времен и гигантская космическая цитадель построена в предвидении моего появления».

Немыслимо было представить, что некая древняя раса, скорее всего негуманоидная, могла разбросать по Галактике огромные станции с единственной целью — облегчить роду человеческому освоение пространства. А может, то была раса людей, чьи древние машины продолжали функционировать после ее гибели?

Он выбрался из кресла и обошел громадный круглый зал. Исходивший откуда-то неяркий свет не мешал видеть звезды.

На гладких черных стенах зала не было никаких украшений. Только прямо напротив стола, за которым он только что сидел, Алган обнаружил все то же изображение шахматной доски с топкими рисунками на каждой клетке.

Рисунки были знакомы Алгану. Только располагались в ином порядке. Он пересек зал, взял свою доску, сравнил ее с изображением на стене и... не обнаружил ни малейшей разницы.

«Неужели мне изменяет память? — подумал он. — Нет, могу поклясться, фигуры на доске переместились сами собой».

Это могло означать, что шахматная доска была моделью Вселенной и решение любой задачи меняло расположение рисунков на ней, а вернее, отражало перемещения в пространстве.

Мгновенно ли происходило перемещение или растягивалось на века? Он не мог определить продолжительность собственного перелета, но знал, для него путешествие совершилось в очень короткий срок. Он провел рукой по щеке — щетина почти не отросла. «Постарела ли Даркия? Сколько времени прошло на Бетельгейзе, пока я пересекал невообразимые пространства — тысячи лет или считанные секунды? А если я вернусь в Освоенную Галактику, с кем мне придется иметь дело — с Ногаро или с его отдаленными потомками, забывшими даже его имя?»

Стены зала выглядели глухими. Но замочной скважиной невидимой двери могла быть шахматная доска на стене. Он наугад провел пальцами по ее клеткам — его мозг был занят решением неведомой задачи. Но едва он коснулся центральных клеток, как раздался легкий хрустальный звон. Часть стены над доской повернулась.

Он отшатнулся — там могла таиться ловушка — и заметил в глубине ниши золотистый шар.

Алган сделал шаг вперед и понял, что это сосуд, наполненный янтарной жидкостью. Он узнал вытяжку из корней зотла.

«Итак, черные цитадели — ключ к разгадке тайны нерасторжимой связи человека, шахматной доски и зотла. Выпив зотл, человек обретает возможность взглянуть на Вселенную под другим углом зрения, а шахматная доска открывает ему путь в иные миры.

Перемещение происходит немедленно. И без посредства громадных дорогостоящих звездолетов.

Черные цитадели были своего рода космопортами. И если Бетельгейзе была пауком, соткавшим звездную паутину, в которой запуталась Освоенная Галактика, здесь дело обстояло иначе — где-то в Центре Галактики существовал необычный и древний разум. Он ждал, решал и действовал, наблюдая за людьми, осмелившимися проникнуть в запретный лабиринт.

Пока Алган не представлял себе, в какую часть Галактики его занесла шахматная доска. Судя по скудости звезд и глубокой черноте неба, он попал на крупную безжизненную планету на окраине Освоенной Галактики. Ближайшие светила выглядели угасающими или погибшими в результате древнего беспощадного катаклизма. Он припомнил, что старый пилот с Глании говорил о цепи мертвых солнц, которые преграждали путь экспедициям, летящим к Центру Галактики.

В незапамятные времена, еще до зарождения жизни на Земле, здесь пронесся смерч немыслимой энергии и оставил после себя глубокий шрам на плоти космоса. Он резко ускорил процесс старения и умирания звезд. И на пути к запретным районам Центра Галактики возник барьер из белых карликов и красных гигантов. Значит, он оказался ближе к Центру Галактики, чем предполагал раньше. Но близость эта была призрачной, если мыслить в привычных единицах измерения. Свет пробегал путь от Центра Галактики до ее границ за пятьдесят тысяч лет. Люди в звездолетах, уходя в иные измерения, могли в лучшем случае сократить это время в сотню раз. И все же этого не хватало. Алган впервые осознал туманный смысл некоторых самых простых понятий, которыми издавна пользовался человек.

Люди освоили крохотную космическую провинцию где-то на задворках Галактики; они исследовали всего несколько тысяч планет, а ведь их окружали миллионы солнц. По телу Алгана пробежала дрожь. С него разом слетела вся его спесь и самоуверенность человека. Мозг Алгана почти не воспринимал того, что видели глаза — бесчисленные искорки звездных скоплений, затерянные в невероятно обширной Вселенной. Мир оказался слишком сложным и необъятным. Он зажмурился. И вдруг его поразила мысль, что он наделен не менее сложным, чем сама Галактика, механизмом. Он обладал мозгом с миллиардами нейронов, способных реализовать неимоверное количество ассоциаций. Вселенная ставила практически бесконечное количество задач, а люди располагали инструментом, способным решать их, решать и сознательно и бессознательно.

Он взял сосуд и залпом выпил зотл. Напиток освежил пересохшее горло. Алган пересек

зал, уселся в кресло, поставил пальцы на шахматную доску и внимательно оглядел небо. Мигая, звезды изменили свой рисунок.

Переход совершился проще, чем в первый раз. Он не ощутил распада, головная боль окончательно ушла. Он висел в сером тумане, а его подсознание управляло движением пальцев по шахматной доске и перемещением тела в пространстве.

Он двигался вслепую. Ему хотелось постичь природу и происхождение таинственных создателей шахматной доски и черных цитаделей. Перескакивая из одного мира в другой, он надеялся в конце концов попасть на планету тех, кто построил цитадели.

Галактика состояла из миллионов солнц и планет, и повсюду могли существовать черные цитадели. В этом случае поиски становились безнадежными.

Он быстро убедился в том, что черные цитадели как две капли воды походят одна на другую. И зал с невидимым куполом, в который он попадал в конце каждого путешествия, всегда был круглым. Но этот купол каждый раз пропускал лучи других солнц, а цвет небосвода менялся.

Один раз ему показалось, что он попал в морские глубины — таким низким и зеленым было небо. Он не видел никаких звезд, кроме огромного тусклого светила. В другой раз планета была невероятно велика. Он оглядел низкие голубоватые холмы, пугающие своей неподвижностью, — ничто не шелохнулось на них и не дрогнуло. Это был мир, где жизнь либо еще не зародилась, либо вовсе была невозможна. Этот мир замкнулся сам в себе и отгородился от Вселенной плотными облачными стенами.

Он покинул его и попал на обломок планеты причудливо петляющий среди созвездий. Он понял, что приближается к Центру Галактики — вокруг сверкали мириады звезд. Казалось, они касаются друг друга и вот-вот столкнутся. Небо отливало золотом, а редкие темные провалы выглядели черными звездами, излучавшими ночь. Новый мир — под пурпурными небесами, словно подожженными близким красным гигантом, торчали руины. Обратившийся в прах дворец не смог бросить вызов времени, против него устояли лишь черные цитадели...

Он со все большей легкостью ориентировался на ограниченном поле шахматной доски. Алган пока не понимал механизма воздействия его мозга на шестьдесят четыре клетки и странные рисунки, которые украшали их. Он не знал, какие способности его мозга включались в работу, но это его не волновало. Он обучился всему — и прыжкам через Галактику, и перемещениям в границах одной планеты. Он мог передвигаться на любые расстояния, запрыгнуть на вершину черной цитадели и выйти в нормальное пространство в любой точке.

Алган замирал в космосе, в сердце звезды, на поверхности пустынного мира, а через секунду укрывался в черной цитадели. И всегда его окружало силовое поле. Он находился как бы и внутри, и вне нормального пространства.

Алган путешествовал, не ощущая ни голода, ни жажды, ни усталости. Он выпал из обычного времени. Его переполняло неведомое до сих пор чувство необычайной полноты ощущений. Его охватила уверенность, что он наконец приступил к выполнению миссии, к которой давно готовился. Он стал хозяином звезд и пространства, превзошел в могуществе и людей Бетельгейзе, и пуритан Эльсинора и десятки их планет. Он совершил то, о чем никто из них не смел и мечтать.

Миры, окованные льдами, и миры, охваченные пламенем, планеты, усеянные алмазными россыпями, и планеты, укутанные песками, планеты болот и планеты пустынь, планеты, укрытые тяжелым одеялом туч, планеты светящихся туманов и планеты лиловых равнин, из края в край покрытых кристаллами, планеты бушующих океанов и планеты без признаков жизни — все это открывалось ему с высоты прозрачных куполов вечных черных цитаделей. Вначале Алган думал, что не покидает гигантского звездолета, который сопровождает его в нескончаемом беге по звездному полю Вселенной.

Он посетил безымянные миры, на которые никогда не ступит нога человека и которые не изменит человеческая цивилизация. Все они обладали своей особой красотой, которая поражала сильнее, чем изображения тех миров, что он некогда разглядывал в книгах, посвященных освоению космоса. На некоторых из них свет искривлялся, а поверхность была изломана чудовищной гравитацией. Но внутри черных цитаделей ничего не менялось.

Его глаза видели гигантские звезды, которые раскаленными шарами висели в пустоте. Их размеры превосходили такие светила, как Рас Альгети или Эпсилон Оригэ, которыми восхищались астрономы героических времен. Один из этапов путешествия привел его к «подножию» невероятного каскада солнц и планет в центральных районах Галактики. Алган совершал одно открытие за другим, наблюдал искривленное пространство, феерическое разноцветье звезд. Здесь, казалось, светило само пространство, насыщенное газом и космической пылью. Он видел звезды, окруженные кольцами, ловил рассеянные лучи далеких шаровых скоплений, в которых было больше звезд, чем их завоевал человек за всю свою долгую историю, хотя это были лишь капли материи в океане Вселенной.

Восхищение неведомыми творцами черных цитаделей возросло еще больше, когда он понял, что путешествует не только в пространстве, но и во времени, ибо звезды, свет которых он видел на Даркии, свет, который доходил до нее от Центра Галактики за тысячи лет, теперь он видел такими, какими они были несколько лет назад. Неведомая раса создала цивилизацию по меркам Вселенной, и система космопортов, созданная человеком, по сравнению с ней выглядела жалким муравейником.

— Неужели она мертва? — спрашивал он сам себя.

Он нигде не отыскал следов жизни. В пустых залах не было и намека на нее, словно цитадели давно забросили за ненадобностью или построили без всякой необходимости.

И вдруг все изменилось — он нерешительными кругами приближался к Центру Галактики. В воздухе ощущалось незримое присутствие, едва уловимый запах, будто кто-то недавно побывал здесь, оставил след, но исчез за миг до появления Алгана. Черные цитадели, как заметил Алган, все чаще располагались на громадных планетах с водородной атмосферой.

Однажды плиты пола стали сотрясаться. Алган долго ждал, но ничего не произошло. В безмолвии прошли долгие часы, конечности налились свинцовой усталостью. Он двинулся дальше.

Путешествие явно близилось к завершению. Пальцы, казалось, выбирали клетки случайно, а на самом деле — он осознавал это — его мозг решал задачи, не известно кем и как поставленные перед ним.

И вдруг он попал в необычный зал. В стенах были прорезаны широкие проемы. Он выскочил наружу и увидел золотое небо и красно-фиолетовые луга, чем-то похожие на луга его родной планеты. На горизонте тянулись гряды невысоких холмов. Его кожа ощутила жаркое прикосновение лучей тысяч солнц. У него закружилась голова, и он рухнул в мягкую и прохладную траву.

Он понял, что прибыл в тот мир, который искал, в конечную точку своего беспримерного поиска. Он поднял голову на какое-то мгновение раньше, чем услышал голос.

— Приветствую тебя, дитя, — низкий голос был очень мелодичен.

— Я не дитя, — возмутился Алган. — Я — человек.

— В нашем языке «человек» и «дитя», — ответил голос непререкаемым тоном, — суть синонимы.

9. БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Обнаженные стены громадного зала излучали неяркий свет. Вокруг хрустального стола сидели восемь мужчин в серебристых одеждах. Их пальцы украшали тяжелые перстни. Поглядывая друг на друга, люди вели неторопливую беседу. Когда все смолкали, тяжелую тишину зала не нарушал ни малейший шорох.

Зал находился глубоко под поверхностью планеты, обращавшейся вокруг Бетельгейзе. От фундамента Дворца правительства его отделяли двести пятьдесят метров скальной породы и пятьдесят метров стали.

Эти восемь человек распоряжались судьбами Освоенной Галактики.

— Вы слишком молоды, Стелло, — произнес шатен с глубоко сидящими черными глазами. — Об этом мятеже нам известно все. Мы не сторонники применения силы. В нашем распоряжении время.

— Ну и что, — возразил Стелло. Он сидел по правую руку от шатена. — Три случая неповиновения за одну неделю. Корабль в районе Альдебарана, экипаж которого во главе с капитаном занимался гнуснейшей контрабандой. Станция на Ольдебе-5, которая отказывается принять нашего посланца. И наконец, экспедиция окраинных миров, которая не желает покидать планету, где работали наши исследователи. Если так пойдет и дальше, наш флот откажется выполнять приказы и займется пиратством или приступит к колонизации планет-садов в разных концах Галактики. Я настаиваю на принятии энергичных мер для поддержания дисциплины на флоте.

Все головы повернулись к Стелло. В глазах людей мелькали веселые искорки. Собравшиеся были немолоды, но время не оставило следов на тонкой белой коже их лиц и рук.

— Я проголосую против, — сказал черноглазый. — И не потому, что мне претит применение силы. Я против бессмысленного и жестокого уничтожения наших противников. Поверьте, Стелло, если я и опасаясь за будущее Галактики, то жду неприятностей не отсюда. Вам пока недостает опыта. Мы знавали самые разные времена. От нас отделялись целые звездные системы. Но они всегда возвращались под родную сень. И вовсе не обязательно, чтобы усмирением непокорных занимался военный флот. Существуют и другие методы. Почему вы считаете нежелательной колонизацию отдаленной планеты экипажем какого-либо корабля? Их потомки все равно придут к нам за помощью и защитой.

— Возможно, — нехотя согласился Стелло и поставил стакан на хрустальную столешницу. Он обежал взглядом невозмутимые лица — холодные глаза, тонкие губы и высокие лбы мудрецов.

— В нашем распоряжении практически неограниченные средства, — вступил в разговор Альбранд. — И, несмотря на это, Стелло, мы на удивление бессильны. Стремясь поддерживать порядок в Освоенной Галактике, мы давно превратились в самых могущественных тиранов в человеческой истории, но пространство и время воздвигли почти непреодолимый барьер между нами и теми, кого мы хотели бы покарать. Не знаю, как назовут нашу эпоху будущие историки. Надеюсь, о нас станут судить лишь по нашим намерениям. Мы мечтаем вручить людям всю Галактику.

— Мы знаем это, Альбранд, — ледяным тоном произнес Ольриж, чья рыжая шевелюра была известна экипажу любого корабля Бетельгейзе. — Мы также знаем, какое удовольствие вы получаете от управления этой галактической империей, хотя вас не устаивают, как королей, императоров и диктаторов прошлого, орденами и положенными по рангу почестями. Я наблюдаю за вами почти три столетия, а последнее время вы только и разглагольствуете о высокой миссии. Не иначе, к вам подкралась старость.

— Замолчите, — прошипел Альбранд. Его пальцы дрожали от гнева, но лицо оставалось бесстрастным. — У меня амбиций не больше, чем у вас. Мне приносит удовлетворение моя работа администратора. Мною движет не жажда почестей, а жажда блага роду человеческому.

— Вы готовы на все, лишь бы называться всемогущим хозяином Освоенной Галактики.

— Вы сами мечтаете об этом, Ольриж.

— Не будем опускаться до склок, — вмешался черноглазый. — Разве не известно, что худшие опасности заложены в нас самих? Неужели за века жизни вы ничему не научились? Что стоят ваши идеалы и амбиции, если вы не умеете хранить молчание? Или перед лицом необозримого пространства, которое надо освоить, мы все не равны? Наша воля помогла

людям перешагнуть через многие этапы развития. А вы своими бессмысленными пререканиями ставите под угрозу всякое дело. Я знал вас, Альбранд, в те времена, когда с ваших уст не сходило слово мир, а вас, Ольриж, когда вы мечтали дать людям могущество и свободу...

— Мы слишком далеки сегодня от прежних идеалов, — прервал его Стелло. — Что разумного мы сделали? Имеет ли смысл наша тайная власть? Не лучше ли бесхитростная анархия первых лет освоения пространства, чем установленный по законам логики железный порядок?

— Что с вами, Стелло? Вы уже забыли о карательных экспедициях, о репрессивных мерах, за которые только что ратовали? В вас поселилось сомнение? — усмехнулся черноглазый.

— Не знаю. Но меня не покидает предчувствие, что наша империя развалится. Переживу ли я ее? Вряд ли. Я существую только ради нее. Я в меньшей мере принадлежу себе, чем последний из матросов корабля, на котором несколько лет назад облетел наши недавно открытые планеты. Я не сплю по ночам, думая о покоренных мирах и горстке живущих на них людей, о том, с какой легкостью могут порваться связи с ними. Человечество может погибнуть, и тогда нам, Бессмертным, мозгу цивилизации, не пережить гибели всего организма. Быть может, из страха мы прибегаем к насилию?

— Вы слишком увлекаетесь философами прошлого, — проворчал Альбранд. Остальные молчали, думая о своем.

— В словах Стелло есть доля истины, — наконец, проговорил Фулн, положив на холодный стол тонкие худые руки. — Мы — хозяева, но что мы стоим без нескольких миллионов бессмертных, которые бороздят Галактику, и без хранящих информацию электронных машин, которые зачастую старше нас. Порой мне кажется, что нас взяли на службу Машины, которые ведут за нашей спиной свою собственную тайную войну, и так продолжается извечно.

— Вы заговариваетесь, Фулн! — воскликнул Альбранд. — Машины предлагают, а выбор делаем мы, хотя миллиарды людей считают, что их судьбы вершит Машина. Стоит ли напоминать о первых бессмертных, которые разобрались в сути проблемы задолго до вашего рождения — они решили спрятаться за безликой Машиной и править людьми скрытно, ибо знали, люди с большей охотой подчинятся неукоснительным приказам Машины, чем себе подобных, даже если последние бессмертны. Машины в Бетельгейзе символизируют единение Освоенной Галактики, а мы обеспечиваем это единение.

— Возможно, это и так, — согласился Фулн. — Возможно. А на основании чего мы принимаем решения? На основании информации, которую поставляет Машина. А если информация кем-то тщательно отфильтрована? Если Машина находится под чьим-то тайным контролем? Хотя бы под контролем одного из нас.

— Проблема древняя как мир, — тихо начал черноглазый. — Я не помню заседания, когда бы ее не обсуждали. И ни разу мы не пришли к согласию. Беда бессмертных в том, что опыт сделал их подозрительными, а они желают ясности в любом вопросе. Но это, увы, невозможно.

— Не суть важно, кто принимает решение, — воскликнул Стелло. — Мы преследуем определенную цель. И это главное в нашей деятельности.

Воцарилось молчание.

— Нам ее никогда не достигнуть, — мрачно изрек Ольриж.

Бессмертные переглянулись.

— А хотим ли мы ее достигнуть? — спросил черноглазый. — Когда центральная власть обосновалась на Бетельгейзе и бессмертные заняли ключевые посты, основной, но тщательно хранимой в тайне целью было превратить человеческую расу в расу бессмертных, способных бросить вызов Вселенной и в союзе с временем, или наперекор ему, освоить самые отдаленные закоулки пространства. Изменилась ли эта цель?

— Нет, — ответил Ольриж.

Все согласно закивали.

— А осталось ли желание достигнуть ее? Хотим ли мы уравнять с собой всю человеческую расу? Не уверен. По-видимому, произошли социологические сдвиги, которые создатели централизованной власти не предусмотрели. Род человеческий разросся в пространстве в гигантский организм, и, как справедливо отметил Стелло, каждая планета суть его клетка, а Бетельгейзе — голова. Мы рады тому, что задаем организму цели и обеспечиваем его законами. И не хотим его распада даже ради появления высшей формы организации. Мы противимся его смерти, ибо умрем вместе с ним, и стремимся поддержать его в настоящем виде как можно дольше.

— Ну и что, — возразил Ольриж. — Стоит ли напоминать, почему не удалось достигнуть цели сразу? Сначала пришлось решать второстепенные проблемы. Бессмертие для всей расы одновременно могло поставить под угрозу будущее человечества. Наши предшественники справедливо опасались перенаселения, голода, войн! Освоенная Галактика в то время была не столь обширна, а человечество еще не созрело для бессмертия. Далеко ли мы ушли от них?

— У нас нет уверенности в правильности наших решений, — усмехнулся черноглазый, — и мы никогда не обречем ее. Мы покорили или исследовали огромное количество годных для жизни планет, но еще больше планет ожидает нас в будущем. Человечество тончайшей паутиной опутало звезды, но все наши победы окажутся бессмысленными, если в ближайшее время в нашем распоряжении не окажется нужного количества людей.

— Так созрело человечество или нет? — напомнил Ольриж.

— Даже обсуждая этот вопрос до скончания веков, мы не придем к единому мнению, — сказал черноглазый. — Когда-то кто-то решил, исходя из определенных критериев, которые сейчас мы отвергли бы за несостоятельностью, что бессмертные пришли к зрелости, а остальное человечество нет. Однако мы не изменили критериев для вербовки новых бессмертных. Некогда было решено, что бессмертие останется тайной, строго охраняемой тайной. Но удастся ли сохранить тайну вечно? Не лучше ли открыть ее до того, как это сделают другие?

— На что вы намекаете? — осведомился Ольриж.

— Нам удалось сохранить бессмертие в тайне, введя поистине драконовские меры по ее охране. Во многом нам помогло удлинение времени — многие из нас неоднократно путешествовали со скоростью света. Но где гарантии, что так будет всегда? А если в Освоенной Галактике появится новая группа бессмертных и она решит оспаривать наше главенство?

— В такой ситуации человечество, которое мы знаем, погибнет, — заметил Фулн.

На привыкших сохранять невозмутимость лицах отразилось смятение.

— Пока нам удавалось преодолевать такого рода кризисы, — Ольриж был категоричен.

— Пока, — подчеркнул черноглазый. — Но сколько времени это будет продолжаться?

— Что вы предлагаете? — осведомился Альбранд.

— Бессмертие всему человеческому роду, и как можно быстрее.

Все замолчали. Стелло осушил свой стакан. Ольриж нервно сцепил пальцы.

— Я против, — наконец медленно проговорил он. — В данный момент я не вижу никакой опасности, ее просто нет.

— Вы уверены в этом? — ехидно спросил черноглазый.

— Предпочитаю, чтобы мне на нее указали пальцем. В Галактике сейчас царит спокойствие. Информация подтверждает это.

— Информация к нам поступает от Машины. Вы забыли о словах Фулна?

— Домыслы!

— Как знать!

— У нас нет врагов, которых вы могли бы назвать.

— У нас их десятки, Ольриж. Вы, наверно, спали все последние годы? А пуритане на их десяти планетах?

Ольриж расхохотался.

— Призраки. Мы раздавили их раз и навсегда лет пятьдесят назад. Теперь они знают, в чьих руках сила и кто вершит Историю.

— Может статься, что за пятьдесят лет они забыли о горечи поражения. Не спорьте, Ольриж. Вы совершаете ошибку, когда мыслите категориями бессмертных. В жизни обычного человека десять лет — немалый отрезок времени, а за полвека сменяются два поколения. Не уверен, что мы, бессмертные, сможем пережить поражение подобно простым смертным. Стоит нам раздавить одну волну непокорных, как на смену ей поднимается новая; мы же никогда не забываем полученных уроков. Каждое наше поражение окончательно и бесповоротно. Их поражения столь же преходящи, как и жизнь. Эльсинор никогда не расстанется с мечтой о гегемонии. Недавно там введены новые строгости по отношению к инородцам. Поведение эльсинорцев до странности беспокоит. Иногда они вспоминают о вещах, которые мы сочли несущественными, и не оставляют надежды там, где мы полагаемся на расчеты. Любой, с нашей точки зрения, пустяк может привести к падению империи.

— Их могущество незначительно по сравнению с нашим.

— Да, но вчера, а вернее, полвека назад этого не было. Их государство может возродиться.

— Мы их раздавим вновь.

— Или проиграем.

— Абсурд.

— Я предвидел ваше возражение, Ольриж. Пора перестать считать себя всезнающими и всемогущими. Мы можем потерпеть поражение. И мне не хочется, чтобы наше поражение обернулось гибелью Освоенной Галактики. Я хочу подарить бессмертие всему человечеству, хотя не надеюсь убедить вас, Ольриж. Но вспомните о словах Стелло, о его страхе присутствовать при гибели гигантского организма, над которым мы властвуем. Вас обуревают те же страхи. Все мы пытаемся подавить в себе один и тот же ужас. Если нам, правителям, суждено исчезнуть, наше исчезновение должно произойти по собственной воле.

— Надо дать человеку власть над всей Галактикой, — предложил Стелло. — Понадобятся годы, если не века, чтобы добраться до внешних границ этого островка в необъятном пространстве Вселенной.

— Мы доберемся до них, — сказал черноглазый, — если нам хватит времени. Мы добьемся поставленной цели, только дав бессмертие всем людям, хотя их не так уж много. Но отбросим эту сторону проблемы. Мне почему-то кажется, что нам не хватит времени. У нас множество недругов внутри Освоенной Галактики. А кроме них могут существовать и внешние враги.

— Какие?! — одновременно воскликнули Стелло, Фулн и Альбранд. Остальные удивленно раскрыли глаза.

— Представьте на мгновение, что пуритане, несмотря на все наши усилия, овладели тайной бессмертия. Катастрофа, не так ли? Рушатся все наши планы. И как бы не были слабы десять планет пуритан сейчас, через сто лет они смогут бросить нам вызов. До сих пор пуритане продлевали жизнь с помощью полетов в космос. Они посылали своих людей на кораблях со скоростью света на месяцы или годы, и те, вернувшись через десятки лет, а то и веков, обеспечивали связь между прошлым и будущим. Люди из прошлого могли заставить своих потомков выполнять планы, разработанные несколько веков назад. И все же эти люди были ограничены в своей деятельности продолжительностью жизни обычного человека. Они слишком рано умирали. Теперь они мечтают о другом. Они стремятся обрести реальное бессмертие. И обеспечить непрерывность связи между прошлым и будущим в том виде, как ее осуществляем мы.

— А как они решат проблему бессмертия? Мы уничтожили их лаборатории, а ученых направили по ложным путям.

— Стелло, вы никогда не задумываетесь над тем, почему тайна бессмертия так долго

остается тайной? Было время, когда подобные секреты невозможно было сохранить при самой тщательной охране. Это время не так уж удалено от сегодняшнего дня, но знаете, что лежит между тем временем и нашим? Пространство, и более ничего! Мы сумели сохранить тайну, создав космический барьер между мирами. И никто не может преодолеть его без нашего согласия. Поэтому так трудно прилететь на Бетельгейзе и так трудно улететь с нее. Смутные слухи кое-где возникали, но в Освоенной Галактике бродит столько легенд, что люди перестали в них верить.

То пространство, которое сейчас выступает нашим союзником, завтра может обернуться противником. Оно позволяет нам находиться в изоляции, но одновременно изолирует иные миры и может охранять иные тайны. А если пуритане получили обещание помощи извне и все их надежды связаны с ней?

— Внешняя помощь? — удивился Фулн.

— Именно так. Вам ничего не говорит имя Жерг Алган?

— Почти ничего, — ответил Стелло. — Если не ошибаюсь, оно играет важную роль в мифологии пуритан.

— Они сражались с этим именем на устах полвека назад, — сказал Альбранд. — Но мне кажется, он уже лет двести числится среди покойников.

— Хотелось бы получить доказательства его смерти, — вздохнул черноглазый, — ибо пуритане поднимают голову, утверждая, что он вернулся.

— Они ищут опору своим надеждам в легендах, — презрительно бросил Ольриж.

— Вполне вероятно, — согласился черноглазый. — Но не так давно Жерга Алгана видели и на Бетельгейзе.

— У вас пристрастие к поискам рационального зерна в легендах, Ногаро. Вы просто-напросто мифоман, — усмехнулся Ольриж.

Черные глаза Ногаро обежали серые стены подземного зала. На прочнейших плитах крохотными буквами — их не сотрет и время — были выгравированы имена всех бессмертных. Но их имена не покрывали и тысячной части стен. А ведь они отражали историю всей Освоенной Галактики. Будущая история Галактики могла и не состояться.

— Постарайтесь убедить меня в своей правоте, Ольриж, — сказал Ногаро.

Бетельгейзе. Жерг Алган вышел из ледяной тьмы пространства, зажмурился, потом открыл глаза и сразу узнал место, где оказался. Он стоял перед сплошной хрустальной стеной, усеянной математическими символами, позади которой мигали глаза гигантских компьютеров. Он был во Дворце правительства. Над его головой плыл громадный красный шар, символ Бетельгейзе.

Зал был пуст. Когда он посетил его в предыдущий раз, зал кишел народом. Тогда он вошел через главную дверь в толпе визитеров с тысяч разных миров. Они явились поглазеть на Великую Машину, которая распоряжалась их жизнями. Алган прибыл сюда вторично, на этот раз в качестве посланца — ему было поручено добиться решения проблемы у ее истоков.

На единственной обитаемой планете системы, где размещались Дворец правительства и Машина, стояла ночь, ибо только ночью, когда смыкались створки бронзовых врат, величественной копии всех врат, которые открывали доступ в белостенные космопорты, зал пустел.

Датчики могли обнаружить присутствие Алгана в большом зале. «Машина, наверно, уже нашла оптимальный план защиты», — подумал он. Но его это мало заботило. Алган присел на корточки и всмотрелся в плиты пола. Странно, что за долгие века, которые прошли с момента возведения Дворца правительства, никто не удосужился обратить внимание на рисунок, образованный черными и белыми плитами.

Шахматная доска. Шестьдесят четыре громадные клетки.

И на каждой клетке паутинкой вился узор — фигуры, стершиеся от времени и обуви несметных орд посетителей.

Алган не стал их разглядывать. Он рассмотрел их в прошлый раз. У него были иные

цели! В его душе кипели ненависть и радость скорого триумфа.

Но к ним примешивалась еще и верность данному слову.

В прошлый раз он появился на Бетельгейзе, выбрав пустынную лужайку в глубине одного из парков, окружавших город. Он вынырнул из ночи и вдруг увидел гигантский город. Этот город мог соперничать с черными цитаделями и чудесами мира звезд. Бетельгейзе была апогеем человеческого гения и безумия. Все лучшее, что создала Освоенная Галактика, корабли Правительства доставляли сюда.

Алган расслабился. За два века он научился без труда преодолевать пространство. Он полной грудью вдохнул свежий воздух. Принюхался к запахам травы и влажной земли. Затем бесшумно двинулся в сторону города.

Алган внешне ничем не отличался от обычного человека. Но организм его был более совершенным. Наставники переделали и улучшили его — сердце билось медленнее, резко возросла выносливость. Алган мог менять свой метаболизм, способен был выживать в труднейших условиях, умел зарубцовывать раны. Против него были бессильны микробы и вирусы. Даже смерть забыла о нем. Он стал Бессмертным.

Купола и шпили сверкали в жарких лучах красного солнца. Над головой в утреннем мареве проносились звездолеты — видно, неподалеку находился космопорт. Очертания кораблей почти не изменились. Но это не удивило Алгана, его поразила Бетельгейзе.

Его тело путешествовало и во времени, и в пространстве. Около двух веков миновало с тон поры, как он покинул Освоенную Галактику. И почти два века прошло на Бетельгейзе. В этом не было ничего необычного — после создания светолетов многие люди путешествовали во времени. Но мало кто достигал Бетельгейзе. Бетельгейзе, по человеческим меркам, лежала вне времени.

Алган спокойно шел по аллеям безлюдного парка. Его не волновало, что на него обратят внимание. Вероятность того, что его могут узнать, была ничтожно мала.

В парке росли необычные зеленые растения. Вот уже двести лет, как он не видел деревьев.

Он попытался припомнить Дарк, равнины и моря родной планеты, своих друзей, джунгли и лабиринты грязных улочек, теплый металл зажатого в ладони оружия, пот, струящийся по телу в знойный день, и ледяное дыхание зимней ночи.

Все умерло.

«Неужели все это существовало на самом деле? — подумал он. — Сны».

Под сапогами поскрипывал песок. Этот звук когда-то раздражал его — он мешал при беге за ускользающей добычей по песчаному пляжу и в пустыне. За двести лет песок не изменился. На любой планете он был и оставался песком. Песок — все, что остается от дворцов и гор.

Дарк, Эльсинор, пуритане растаяли в густом тумане времени, о котором напоминал скрип влажного песка. Однажды ему захотелось увидеть людей, еще раз пройтись по улицам Дарка, побродить по лавочкам Эльсинора.

И он сделал это. Он понесся из одного конца Галактики в другой. Но любопытство быстро угасло.

Дарк выглядел крысиной норой, а Эльсинор — медвежьей берлогой. Два века изменили и миры, и города, но он все же узнал их.

Изменился и сам Жерг Алган — он стал человеком пространства. Его городами были сверкающие во тьме космической ночи звезды. Он немного жалел людей, которым надо было прятаться на дне океанов из ватного воздуха. На Эльсиноре он узнал, что его имя сделалось священным для пуритан всех десяти планет. Но проблемы обычных людей отныне не волновали его. Он гордился тем, что стал человеком пространства. Но Алган не походил на тех скитальцев космоса, что носятся среди звезд под ненадежной защитой стальных скорлупок. Они слепы, испуганны и бессильны противостоять опасности извне...

Алган освоил свою новую обитель — космос, он мог выбрать любой путь в

пространстве, перепрыгнуть с клетки на клетку звездного поля, решить тончайшую задачу расчета траектории. Он готовился поставить мат королю противника — Бетельгейзе. Он сознавал, что является всего лишь пешкой на звездном поле, но эта мысль не унижала его. Напротив, он гордился этим.

Когда-то он был просто человеком.

Теперь стал послом наставников.

Сквозь кроны деревьев блестели купола и шпили города. Но их подавляла громада Дворца правительства. Алган прошел парк, не встретив ни единой души. В городе он смешался с толпой, теснившейся на движущихся дорогах. На лицах людей отражались их радости, печали, отвращение, страхи. Он пожалел этих людей.

Скоро все изменится.

Он думал о городах, которым суждено умереть, о звездолетах, чьи двигатели стихнут навсегда, о людях, которые обретут бессмертие. Время городов, звездолетов и обычных людей миновало. Он вдруг понял, что всегда желал этого, предчувствуя эпоху, когда потеряют смысл города, корабли, космопорты, громоздкая и дорогостоящая организация людской власти, быстро текущее время и смерть. Было странно видеть это кипение жизни и знать, что его окружают мертвые реалии; смерть их диктовалась суровой необходимостью.

Такое уже случалось. В других районах Галактики и в других галактиках. Время космических провинций и обычных людей истекало. Они считали себя хозяевами жизни, хотя сознавали собственные недостатки и ограниченные возможности. Люди всегда утверждали, что были венцом развития жизни, но они ошибались...

Вместе с толпой он двигался в сторону Дворца правительства. Вокруг высились прекрасные здания. Он ощущал их красоту, как палеонтолог, восхищающийся могуществом исчезнувших видов и совершенными сочленениями их конечностей, которые все же не спасли животных от гибели.

Гигантская площадь перед дворцом была одним из чудес Вселенной, сравнимым разве что со звездами и черными цитаделями. Подвижные дороги серебряными реками текли в металлических берегах. На хрустальных цоколях высились исполинские статуи, отлитые из той же неразрушимой бронзы, что и врата космопортов, их лица были обращены в небо и, казалось, следили за молниями звездолетов. Ростом они соперничали с горами, а руки, воздетые к светилу, могли удержать звездолет средних размеров. Позади них вздымались странные скульптуры, абстрактные переплетения кривых со световыми лучами — так человек представлял себе Вселенную, сложнейшую систему, которую не в силах была описать даже математика. Система не имела ничего общего с реальностью, но поражала своим изощренным многоцветьем. Алган открывал для себя отлитую в стекло и металл символику освоения космоса человеком. Здесь были уравнения, описывающие рождение, жизнь и смерть звезд, уравнения бесконечной пляски частиц и столкновения волн. Восхищение человека окружающим миром сливалось с его пониманием, а искусство рождалось из науки.

Алган миновал гигантский портик и невольно зажмурился — под хрустальным куполом нестерпимо ярко сверкал символ Бетельгейзе — громадный пурпурно-огненный шар. Блеск его был таков, что Алгану показалось, будто шар несется прямо на него. Приглядевшись к сверкающему солнцу-карлику, он заметил под ним белый эллипсоид — макет Галактики.

Алган усмехнулся. Человек так долго считал себя властелином Галактики, что свыкся с мыслью об окончательной победе над ней.

Движущиеся дороги кончались у входа в главный зал. По белым и черным плитам, на каждой из которых мог разместиться звездолет, Алган устремился к хрустальной стене, отделявшей посетителей от Машины.

Зал был рассчитан на то, чтобы поразить воображение посетителя. Здесь хранились архивы Освоенной Галактики, а Машина жонглировала миллионами данных.

В главном зале побывало множество путешественников — он был местом паломничества. Представители покоренных миров встречались здесь с таинственной Машинкой, здесь сталкивались прошлое и будущее, бесчисленные визитеры — варвары окраинных миров, грамотеи древних систем, моряки, бороздящие пространство из края в край, солдаты Бетельгейзе, пришедшие взглянуть на охраняемое ими святилище, архитекторы, восхищенные чистотой линий гигантского хрустального купола, торговцы, явившиеся на поклон к Машинке, которая обеспечивала порядок, люди всех рас и цветов, самого разного роста и ума, носившие самые изысканные и самые простые одежды. Они пожирали взглядом гигантские металлические колонны, толкались и, словно муравьи, стремились к Машинке, чтобы спросить ее и выслушать ответ.

Чудо Машинки состояло в том, что она знала всех и каждого и отвечала на любой вопрос. И хотя это было повседневное чудо, которое обеспечивали логические цепи, способности Машинки обрастали легендами и подкрепляли древнюю веру в справедливость ее власти над миром.

Историки заявляли, что с древнейших времен существовали машины, которые помогали людям принимать решения. Машинка Бетельгейзе была логическим завершением в длинной цепи запоминающих и счетных устройств, которые создал человек. Историки утверждали, что эту Машинку сотворили не столько в помощь человеку, сколько ради его замены в сложном деле управления Освоенной Галактикой, непрерывности которого нельзя добиться по причине смертности человека.

За хрустальной стеной, делившей громадный зал надвое, виднелась небольшая часть Машинки.

Большинство посетителей считали, что эти гигантские мигающие лампы, магнитная память, вращающиеся цилиндры, искрящиеся и пульсирующие экраны, соединенные медными нервами, и были Машинкой. Но не столь наивные и более образованные посетители понимали, что Машинка занимает куда большее пространство, чем огромный зал дворца, что ее знания хранятся в сумрачных глубинах, а решения принимаются вдали от нескромных людских взглядов.

Сюда поступала информация из всей Галактики. Она одновременно занималась прошлым, настоящим и будущим.

И только редкий человек понимал, что Машинка была гигантской ширмой, декорацией, предназначенной для сокрытия чьей-то необъятной власти, но об этом никто не решался говорить вслух. Особенно Машинке.

Алган рассек толпу, топтавшуюся на черных и белых плитах, и, подойдя вплотную к прозрачной стене, увидел кабинки, откуда можно было обратиться к Машинке. О них знала вся Освоенная Галактика. И не было ни одного ребенка на самых отдаленных мирах, который бы не мечтал войти в кабинку, чтобы задать решающий вопрос и получить исчерпывающий ответ. Но в большинстве своем люди вырастали, взрослели, старились и умирали, так и не осуществив своей мечты.

В хрустальной стене размещались сотни кабинок. Алган вошел в одну из них и оказался лицом к лицу со своим отражением. Он взглянул в глаза двойника. «Ищите ответ в глубине своей души», — таков был девиз Машинки.

Все шумы разом исчезли. Он стоял наедине с самим собой — отражением в глубине светящегося пространства. Удлиненное худое лицо с заострившимися чертами и горящие холодным огнем глаза. Таким себя он еще не видел. И никогда еще так быстро не билось его сердце и не вздымалась грудь. Он облизнул пересохшие губы и хотел было заговорить, но решил подождать, надеясь, что Машинка нарушит молчание первой. И вдруг понял, что Машинки нет, что ее не существует вообще, что есть лишь его отражение и что именно оно будет отвечать на его вопросы.

— Итак, — осведомилась Машинка, — что вы желаете знать?

У нее был безликий голос.

Алган задумался и решил задать ритуальный вопрос, вопрос, который срывался с уст

миллионов еще живых или уже умерших людей, хотя каждый, кто задавал этот вопрос, исподволь чувствовал, что унижает оракула.

— Какое препятствие я должен преодолеть? — спросил он.

— Одиночество, — без промедления ответила Машина.

«Интересно, она отвечает так всем или только мне?» — подумал Алган.

Одиночество. Он уже два века не размышлял над этим. Почти два века.

— Мое имя Жерг Алган, — произнес он. — Ты знаешь меня?

— Да, — ответила Машина спустя секунду. — Вы родились двести лет назад. Вы не должны находиться здесь в данный момент.

— Да? А почему? — спросил Алган. — Можешь ли ты сказать, откуда я прибыл?

Он знал, что этим вопросом посеет панику и растерянность на Бетельгейзе. И терпеливо ждал ответа.

— Нет, — ответила Машина. — Не знаю. Но могу навести справки.

— Не делай этого, — успокоил ее Алган. — Лучше попробуй догадаться, куда я направляюсь.

Он улыбнулся своему отражению и исчез.

И вот он снова стоял перед Машиной. Она, казалось, спала. Хрустальная стена была почти черной, в ее глубине мигало всего несколько огоньков. Мягко светились математические символы.

Ненависть и предвкушение победы переполняли его душу, ибо близилось последнее сражение. Он поспешно направился к одной из кабинок.

10. ЗА ХРУСТАЛЬНОЙ СТЕНОЙ

— Двести лет, — пробормотал Стелло.

— Да, двести лет, — повторил Ногаро.

Его лицо посуровело. Он положил руки на стол и обвел взглядом присутствующих.

— Значит, он бессмертен, — сказал Стелло.

— Думаю, да, — подтвердил Ногаро.

И снова все замолчали. Они вдруг ощутили страх. Страх перед безоружным незнакомцем, вдруг возникшем из пространства.

— Может, он совершил долгое путешествие на светолете? — неуверенно спросил Альбранд. — Несколько лет полета со скоростью света...

— Нет, — отрезал Ногаро. — Машина утверждает — он исчез около двухсот лет назад в районе Глании, крохотной планетки на окраине центральных провинций.

— И больше его никто не видел?

— Никто. Но полвека назад некоторые из попавших в плен эльсинорцев — именно тогда завершился разгром пуритан — сообщили, что встречали его. Но их слова не нашли подтверждения.

— Быть может, пуритане погрузили его в анабиоз, чтобы использовать в подходящий момент? — осведомился Ольриж.

Ногаро отрицательно покачал головой.

— Как он прибыл на Бетельгейзе? — спросил Вольтан, один из самых старых по возрасту членов совета. Он был старше Ногаро. — Машина знает это?

— Нет, — ответил Ногаро. — Она утверждает, что он прибыл не на корабле.

Они снова замолчали. Пропала уверенность в своей правоте. Все то, чего они добились за несколько веков, испарялось, растворялось, обращалось в дым, и будущее представлялось смутным и неясным. Они впервые испугались надвигающихся событий.

— Помощь извне, — проворчал Ольриж. — Вы о ней только что говорили.

— Единственный логический выход, — холодно ответил Ногаро. — Кроме меня, никто из присутствующих с Жергом Алганом не встречался. Двести лет назад он был человеком со

странностями. Остался ли он человеком сегодня? После двух веков отсутствия.

Он поджал губы. Страх он не испытывал, но его терзало неутоленное любопытство. Он знал, почему скрылся Алган, и знал, что поиск Алгана завершился успехом.

«Что же он нашел в Центре Галактики?» — спрашивал себя Ногаро.

— Сообщите нам все, что вы знаете, Ногаро, — потребовал Стелло.

Ногаро повернул голову и в упор посмотрел на него.

«Стоит ли им говорить? — думал он. — Стоит ли признаваться, что я действовал на собственный страх и риск и тем самым, быть может, поставил под угрозу Освоенную Галактику. Стоит ли доказывать, что есть более важные проблемы, чем спасение Галактики? А если промолчать? Пусть думают что хотят. Знает ли Машина о моих делах? Впрочем, промолчу ли я или нет, история Галактики от этого не изменится. Кто-то должен был решиться на подобный шаг. Не ясно только, что открыл и кем стал Жерг Алган».

— А не мог он передать тайну бессмертия пуританам? — спросил Стелло.

— Не знаю, — ответил Ногаро. Лицо его осунулось от усталости. Долгая жизнь была приятна, она позволяла осмотреться, выяснить неизвестное, принять верное решение, познать новое. Но одновременно в человеке копилась усталость, усталость от бесконечной череды лет. Жить было бы прекрасно, если бы человека окружал простой, ясный и безмятежный мир.

Он вдруг осознал, что из глубин его существа поднимается ужас.

«Неужели я так стар? — спросил он себя. — Может, мы виновны в том, что заставили человека топтаться на месте, а Галактику обрекли на застой?».

— Не знаю, — повторил он. — Вы придаете этому значение? О пуританах я вспомнил лишь для того, чтобы обострить ваше восприятие. Их активность в настоящий момент совсем сошла на нет. Главное не это — инициатива ускользает из наших рук, а корабли становятся бесполезными! На наших границах объявился другой разум, другая цивилизация, и она владеет тайной бессмертия. Ее представители способны бесконтрольно перемещаться в нашем пространстве. Благо это или крах? Вот почему я требую бессмертия для всего человечества.

— Я по-прежнему против, — сказал Ольриж. — Наше могущество пока неколебимо. Мы пока еще здесь хозяева.

— Кто такой этот Жерг Алган? — спросил Вольтан.

— Лет двести назад, — заговорил Ногаро, — я еще не входил в Совет, а был посланцем, одним из тех миллионов бессмертных, которые обеспечивают власть Бетельгейзе над самыми отдаленными мирами. Я был из тех, кто слушает и передает. Тогда я и встретил Жерга Алгана. Это случилось незадолго до его исчезновения. Мы сдружились. Ему тогда было лет тридцать, и всю свою молодость он провел на родной планете, на Даркии. Его обманом завербовали в экипаж корабля, летевшего на Эльсинор. Алган произвел на меня хорошее впечатление своей энергией, волей, умом. Мне хотелось, чтобы он стал одним из нас, но он ненавидел Бетельгейзе, поскольку придавал большее значение прошлому, чем настоящему. Он все называл своими именами и отождествлял власть Бетельгейзе с тиранией.

Я подыскивал человека, способного заняться одной деликатной проблемой, которая не давала мне покоя. Я изучил дело Алгана и счел его кандидатуру подходящей. Те проблемы, которые мы решаем сегодня, стояли и тогда, но все виделось нам в ином свете. Мы искали следы другой цивилизации. По некоторым сведениям, интересующая нас зона лежала в Центре Галактики. Я горел желанием снарядить туда экспедицию, это мое желание не угасло и по сей день. Но за нами следили пуритане Эльсинора, они боялись, что мы найдем средство подорвать их экономику. Они располагали некоторой неизвестной нам информацией. Я подстроил все так, что Алгана послали как бы обе стороны, совместно, потому-то торговцы Эльсинора и десяти планет пуритан хвастали его помощью.

Мы неоднократно отправляли экспедиции к Центру Галактики, но все они закончились провалом. Пропали бесследно. По Галактике ходили самые невероятные легенды. Мне казалось, что настало время заняться их серьезной проверкой.

Но я был всего лишь посланцем и не имел полномочий доверить руководство экспедицией Жергу Алгану. Времени на получение согласия Совета и Машины не было. Я решил помочь Алгану угнать корабль. У меня была возможность привлечь к сотрудничеству власти космопортов. Когда мы сели в Эльсиноре, я подготовил операцию.

Однажды ночью Алган бежал из отеля, оглушил техника, угнал звездолет и был таков. Вначале он отправился на Гланию, где надеялся напасть на след погибшей экспедиции. Он подобрался к центральным областям Галактики и вдруг исчез.

— При каких обстоятельствах? — спросил Стелло.

— Никто толком не знает, что произошло, — ответил Ногаро. — Он разбил корабль при посадке на Гланию, по-видимому, из-за ошибки в управлении и отправился в космопорт пешком. Он добрался до него — тут показания всех свидетелей сходятся — и долго беседовал с капитаном порта, но никто не видел, чтобы он покинул его апартаменты. Если он вышел, то не известно как. Также не известно, куда он направился.

— Что сообщил капитан по поводу этой встречи? — осведомился Ольриж.

— Ничего, он покончил с собой, ибо упустил беглого преступника.

— Может, Алган умер в тюремном тайнике на Глании? — предположил Альбранд.

— Нет, — ответил Ногаро. — Я провел тщательное расследование. На планете Алгана не было. Обнаружены были лишь отпечатки его пальцев на пустом стакане из-под зотла.

— Где нашли стакан?

— В кабинете капитана. Уже после его самоубийства. Там установили, что отпечатки принадлежат человеку по имени Жерг Алган, но выводов сделать не сумели. Даже я узнал об этом много позже.

— Странная история, — протянул Вольтан. — Не люблю странных историй. Они никогда не кончаются добром. А может, все это ровным счетом ничего не значит и мы волнуемся понапрасну? Не верю, чтобы один человек мог поставить под угрозу существование Освоенной Галактики, даже будь он трижды бессмертным. Времена одиночек давно миновали. Когда-то я встречал опасных людей, очень опасных, но не теперь... Их порода вывелась, да и времена изменились.

— Что еще вам надо, чтобы вы поверили в опасность и затряслись от страха?! — вне себя крикнул Ногаро. — Мы все слишком стары, вот отчего нас уже ничто не пугает.

«Пусть случится то, что должно случиться, — подумал он. — Я сделал все, что мог. Пусть люди сами занимаются своими делами. Знать бы, что их ждет».

Его мысли вернулись к Алгану. Человек, затерявшийся среди звезд и обретший бессмертие, мог быть очень опасен.

— Мне больше нечего добавить, — сказал он. — Я требую в кратчайшие сроки разработать план, который станет основой нашей дальнейшей деятельности. Бессмертие для всех. Надеюсь, еще не поздно.

Члены Совета переглянулись, на их лицах, отмеченных патиной лет, он прочел усталость, привычную скуку и страх.

— Вам известно мое мнение, — жестко сказал Ольриж.

— Я против, — едва слышно промолвил Стелло.

— Нет, — сказал Фулн.

— Нет, — одновременно произнесли Альбранд, Вольтан и Люран. Они говорили редко, предпочитая мысль действию. Годы давили им на плечи.

— Может, вы и правы, — подвел итог Ногаро. — Надеюсь, вы не совершили ошибки.

— Повестка заседания исчерпана? — спросил Ольриж. — Можно его закрывать?

— Вам действительно лучше остановиться на принятом решении, пока вы не придумали чего-нибудь похуже, — с горькой иронией сказал Ногаро.

Альбранд шевельнулся.

— Наверно, следует заняться поисками этого Жерга Алгана.

— Он вне пределов нашей досягаемости, — возразил Ногаро.

— А Машина?

— Машина ничего не знает. Вы думаете, меня самого не интересует, что находится за пределами Освоенной Галактики?

— Оставьте этот тон, Ногаро, — вмешался Вольтан. — В конце концов, у истоков угрожающей нам опасности стояли вы.

— Кто-то должен был взять ответственность на себя, — парировал Ногаро.

— Не все ли равно, — воскликнул Ольриж. — Голосование закончилось.

Вольтан повернулся к нему.

— Не спешите, Ольриж. Перед нами целая вечность. Мне хотелось бы кое-что спросить у Ногаро.

— Слушаю вас.

— Что это за легенды, о которых вы упоминали?

— Уместно ли здесь говорить о них? — с сомнением в голосе сказал Ногаро. — Легенды есть легенды.

— Говорите.

— В них упоминались гигантские цитадели на планетах у наших границ. Говорилось о таинственной разумной расе, которой никто никогда не видел, о шахматной доске. Но все это легенды. Я долго изучал их и в какие-то частности поверил. Однако ничего путного из этого не вышло.

— Ничего путного? — удивился Вольтан. — А бессмертие Алгана?

— В легендах много внимания уделялось тому, что было до человека и что будет после него. Они изобиловали странными предсказаниями. В них утверждалось, что человечество избрало ложный путь. Они намекали на наличие цивилизации в Центре Галактики.

— Какой? — усмехнулся Ольриж.

— Той, что способствует эволюции человека, — ответил Ногаро. — Я отправил Алгана на поиски этой цивилизации. Если он вернулся, то, скорее всего, будет говорить от ее имени.

— Кто я? — спросил он.

— Жерг Алган, — ответила Машина.

— Да будет так.

Алган разглядывал свое изображение, плывущее в глубине едва освещенного пространства, словно мираж. Руки его дрожали, и он никак не мог унять дрожь. Он достиг конечной цели своих поисков. Он видел звезды, покорил пространство и время и, наконец, добрался до Бетельгейзе.

Поиск был долгим. И сейчас, как и предсказывала ему в прошлый раз Машина, одиночество хищной птицей обрушилось на него. Прошло много лет. Он переступил границы времени, и ему удалось выжить. Вселенная навсегда сохранит для него привкус пепла и прошлого. Как бы ни сияли звезды, их лучам не пронзить плотный туман утекших мгновений.

«Человеческое существо, — сказал он сам себе, — в моем лице завершило долгий древний поиск, и через несколько часов или дней все люди ощутят привкус пепла, вспоминая о проделанном пути.

Что станет с Машиной? А с дворцом на Бетельгейзе, с гигантскими статуями вдоль эспланады, с изящными звездолетами в портах?»

— Вы хотите задать мне еще один вопрос? — спросила Машина.

Алган ответил не сразу. Он разглядывал свое отражение. Продолговатое мрачное лицо, тонкие губы, темные, сверкающие глаза. «Интересно, считает ли Машина себя красивой, вложили ли в нее конструкторы чувство прекрасного?» — неожиданно подумал он, а потом задал вопрос.

— Кто твои хозяева, Машина?

Этот вопрос давно жег ему губы, но задать его он мог, лишь обретя душевный покой.

— Люди, Алган, — без промедления ответила Машина.

«Может ли Машина быть неискренней? Может ли она лгать?» — подумал он и сам же

себе ответил, что лгать умели только люди.

— Послушай, Машина. Я сообщу тебе истину. Ты — пустое место, нуль. Ты всего лишь декорация. Понимаешь ли ты это? Я хочу видеть твоих хозяев, Машина. Скажи им обо мне.

— Я не могу вам ответить, — произнесла Машина.

Голос ее был по-прежнему невозмутим, ровен и безличен.

«Любопытный опыт — допрашивать Машину и уличать ее в невежестве. А может, Машина умеет лгать? Ее не собьешь с толку и не проверишь на детекторе лжи».

Машина была и лучше, и хуже людей. Если она умела лицемерить, то такой ее сделали люди, но ее лицемерие было конструктивным качеством. Моральная оценка исключалась.

«А как обстоит дело с людьми? — задумался Алган. — Разницы не может не быть. Машина лжет не ради собственных интересов; она лжет, поскольку ее построили для сокрытия некоторых аспектов истины. Люди же лгут, преследуя собственные цели.

Может ли Машина солгать? Сомнительно. Но вероятно. Может ли Машина оказаться в конфликтной ситуации и перестать следовать определенным правилам, обычно обязательным под страхом разрушения?

Может ли Машина разрушить сама себя? Или допустит конфликтную ситуацию и разрешит ее, выбрав поведение, не соответствующее логике? К примеру, невротического характера».

Люди находились в конфликтных ситуациях постоянно. Они стремились к определенной цели, но путь их был усеян помехами. Одни, столкнувшись с непреодолимым конфликтом, кончали с собой. Не срабатывал инстинкт самосохранения. Другие становились жертвами невроза. Каждый человек жил под угрозой потери душевного равновесия.

Говоря машинным языком, в поведении людей наблюдались сбои.

— Поберегись, Машина, — сказал он, — будет лучше, если ты ответишь мне.

Алган не мог заставить себя говорить с ней, как с человеком. Он ткнул кулаком в холодную зеркальную поверхность. Послышался легкий звон, и все стихло. Так он справиться с Машиной не сумеет.

— Я не могу вам ответить, — повторила Машина.

— У меня послание к твоим хозяевам. Машина, — начал он. — Скажи им об этом. Скажи, что я хочу с ними говорить. Скажи, что я явился из Центра Галактики. Скажи, что меня послал Ногаро, если это имя им что-нибудь говорит.

— Мои хозяева — люди, — повторила Машина.

«А если Машина откровенна со мной? Может, ее построили так, чтобы она никогда не знала тех, кто управляет ею?»

Он никак не мог представить себе людей, скрывающих свое могущество в течение многих поколений за столь совершенной и действенной маской.

«А вдруг они откажутся встретиться со мной, не захотят меня слушать?»

— У меня есть к тебе вопрос, Машина.

— Слушаю вас.

— Как я прибыл сюда? Как оказался на этой планете?

— Не знаю. Подождите. Сейчас проверю.

Он ждал несколько секунд.

— Вы мне уже задавали этот вопрос. Почему вас так волнует ответ?

— Я хочу только доказать тебе, что ты не все знаешь.

— Ни один механизм не может претендовать на исчерпывающее знание, — возразила Машина. — В мои функции не входит знание всего. Я должна запоминать и учиться. Хочу задать вам вопрос. Как вы прибыли на эту планету?

— С помощью шестидесяти четырех клеток, — ответил Алган.

— Ясно. Мне не хватает информации, но передо мной открываются новые варианты решений. Например, в пространстве могут существовать другие, сходные со мной машины.

— Может быть, — уклончиво ответил Алган.

— Шахматная доска — самое слабое звено в цепи моих рассуждений, — сказала Машина. — Она может играть множество ролей, но ни одна из них не является решающей.

— Эта проблема интересует тебя, Машина?

— Меня ничто не может интересовать в общечеловеческом смысле. Я построена для решения ряда задач. В том числе и этой.

— Я знаю решение, Машина, — сказал Алган, — и принес его твоим хозяевам. Сообщи им срочно об этом.

Прошло несколько мгновений. Неужели и эта попытка провалится, придется отступить и прибегнуть к иным средствам? Он надеялся, что Машина окажется связующей нитью между ним и гипотетическими хозяевами Освоенной Галактики. Его уверенность была поколеблена.

— Я не знаю иных хозяев, кроме людей, — заговорила Машина. — И не могу решить поставленную тобой задачу, человек. Однако мои инструкции предусматривают подобный случай. Я не понимаю их, но применю. Может, ты прав, и некоторые из людей являются моими прямыми хозяевами. Но в моем сознании нет упоминания о них. Попытаюсь обратиться к подсознанию.

«Конфликт, — подумал Алган. — Наконец-то я спровоцировал конфликт. Машину научили игнорировать некоторые моменты, но оставили указание на необычную ситуацию, и теперь решение отдельных задач, которые она решала в соответствии с основными инструкциями, требует отказа от алгоритмов, заложенных при обучении. Но предусмотрен ли мой случай?».

— Ты должен сам решить свою задачу, человек, — наконец, нарушила молчание Машина. — Я не в состоянии помочь тебе. Мои инструкции требуют, чтобы я пропустила тебя. Впервые!

«Может ли Машина быть многоликой, иметь состоящую из независимых частей память? Неужели одна ее часть служит для ответов людям, а другая работает на гипотетических хозяев Освоенной Галактики? Есть ли координационный центр для принятия окончательного решения?»

— Желаю успеха, человек, — напутствовала его Машина.

Отражение Алгана задрожало. Поверхность зеркала сморщилась, словно вода под легким дуновением ветерка. В глубине светящегося пространства возникло черное пятно. Оно впитывало в себя свет, разрасталось и постепенно поглотило отражение Алгана. Пятно заполнило почти всю поверхность зеркала, словно образовался вход в непроглядную тьму ночи.

Это была дверь.

Он сделал шаг вперед, и тут же его окутала тьма. Он протянул руки вперед, затем развел их в стороны, но его пальцы встретили пустоту. Он стоял в центре необъятной черной равнины.

— Иди вперед, — сказала Машина.

«Западня?» Он был готов при малейшей опасности мгновенно оказаться за миллионы километров отсюда. Алган знал, что попал в место, о котором знает лишь горстка людей. Он вспомнил слова Ногаро о Бетельгейзе. «Гигантский паук, раскинувший свою паутину во времени и пространстве и цепляющий свои клейкие нити за звезды».

Он проник в логово паука и вспомнил о пауках-птицеедах, которые затягивают вход в свои норы «шелковым» пологом. Здесь пологом было хрустальное зеркало.

Пол под ногами Алгана дрогнул и понес его вперед. Он не мог определить скорости движения, но знал, что движется в нужном направлении. Он ждал этого момента двести лет.

Эскалатор остановился. Дальше следовало идти пешком. Строители дворца не доверяли машинам до конца. Видно, они знали, что те могут подвести.

Дворец был крепостью. Его создатели мыслили военными категориями. Они думали не только о людях, но и о возможных пришельцах со звезд.

Жерг Алган улыбнулся.

Строители дворца начитались и наслушались сказок о флотах пришельцев, которые обрушиваются на планету, о их фантастическом оружии, но не предполагали, что наступление поведет один-единственный человек.

Он быстро пошел вперед. Потянулась анфилада громадных залов, и Алган понял, что вышел за пределы дворца.

Двойной ряд треугольных колонн поддерживал округлый свод. Пол заглушал шаги, и ему казалось, что он погружается в безмолвие.

Вдруг Алган заметил, что оказался в зале без выхода. Он был невелик и совершенно пуст. Алган огляделся, пытаясь найти потайную дверь, и обратил внимание на круг в центре зала. Едва он встал на него, как круг ухнул вниз, во тьму.

«Неужели я первым иду по этому пути?» Его ноги коснулись твердой поверхности. Он сделал осторожный шаг вперед. В черной стене, прямо перед ним, возникла светящаяся черта. Она быстро расширилась, и он, прищурив глаза, разглядел зал, залитый жемчужно-пепельным светом.

Его сердце екнуло. В центре зала за круглым хрустальным столом сидели восемь мужчин в серебристых одеяниях. Он подошел ближе и внимательно оглядел их. Лица сидящих поражали выражением какой-то неведомой усталости.

Все молча смотрели на него.

Взгляд Алгана остановился на одном лице. Он не верил собственным глазам. Ему были хорошо известны эти глубоко посаженные черные глаза и умное лицо с горькими складками у рта.

11. ЗВЕЗДНОЕ ПОЛЕ

— Ногаро! — воскликнул он.

— Я ждал вас, Жерг Алган, — отозвался Ногаро.

Алган приблизился к столу. Его внимание привлек усмехающийся рыжеволосый человек со сверкающими глазами.

«Так вот кто правит Освоенной Галактикой! А куда делись торговцы Эльсинора?». Его взгляд вернулся к Ногаро. Значит, Ногаро был бессмертным. Вся эта восьмерка была бессмертной, а потому держала в руках Галактику. Торговцы Эльсинора открыли для себя другой способ бессмертия — путешествия со скоростью света, но подлинными бессмертными были только эти люди.

Алган помнил, что некоторые странности в поведении Ногаро привлекли его внимание еще при первой встрече. Теперь становилось понятным, почему все относились к нему с особой почтительностью.

— Итак, вы — Бессмертный, — произнес один из присутствующих, повернувшись в сторону Алгана.

— Как и вы, Ногаро, — ответил Алган. — Это многое объясняет.

— Гораздо больше, чем вам кажется, Алган, — заговорил Ногаро. — Этим объясняется стабильность нашей цивилизации, сумевшей устоять при жесточайших конвульсиях истории. Мы кое-что значим, Алган. Нас можно сравнить с мозговыми клетками, которые живут, пока жив организм, а наш организм — наше общество. Мы надежно спрятались — ведь и мозг человека защищен черепной коробкой. И все же вы нас отыскиали, Алган.

— После слишком долгих блужданий.

— Зачем так много лишних слов, Ногаро, — проскрипел Ольриж. — Допросите его. Думаю, он искал нас не ради того, чтобы выслушивать историю бессмертных.

— Наверно, это будет бесполезно, — возразил Ногаро.

— И вы все это время скрывали свое бессмертие! — воскликнул Алган.

Его охватила злорада. Ненависть, которую он долго копил в себе, расплескалась и стала чем-то менее конкретным и более холодным.

— Итак, вы преуспели в своих поисках? — спросил Ногаро.

— Безусловно, — ответил Алган.
— Вы достигли Центра Галактики?
— Да.

Восемь пар глаз впились в него. Алган почувствовал, что в горле застрял сухой комок.

— С какой целью вы вернулись спустя двести лет?

— Я принес вам послание.

Ему было неприятно чувствовать на лице их липкие взгляды. За долгие годы он отвык от общения с людьми и теперь не испытывал удовольствия от беседы с этой восьмеркой.

— От кого? — удивился Ногаро.

— Все мое время, — Алган не спешил. — Потерпите, вы узнаете все.

— Не пытайтесь ввести нас в заблуждение, — вступил в разговор Альбранд. — Вы выполнили трудную и опасную миссию. Мы признательны вам за это. Но не пытайтесь обвести нас вокруг пальца.

Алган расхохотался.

— А зачем мне это нужно? — голос его немного охрип.

— Вы изменились, Алган, — сказал Ногаро. — Что с вами приключилось?

— Да, я действительно изменился. Отныне я бессмертен, как и вы. Но вас не очень волновало то, что я могу измениться. Согласитесь, вы ведь воспользовались мной ради достижения собственных целей.

— У меня не было выбора. Вы пошли на риск.

— Я не имею к вам претензий и ни в чем не упрекаю. Прежде я, наверно, припомнил бы все обиды. Но не теперь. Я даже благодарен вам. Но вам трудно понять почему.

— Отчего же, Алган? — сказал Ногаро. — Я ведь тоже прожил долгую жизнь. Я был и остаюсь вашим другом.

— Теперь это не имеет значения. Пришло время перемен.

— Вы обрели бессмертие? — вмешался Ольриж.

Алган искоса глянул на него.

— И бессмертие, и кое-что еще.

— Каким образом вы перемещаетесь в пространстве? — не унимался Ольриж. — У вас есть звездолет? Звездолет, превосходящий в скорости наши корабли? Как наши детекторы могли упустить его.

— У меня нет звездолета. Вы узнаете, как я перемещаюсь. — Он перевел дыхание. — Я сообщу это и вам, и всем людям.

Воцарилось тяжелое молчание. Восемь бессмертных переглянулись.

— Если вы сделаете это, Освоенной Галактике придет конец, — проговорил после общего молчания Стелло. — Вы понимаете это?

Алган кивнул.

— И вы думаете, мы позволим вам поступать как заблагорассудится? — крикнул Ольриж. — Не думайте, что вы выиграли партию, став бессмертным.

— Вы все еще считаете, что я говорю только от собственного имени? — осведомился Алган. — Думаете, мое личное существование играет какую-нибудь роль? Я пришел, чтобы предупредить вас. И только. Как друг.

— Это ультиматум? — спросил Вольтан.

— Разве я выдвинул какие-то условия?

— Итак, легенды оказались не так далеки от истины! — вмешался Ногаро.

— Они были несколько неполны, — улыбнулся Алган.

— Шахматная доска?

— Вы узнаете все. Все. И сможете пользоваться ею, как и я. Именно это знание я и принес вам. Вам и всем остальным людям.

— Люди еще не созрели для этого, — проговорил Люран. — Только когда они обретут зрелость, мы дадим им бессмертие.

— Почему? Бессмертие и шахматная доска не главное. Главное то, что я должен вам

сообщить.

— Мы слушаем вас.

— Подождите немного. Может, у вас есть еще ко мне вопросы?

Они снова переглянулись.

— Значит, в Центре Галактики существует некая форма жизни, — начал Ногаро.

— Да.

— И цивилизация?

— Да.

— Более развитая, чем наша?

— Все зависит от смысла, который вы вкладываете в слово «цивилизация». С вашей точки зрения, цивилизация означает форму общественной организации, которая вписывается в определенное пространство и меняется в течение времени. То, что существует там, коренным образом отличается от всего, что вы можете вообразить.

— Они... враждебны?

— Вы хотите сказать, враждебны по отношению к человеку? С какой стати? И зачем им тогда нужно было бы посылать меня к вам?

Ольриж вскочил с места и, опершись о стол, наклонился вперед.

— Вы враг, — изрек он. — Некогда вы были человеком. Но что-то вас преобразило. Вы как раковина, приютившая инородца. Вы пробрались сюда с целью уничтожить нас. Но мы не позволим себя одолеть.

Он сунул руку в прорезь своего одеяния и извлек оттуда тонкий блестящий предмет. Из острия вырвался золотистый луч и уткнулся в грудь Алгана.

— Нет, — усмехнулся Алган. — Те, кто послали меня, дали мне защиту от вашего оружия. Вы бессильны уничтожить меня. Я же могу вырвать оружие из ваших рук и обратить его против вас. Я считал вас мудрее...

— Может, перейдем к изложению цели вашего визита? — спросил Стелло.

— Не уверен, что вы готовы воспринять мои слова, а потому начну с того, чем занимался эти двести лет. Я созерцал космос и любовался звездами, я избороздил Галактику вдоль и поперек, я побывал в таких далях, о которых вы и понятия не имеете, я видел свет и время, которые волнами разбегались от меня по безбрежному океану Вселенной. Все это принадлежит и вам. Когда ощущения переполнили меня, мне открылось истинное предназначение человека — он обязан покорять Вселенную голыми руками, но не в одиночестве.

— А с кем? — выдохнул Ольриж.

— Всему свой черед. Все, что я видел и пережил, станет частью вашего опыта. Но, чтобы получить право на это, следует кое-что узнать.

Он увидел, как дрожат их лежащие на столе руки, как мерцают в глазах тревожные огоньки.

— Первая часть моего послания проста и коротка. Но, боюсь, вам понадобится немалый срок, чтобы осмыслить ее.

Он отступил на шаг и глубоко вздохнул. Воздух наполнил его легкие. Алгана вдруг охватила печаль.

— Одна фраза, — вымолвил он. — Люди суть дети.

Он расслышал шепот Ногаро.

— Я знал это. Я всегда предполагал нечто подобное...

— А те, кто послал вас... наши родители? — с трудом выдавил Стелло.

— Если хотите, — ответил Алган. — Представьте себе расу, которая мыслит категориями не лет, веков или тысячелетий, а миллионолетиями, расу, для которой рождение, жизнь и смерть звезды сравнимы с продолжительностью жизни отдельного индивидуума. Ее коллективный разум сконцентрирован в Центре Галактики. Эта раса желает освоить окружающее пространство... Нет, вернее будет сказать, что она намерена раскинуть покров жизни, тепла и разума на окружающую ее пустоту. Ей хочется достичь самых

отдаленных скоплений звезд, сверкающих в невообразимой дали. Эта раса могла использовать звездолеты, как это сделали вы, но предпочла избрать иные средства, которые лучше соответствуют ее пониманию пространства и времени. Она решила приобрести соратников, которые помогли бы ей преодолевать пространство.

Эта раса разработала план освоения Галактики, рассчитанный на миллионы лет. И реализует его с уверенностью и спокойной расчетливостью, поскольку бег времени мало затрагивает ее. Представители этой расы с большими трудностями перемещаются в обычном пространстве, но все же они преодолели все препятствия и так же, как это сделали позже люди, рассеяли повсюду зерна своей цивилизации.

В отдаленном прошлом они заложили на миллионах миров основы жизни, создали условия для ее развития. Началось ожидание. По их меркам, прошел короткий отрезок времени, хотя человеку он бы показался неимоверно долгим. И в миллионах «пробирок» забурлила жизнь. Вокруг Центра Галактики возникли очаги жизни, одни животные царства сменялись другими, многое не получилось из-за того, что изменились условия, но в целом план развивался успешно. В некоторых «пробирках» появилась нужная форма жизни. От простейших произошли многоклеточные, растения способствовали зарождению животных, млекопитающие вытеснили рептилий. Цепь жизни становилась все сложнее. И в конце концов сформировался человек. Это произошло не в одной точке Галактики, а на миллионах планет в результате долгой эволюции.

Человек двинулся вверх по лестнице прогресса, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Каждый следующий этап был короче предыдущего. Постепенно человек освоил часть Галактики, но он по-прежнему не догадывался, что в безднах пространства существуют родственные формы жизни. Бездны пространства, разделяющие разные человеческие сообщества, сегодня становятся все уже, и любая экспедиция может случайно пронзить тонкую пленку неизвестности, оказавшись в тех районах, где жизнь бьет ключом. Когда человеческие сообщества воссоединятся, план будет завершен. Начнется новый этап — появится качественно иное сообщество разумных существ. Расстояния исчезнут. И люди обретут то, к чему бессознательно стремятся всю жизнь.

Но примут ли они свою судьбу как должное? Именно на этот вопрос ответить всего труднее. Ведь на протяжении тысячелетий люди строили свою автономную цивилизацию.

Они немного отклонились в сторону, а теперь их следует направить по верному пути, дав им бессмертие — ключ к решению любых задач, которые ставит перед нами необозримое пространство.

Люди пытались решать эти проблемы доступными им средствами. Они создали себе помощников в виде электронных машин, и те помогли им. Но одна проблема осталась нерешенной. Они не знали, кем были, не знали своих истоков, не понимали, почему рвутся от одного мира к другому, бегут из вчера в завтра. Но стоило одному человеку — мне повезло, таким человеком оказался я — попасть в районы, где обосновалась та раса, о которой я говорил, как многое встало на свои места. Отныне люди будут решать задачи себе по плечу и навек избавятся от невроза.

Какая их ждет судьба? Их ждет судьба, к которой они подготовлены наилучшим образом. Им предстоит решить задачу, которую они уже научились более или менее верно решать. На первый взгляд мои слова могут показаться вам нелепостью, но они касаются сути вещей.

Алган помолчал и, усмехнувшись, продолжил.

— Люди многое могут. Они способны выжить практически в любых условиях, умеют перемещаться в пространстве, отчасти лечить себя... На досуге они играют в шахматы, занимаются решением шахматных задач. Но, оказывается, шахматы имеют еще и совершенно иное назначение, а зотл помогает пробудить в человеке спящие способности.

Доска из шестидесяти четырех клеток позволяет реализовать миллиарды комбинаций, которые соответствуют миллиардам перемещений в пространстве. Как только человек осознает свои способности, он освободится от пут современных представлений о мире. Зотл

активизирует мозговую деятельность человека и необходим ему как хлеб и вода. Зотл вышел из той же пробирки, что и человек, но происходит с тех планет, куда люди не могли добраться раньше положенного времени. Тайну своего происхождения и путешествия в пространстве они должны были узнать не сразу. Сначала человеку надлежало набраться опыта и построить свою цивилизацию. И только после этого он мог открыть зотл и использовать его свойства.

Таким образом, решение задач на шахматных древних досках, встречающихся в Освоенной Галактике, соответствует определенному перемещению в пространстве. Здесь нет никакой магии. Человеческий мозг позволяет совершать перелеты от звезды к звезде, но для этого надо овладеть некоторыми мыслительными процессами. Клетки доски указывают четкие координаты. Каждая клетка соответствует одному измерению. Решение шахматной задачи — выбор маршрута, и, как только он выбран, человеческое тело, самый совершенный из звездолетов, переносится из мира в мир по почти нулевой траектории практически мгновенно. Понять эту механику не трудно, поскольку она использует давным-давно открытые принципы. На них работают звездолеты. Но здесь процесс доведен до совершенства.

Миллионы лет назад раса, о которой я говорю, построила черные цитадели, нечто вроде наших космопортов. Она рассеяла по Галактике специально подготовленные шахматные доски и ждала до сегодняшнего дня. Теперь она с нашей помощью сможет добраться до границ Вселенной.

— Это бесчеловечно, — изменившимся голосом сказал Стелло.

— Не уверен, — возразил Жерг Алган. — Вы считаете более человечным хранить бессмертие для горстки избранных? Вы считаете человеческой вербовку людей для исполнения ваших замыслов? Вы считаете человеческим то, что люди гибнут в ядовитых болотах на какой-нибудь планете под предлогом расширения Освоенной Галактики? А ведь именно теперь мы становимся подлинными властелинами времени и пространства. Мы — люди космоса, хотя вечно воевали с ним. Завтра он покорится нам.

— Мы перестанем быть хозяевами своей судьбы! — крикнул Ольриж.

— А были ли вы ими? Вы считаете так оттого, что распространяли свою власть на миллионы людей.

Воцарилось молчание. Ногаро обвел взглядом стены зала. «Тысячи имен. Тысячи имен бессмертных, и вот эта цепь разорвана. Стоит ли сожалеть об этом?».

— Звездное поле, — произнес он. — Черные цитадели. Значит, все было правдой.

— Все было правдой. И на этой планете, в сотнях метров под вашими ногами, под слоем наносов и отложений погребена одна из цитаделей. Вы могли случайно наткнуться на нее. Случайность ли, что пол большого зала Машины воспроизводит шахматную доску с ее фигурами? Случайность ли, что меня послали к Центру Галактики, а один из эльсинорцев вручил мне старинную шахматную доску?

Время хаоса миновало, — тихо продолжал Алган. — Не думаю, что мы утратили свою человеческую суть. Мы вышли на верный путь после долгих блужданий в потемках. Сеть цитаделей нужна для начала. Завтра люди обойдутся без них, передвигаясь по неисчислимым дорогам пространства.

— Что бы ни случилось, — сказал Ногаро, — я иду с вами. Я хочу увидеть Центр Галактики собственными глазами. Хочу стать свидетелем того, как преобразится человечество.

— Люди — дети, — вымолвил Стелло. — Я никак не могу свыкнуться с этой мыслью.

— У вас есть на это время, — рассмеялся Алган. — Свыкайтесь с нею, гуляя среди звезд.

Ольриж стукнул громадным кулаком по хрустальной столешнице.

— Все вы — банда предателей, — заорал он, — а те, кто послал вас, Алган, сборище трусов. Я раскусил вас. Они послали вас в надежде, что мы сдадимся не пикнув и падём к их ногам, поверив в красивые легенды. Я не верю вам.

— От вас никто этого и не требует, — отрезал Алган.

— Мы не позволим вам и шелохнуться, — голос Ольрижа сорвался на визг. — Настал день, который предвидели наши предки. Нам придется сражаться. Я не жалею об этом. Пусть будет война, Алган. Мы в ней победим. Идите и обрадуйте своих нанимателей. Мы не боимся их. Они не обратят нас в рабов только потому, что живут в той же Галактике, что и человек.

— Войны не будет, — сухо оборвал его Алган. — Война никогда не решала проблем человека.

Он подошел к столу и поочередно взгляделся в каждого из восьмерых. И вдруг они ощутили, что повисли в воздухе. Стены подземного зала сотрясла дрожь. Сила тяжести исчезла. У Ольрижа перехватило дыхание. У Люрана мелко затряслись руки. Глаза Стелло округлились от удивления. Только лицо Ногаро осталось непроницаемым.

— На всей планете изменилась гравитация, — объяснил Алган. — Меня научили и этому. Я могу пригвоздить ваши звездолеты к земле. Войны не будет. Неужели вы думаете, что люди пойдут за вами, отказавшись от бессмертия и истинной власти над Вселенной?

— Но кто они такие? — спросил Ногаро. — Они похожи на людей? Как они выглядят? Бессмертны ли они?

— Нет, — ответил он, — они не вечны. Они — смертные существа. Вы их видите ежедневно. Человек испокон веков обращал к ним свои взоры. Это — звезды.

Он на мгновение умолк, задумавшись о том, что скажет дальше. Лица присутствующих выражали ужас, неверие и облегчение одновременно. В голове Алгана уже давно сложились нужные слова и фразы. Он вынашивал их в себе, путешествуя в пространстве, касаясь в полете комет и туманностей, исследуя Вселенную, будущую обитель человека.

— Звезды, а вернее, обитатели звезд, которые рождаются, живут и умирают вместе со светилом. Эта странная жизнь возникла несколько миллиардов лет назад в момент первоначального взрыва проатомы. Она постепенно стянулась к Центру Галактики, стала очагом разума, который болезненно жаждал осветить и согреть ледяную пустыню, окружавшую его со всех сторон.

Раса была одинока, и ее одиночество люди не могут понять и разделить. Ей хотелось общения с себе подобными не только с помощью световых лучей, ведь существуют столь далекие звезды и галактики, что свет не достигает их. Тогда-то и родился план умножения жизни, в котором люди, разумные соратники и друзья, станут как бы кровью звезд, бегущей по венам пространства, с тем чтобы отодвинуть границы мрака и хаоса. Человек будет исследовать иные галактики Вселенной, пока не угаснут ее звезды. А когда она уснет ледяным сном, люди понесут славный факел своего звездного бытия в другие Вселенные.

Человек впервые дорос до Вселенной. И теперь можно, не испытывая страха, бороться с мраком.

Скоро нам предстоит встреча с другими человечествами, мы увидим миры, где они обитают, и вместе понесем факел разума...

Он перевел дыхание и увидел на их лицах первые проблески понимания.

— Мы пока еще дети. Пора расстаться с детством. Небо с мириадами сверкающих звезд принадлежит нам. Мы слишком неожиданно переступили порог широко распахнутых врат пространства и зажмурились, вступив в его необъятные просторы. Наступила иная пора — эра зрелости человека. И открыть ее довелось нам.